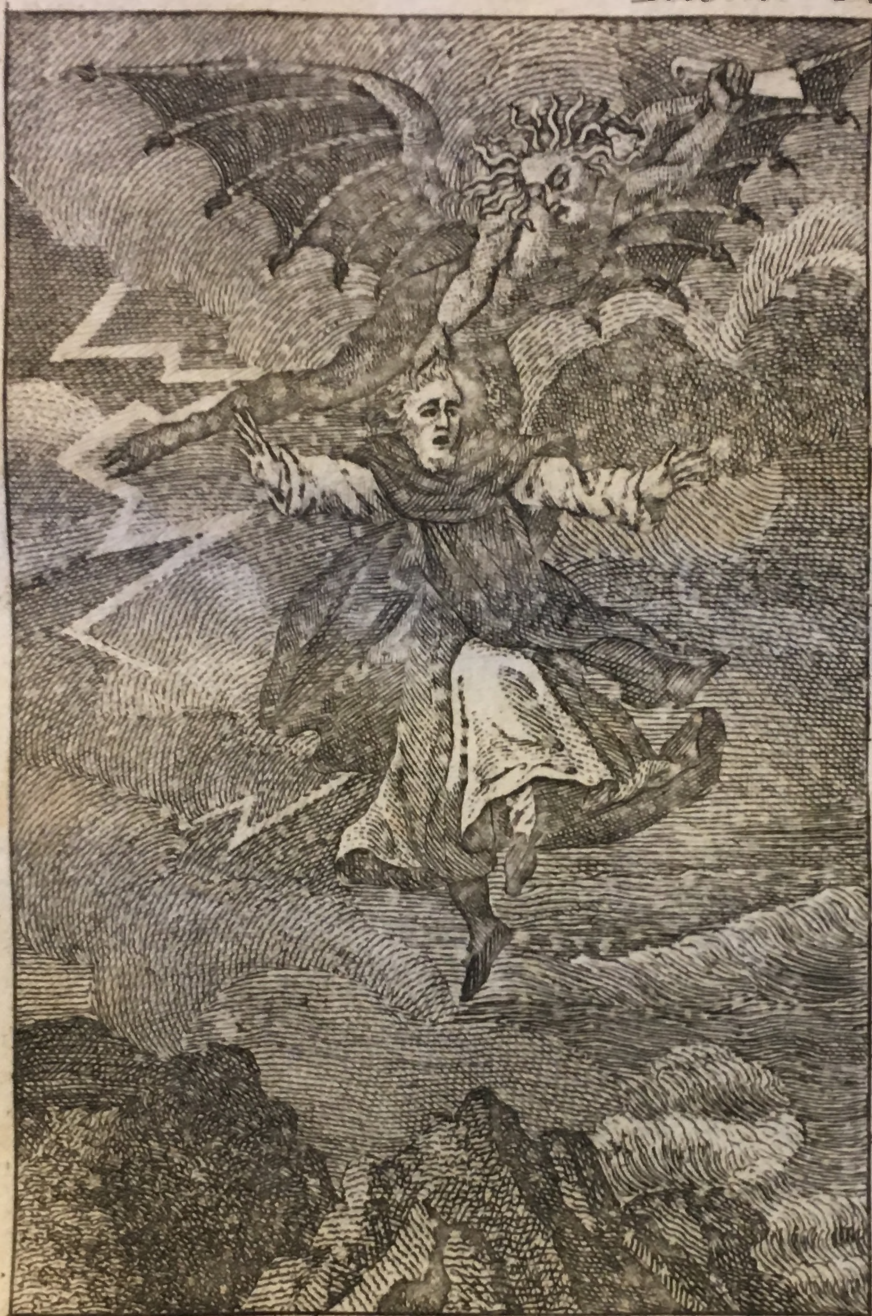

Часть 4.^я

Вотъ какъ я увѣряюсь въ своей
добычѣ.

М О Н А Х Ъ
Ф Р А Н Ц И С К А Н С К О Й,
или
ПАГУБНЫЯ СЛѢДСТВІЯ
ПЫЛКИХЪ СТРАСТЕЙ.

С о ч и н е н і е

славной Гж. Радклифъ.

Переведено съ Французскаго

И. Пвнкв. и И. Рслжв.

Часть четвертая.

Somnia, terrores magicos, miracula, sagas,
Nocturnos lemures, portentaque. —

Horatius.

ВЪ С А Н К Т - П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ,
въ Типографіи И. Глазунова, 1805 года.

**Печатано съ дозволенія Санктпербург-
ской Цензуры.**

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Dites moi, morts, aucun de vous par pitié ne voudrat-il nous apprendre le secret qui vous est révélé! Oh! s'il plaisoit à quelque officieux revenant de nous dire ce que vous etes, ce que nous serons bientôt! j'ai oui dire que quelques fois ces ames obligeantes étoient venues annoncer aux vivans leur mort prochaine; je leur saurois gré de frapper à ma porte et de me donner l'alarme.

Blaire (*)

(*) Рдыше мнѣ, усопшіе! или пусть кто нибудь изъ васъ изъ жалости опкроешь намъ шайнспво вамъ опкрытое; ахъ! ешьлибъ кто либо изъ благодѣшельныхъ мертвецовъ, сказалъ намъ, что вы сушь, и что мы будемъ скоро. Я слышалъ нѣсколько разъ, что нѣкоторыя человѣколюбивыя души возвѣщали живущимъ приближающуюся кончину ихъ. Какъ бы я желалъ — ешьли бы тогда ударили въ дверь мою и наполнили душу мою горестію.

Блеръ.

Гиларій препеталъ вѣ разсужечіи самого себя, когда разсуждалъ о великомъ ходѣ своей порочности—великоствѣ пресупленія, имѣ предпринимаемаго, наполняла душу его ужасомъ. Умерщвленая Эльвира безпрестанно представлялась глазамъ его; грызенія совѣсти мучили его за сіе безчеловѣчное дѣйствіе; но впечатлѣніе сіе мало по малу вѣ немъ ослабѣвало. Прошелъ день. Наступилъ другой и никакое подозрѣніе не упало на него. Пресупленіе, избѣжавшее наказаніе, весьма много потеряло черноты своей. Онъ началъ ободряться и по мѣрѣ уменьшенія страховъ бысть открыту, онъ сдѣлался менѣе чувствительнымъ къ угрызеніямъ совѣсти. Матильда также старалась успокоить ужасы его. При первомъ извѣстіи о смерти Эльвиры, казалось, что она была очень пронута, почему и присоединилась тогда къ монаху, оплакивая несчастной случай его приключенія. Но увидѣвъ его вѣ спокойнѣйшемъ положеніи и хорошемъ расположеніи выслушивающа доказательства ея, вѣ ласковыхъ израже-

ніяхъ начала говоритъ съ нимъ о его преступленіи и старалась его увѣрить, что онъ не столько виновенъ, какъ самъ о себѣ думаетъ. Представляла ему, что онъ выполнилъ токмо права, данныя намъ природою для защищенія самого себя; потому, что путь должно было умереть или ему или Эльвирѣ, и она по своей жестокости, оказанной ему, заслужила участь свою. Замѣтила ему также, что какъ Гиларій былъ еще прежде подозрительнымъ въ глазахъ Эльвиры, то онъ еще весьма щасливъ, что смерть обуздала языкъ ея; потому, что безъ сего случая, подозрѣнія, которыя она имѣла, сдѣлавшись явными, могли бы имѣть непріятныя послѣдствія; а по сему-то онъ избавился такой непріятельницы, которая его слишкомъ много знала, чтобъ быть ему опасной. При томъ же она была великимъ препятствіемъ въ видахъ его на Антонію. Такимъ образомъ она побуждала его не оставять своихъ предпріятій, увѣряя его, что теперь Антонія, ставъ безъ защищенія бдительной матери своей, весьма удобно можетъ учи-

нитъся его добычею; сильной похвалою, живымъ изображеніемъ прелестей Антоніи она старалась возжечь монахово сладострастіе. Въ чемъ и не успѣла.

Но какъ преступленія, въ которыхъ влачила спрасъ его, увеличивали шокмо жестокость оной; то и возымѣлъ онъ гораздо болѣе желаній обладать Антоніей — онъ льстился, что то же самое щастіе, которое сокрывало первое его преступленіе, вспомошествоуетъ и другому. Онъ рѣшился, во что бы то ни спало, удовлетворить своему сладострастію — и ожидалъ шокмо случая для возобновленія перваго своего предпріятія. Но не лъзя было получить успѣха отъ прежнихъ средствъ: въ первыхъ испу- пленіяхъ своего опчаянія, переломилъ онъ обвороженную миршу; Машильда ему на опрѣзъ сказала, что онъ не долженъ пребывать другой помощи отъ Адскихъ силъ, еспли шолько онъ не покорится предложеннымъ условіямъ; Гиларій совершенно рѣшился не приывать ихъ—онъ былъ швердо увѣренъ, что въ самыхъ величайшихъ преступленіяхъ,

только бы были сохранены права на искупление, не можно опчаяваться въ полученіи прощенія. Почему онъ вовсе отказался имѣть всякое сообщеніе съ дьяволомъ. Матильда, нашедши его непоколебимымъ на семъ пунктѣ, не захотѣла болѣе въ помъ его превозжитъ. Она заняла токмо его воображеніе выскиваніемъ какого либо способа, могущаго подвергнуть Антонію власти настоятеля — и вскорѣ они нашли одно такое средство. —

Нещасное дѣля между тѣмъ, какъ думали о ея гибели, чувствительно спрадало о потерѣ своей мащери — первое ея спараніе было, пробудившись ходишь каждое утро въ покой Эльвиры — но въ помъ самой день, кошорой преслѣдовалъ роковому посѣщенію Гиларія, проснулась она гораздо позже обыкновеннаго — (о чемъ извѣщали монастырскіе часы.) Соскочивъ съ постели своей, набросивъ на себя безъ всякаго вниманія плащъ, спѣшила идти къ мащери своей, дабы узнать, какъ она почивала — какъ вдругъ при первомъ своемъ шагѣ почувствовала

ничто подъ ногою своею — она присма-
тривается -- и -- какой ужасъ объялъ ее,
когда увидѣла трупъ Эльвиры. Испу-
стивъ пронзительный крикъ, упала
она на землю безъ памяти, обняла сіе
бездушное тѣло, сильно прижала его къ
груди своей; чувствовала хладъ смерти
и — въ движеніи непроизвольнаго оп-
ращенія опустила его на землю; на крикъ
ея прибѣжала испуганная Флора. Зрѣ-
лище, ею видѣнное, поразило ее равнымъ
ужасомъ, но печаль ея гораздо болѣе про-
извела шуму, нежели печаль Антоніи —
крикомъ своимъ наполнила она весь домъ;
между тѣмъ какъ госпожа ея за рыда-
ніемъ и за вздохами не могла произне-
сти ни одного слова. — Скоро хозяйка,
услышавъ столь странной голосъ Фло-
ры, прибѣжала къ нимъ и поражена бы-
ла удивленіемъ и безпредѣльнымъ ужа-
сомъ. Въ ту же минуту послано было
за лекаремъ, который съ перваго своего
взгляду на трупъ объявилъ, что ника-
кое человѣческое искусство не можетъ
возвратить жизнь Эльвирѣ, и только
что подалъ помощь Антоніи, имѣющей

въ оной великую необходимость. Антонію положили на постелю: между шѣмъ какъ хозяйка занималась похоронами Эльвиры. Госпожа Жасинтъ была добра и благородна, проспа, ласкова и набожна; но разумъ ея былъ въ тѣсныхъ границахъ; будучи робка и суевѣрна, спрашилась по своему воображенію препроводить ночь въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ былъ мертвецъ. Ничто не могло ее разувѣрить, что не предсавишся ей душа Эльвиры; она была твердо въ томъ увѣрена, такъ какъ и въ томъ, что произшедшій отъ сего ужасъ можетъ прекрашитъ жизнь ея; по чему она и рѣшилась идти спать къ сосѣдямъ и — непременно хотѣла, чтобъ похороны были на другой день поушру. Сен - Клерское кладбище было самое ближайшее, почему и рѣшено погребсти Эльвиру въ ономъ. Госпожа Жасинтъ обѣщалась запластитъ за церемонію; ибо она не знала, какія имѣла способы къ тому Антонія; видя величайшую экономію сихъ двухъ господъ, она заключила, что доходы ихъ весьма умѣренны, по чему для нея весь-

ма мало оставалось надежды видѣть утѣшу себѣ; но какъ бы то ни было, сія причина не возпрепятствовала ей стараться, чтобъ все шло своимъ порядкомъ, и чтобъ несчастная Антонія не чувствовала ни въ чемъ недостатку.

Что не умираютъ съ горести — Антонія живой тому примѣръ; будучи молодая, хорошаго сложенія, она выдержала болѣзнь, причиненную ей смертію материнскою. Но не столь удобно было излечить душу ея, сколь было удобно излечить ея тѣло; слезы всегда блистали изъ-за рѣсницъ ея; малѣйшее прошивурчье было для нея мученіемъ — все показывало, что она питала въ сердцѣ своемъ глубокую меланхолію. При каждомъ произношеніи имени ея, при малѣйшемъ обстоятельстве, приводящемъ ей на память сію нѣжную мать — она впадала въ чрезвычайныя горести. Но еслибъ еще она знала мучительной конецъ жизни несчастной своей матери, то сколькобъ должна быть велика горестъ ея. Но какъ Эльвира часто мучилась жестокими судорогами, то и

полагали, что, спрaшaсa пароксизма, пaшaшaсь до дaдeрeй кoмнaтaы сaoeй дoчeрeи, чтoбы сaскaшa пaмб сeбб пoмoщb; нo чтo пpипaдкe спoль сaльнo oвлaдблe eю, чтo oнa нe мoгшe пpoшeвeпсьeя кмб, нaхoдeясь вб спoль гeбeльнoмб сoстoянeи, умeрлa, нe мoгшe дoстaпть сeбб лбкaр-спвa, eю oбыкнoвeннo вб шaкoмб случaвб упoтpеблeмaгo, кoтopoe нaхoдeлoсь нa спoлeкб вб eя кaбeнeтб. Сe мнбвнe пpинeмaeмo былo тoкмo пбмe oсoбaмe, кoтopыe нaибoлбe кншeрeсoвaлeсь Эль-вeрoю и — смeрть eя пoчeпaлe зa смeрть oбыкнoвeннoю. Скoрo пpeдaлe ee зaбвeнeю, нeктo бoлбe нe пoмышлeялб oбб нeй кpомб тoй, кoтopaя имблa спoлькo пpичинб длe oплaкeвaнeя сaoeй пoтeрe.

Пpи тaкoвыхб-тo oбстoятeльствaхб пoлoжeнe Aнтoнeи былo мpачнo и пeчaльнo. Бывб oднa вo вceмб свбштб, бeзб шaспeя, сpeдe пpocтpaннaгo гoрoдa, oнa нe имблa дaжe и дpугa сeбб. Тeшкa eя Лeонeллa былa eщe вб Кoрдубб, кб кoтopoй oнa нe знaлa и aдpeсy; нe пoлyчaлa нeкaкoгo извбспeя o Maркeзб Лaсб Сeстeрнaсб; чтoжб кaсaeтcя дo Лoрeн-

за, то она уже давно не смѣла льститься надеждою — имѣть мѣсто въ сердцѣ его: и такъ, къ кому опнесись, чтобъ избавиться таковыхъ запутанностей? вдругъ Гиларій представился ея воображенію — она вознамѣрилась прибѣгнуть къ совѣтамъ его; но вспомнивъ повелѣніе своей матери, дабы сколько возможно удаляться отъ него, а послѣдній ея разговоръ съ Эльвирою о семъ предметѣ довольно обнаружилъ умыслы монаха, чтобъ предпринять ей противу него оспорожность для будущности. Впрочемъ всѣ наставленія матери ея не могли поколебать добраго ея мнѣнія объ Гиларіѣ; она еще считала, что дружество и сообщество его необходимо нужны — къ ея щастію, смопрѣла сквозь пальцы на его предпріяшя и не могла причудить себя думать, что онъ дѣйствительно предпринималъ погубить ее; но Эльвира ей строго приказала не имѣть съ нимъ никакой связи, и Антонія изъ уваженія къ памяти родившей ее не могла противиться ея повелѣнію.

Наконецъ она вознамѣрилась опне-

стись къ Маркизу де Ласъ Систернасъ, такъ какъ ближайшему своему родственнику, прося его совѣтовъ и покровительства, извѣщая ему въ краткихъ словахъ плачевное свое состояніе, умоляла его о сожалѣніи надъ дитяшею брата своего, просила продолжать ей Эльвирину пенсію и позволишь возвратиться ей въ томъ старый замокъ, которымъ онъ владѣлъ въ Мурціи, и въ которомъ она до сихъ поръ обитала. Запечатавъ письмо отдала его вѣрной Флоръ своей, пошедшей въ ту же минуту выполнить ея приказаніе. Но Антонія рождена была подъ несчастною планетою. Еслибъ она отнеслась къ Маркизу за день передъ симъ, то, ставъ его племянницей и бывъ приобщена къ его фамиліи, она избѣгла бы всѣхъ несчастій, ей угрожающихъ. Раймондъ всегда имѣлъ намѣреніе выполнить это предпріятіе; но надѣясь сначала, что это предложеніе сама Агнесса сдѣлаетъ Эльвирѣ, по томъ, когда онъ имѣлъ несчастіе потерять свою любовницу, жестокая болѣзнь въ продолженіе нѣкотораго времени удер-

живала его въ постелѣ и заспавляла его день ото дня откладываятъ — предложишь вдовѣ брата своего убѣжище въ домѣ своемъ. Онъ препоручилъ Лорензу имѣть въ виду сихъ госпожъ и не оставялъ ихъ; но Эльвира, не желая пріять никакой услуги отъ сего молодого господина, увѣрила его, что она покаместъ ни въ чемъ не прешерпываетъ недостатку, почему Маркизъ и не воображалъ, что малѣйшее замедленіе ввергнетъ ее въ задушанность; но мученія плесныя и горести душевныя довольно извиняли его нерадѣніе.

Естьлибы онъ зналъ, что умершая Эльвира оставила дочь свою безъ друзей и покровительства, то онъ безъ сомнѣнія предпринялъ бы мѣры удалить ее отъ опасностей; но Антонія не была опредѣлена для такого щастія. Тотъ день, въ которой она послала письмо свое въ палаты Ласъ Сиспернаса, былъ днемъ скорого отъѣзда Лоренза изъ Мадриша и -- какъ Маркизъ былъ въ первомъ жару своей горести, причиненной ему смертію Агнессы, и поелику жизнь

его находилась въ опасности, по къ нему никого и не впускали. Флоръ сказано, что онъ не въ состояніи былъ читать письма, и что ему можетъ быть только нѣсколько часовъ осталось жить на свѣшѣ, почему она и принуждена была возвратиться съ сими печальными извѣстіями къ госпожѣ своей.

Антонія болѣе нежели когда либо запечалилась. Флора и госпожа Жасинтъ прилагали всѣ силы свои къ тому, чтобъ утѣшить ее. Последняяжъ, прося ее успокоиться, увѣрила ее, что если она согласится, то приметъ ее за собственную дочь свою. Видя въ сей доброй женщинѣ истинное къ себѣ расположеніе, Антонія радовалась въ мысляхъ своихъ, что она по крайней мѣрѣ имѣетъ въ свѣшѣ себѣ друга. Вскорѣ принесли ей письмо, на имя Эльвиры адресованное. Узнавъ руку Леонеллы, Антонія съ восхищеніемъ распечатала его, нашла въ немъ подробное извѣстіе, случившагося съ шешкою ея въ Кордуѣ. Леонелла увѣдомляла сестру свою, что она выиграла свое наслѣдство, но потеряла

свое сердце, въ размѣнужъ онаго получила сердце любезнѣйшаго изъ всѣхъ прошедшихъ, будущихъ и настоящихъ Аптекарей, присовокупила также, что прїѣдетъ въ Мадридъ въ слѣдующій вшорникъ и представитъ ей со всею церемонією милаго своего супруга. Хотя свадьба сія весьма не нравилась Антоніи, однакожь она радовалась скорому возвращенію Леонеллы, ласкаясь мыслию бытъ подъ покровительствомъ родственницы, чувствовала, сколь неблагоприсстойно молодой дѣвушкѣ жить между незнакомыми, не имѣя никого, ктобъ могъ управлять ея поступками или защищать ее отъ непріятностей, коимъ можетъ подвергнуться одинакое ея состояніе, почему она и ожидала съ великою нетерпѣливостію слѣдующаго вшорника.

Наконецъ сей день насталъ. Антонія съ безпокойствомъ прислушивалась къ каждому стуку каретъ, проѣзжающихъ по улицѣ. Но ни одна ни останавливалась. Часы летѣли. На дворъ уже было поздно, а Леонелла еще не бывала, но Антонія рѣшилась не ложиться въ по-

спелю до прїѣзда пешки своей. Флора и госпожа Жасинтъ, не смотря на прозбы ея захопѣли ей сдѣлать компанію. Тихо и печально протекали часы. Опѣздѣ Лоренза положилъ конецъ ночнымъ серенадамъ и — Антонія щещно ласкалась внимать подъ окошкомъ прїяшнымъ тонамъ гитары. Опѣ скуки взяла свою и выигрывала на оной нѣкоторыя ноты; но какъ въ сей день музыка не имѣла для нея никакой прїятности; то она и положила гитару свою въ футляръ. Принялась за шитье, но все шло наизворотъ: цвѣты не имѣли своей прїятности, шелкъ безпрестанно рвался и иглы капились изъ рукъ ея столь быстро, что можно было почестъ ихъ за одушевленные; къ большей ея досадѣ со свѣчки упала капля воску на гирланду фіялковъ, отдѣлываемую съ великимъ стараніемъ. Она бросила иглы и — оставила шитье свое. Видно было, что въ сей вечеръ ничто не могло занять ее. Предавшись всей скукѣ своей, занялась она щещнымъ ожиданіемъ прїѣзда своей пешки.

Разхаживаясь туда и сюда въ своей комнатѣ взоры ея упали на ту самую дверь, которая препровождала въ покой ея матери. Вдругъ пришло ей на память, что у Эльвиры была маленькая библиотека и вообразивъ, что она тамъ можетъ найти какую нибудь забавную книгу для чтенія въ ожиданіи пріѣзда Леонеллы взяла свѣчу, прошла маленькой кабинетъ и вступила въ ближнюю комнату. При обзорѣнн предмѣтовъ, ее окружающихъ, видъ сей комнаты привелъ ей на память тысячу горестныхъ воспоминаній. Въ первой разъ еще вошла она сюда по смерти своей матери. Молчаніе царствующее въ покояхъ, безъ уборовъ постель, мрачная лампада, въ которой находилась еще угасшая свѣпильня и на окошкѣ полузасохшія нѣкопорыя распѣнія, копорыя были оставлены безъ вниманія по смерти Эльвиры, внушали Антоніа нѣкопорой родъ благочестиваго шрепета. Мракъ ночи присоединялся къ симъ меланхолическимъ чувствованіямъ. Поставивъ на столъ свѣчу сѣла она въ большихъ креслахъ тамъ,

гдѣ нѣсколько разѣ видѣла мать свою сидящую. Увы! она никогда ее впредѣ шамѣ не увидитѣ! невольныя слезы капились по лицу ея — она предалась всей своей горести, копорая съ минушы на минушу дѣлалась жесточае:

Стыдясь своей слабости наконецѣ встала она и пошла искать за чѣмѣ пришла вѣ сіе печальное мѣсто. Книгѣ было немного. Онѣ всѣ лежали на полкахѣ, долго Антонія не могла сыскать для себя интересной изѣ оныхѣ, наконецѣ попался ей подѣ руку томѣ старыхѣ Испанскихѣ романсовѣ. Прочитавѣ нѣкоторые спансы возбудившіе ея любопытство, она сѣла перебирать листы вѣ ономѣ. Потомѣ перемѣнивѣ свѣчу совсѣмѣ почти сгорѣвшую, читала слѣдующій Романсѣ.

*Храбрый Алонзо и прекрасная
Иможина.*

Свершилось! — ѣду вѣ Палестину!
Влюбленный Рыцарь говорилъ,
Лаская нѣжну Иможину.
Бышь шакѣ ; я Рыцарь — емѣ и
быль!

Теперь, о щастіе! спруится
Слеза изъ черныхъ глазъ твоихъ;
Но будетъ время — осушится
Рукой любовниковъ другихъ.

Тебя забыть? нѣтъ! нѣтъ! клянусь,
Тебя во вѣки не забуду,
Къ тебѣ во вѣкъ не премѣнюсь,
Мертва или жива я буду;

Когда же кляшву я нарушу;
То пусть въ день свадьбы моя
Увижу блѣдну твою душу
Сидящую вблизи меня.

Пусть тѣнь твоя тогда покажетъ
Свои права всѣмъ на меня,
Влача съ собою въ гробъ, пусть
скажетъ;

Она была жена моя!

Прошекъ годъ; — въ знаменишомъ чинѣ
Баронъ красивой и живой
Явился къ милой Иможинѣ,
Ласкаяся ея рукой.

Баронство, блескъ даровъ скло-
нили—

Красотку бытъ его женой.

Тотчасъ день брака положили.

Приспѣлъ онъ — пиръ былъ доро-
гой!

Веселье, радость разливались
Въ глазахъ пирующихъ гостей;
Супругъ *виватъ* раздавались —
Брякъ Рыцарь шумъ! и сѣлъ близъ ней.
Видъ, поступь, станъ и взглядъ его
Вдыхали въ cadaго почтение —
Кто только взглянетъ на него,
Почувствуетъ въ груди движенъе.
Шишакъ навислый надъ глазами
Отъ всѣхъ очей его скрывалъ,
Сидѣлъ какъ камень межъ гостями —
На Иможину лишь взиралъ,

„Сними шишакъ свой — покажися!
„Младая съ препешомъ рекла,
„Отбрось печали — веселися,
„Прошу, сними шишакъ съ чела!

Сказала — Рыцарь снялъ въ минушу
Шишакъ и — выраженій нѣтъ,
Кто могъ предвидѣть участь люшу!
Сей Рыцарь — былъ сухой скелетъ.

Сухой съ одними лишь костями
Гигантъ ужасной, гробовой,
Къ молодой рекъ громкими словами:
Зри, кто я — Алонзо шей.

Когда-то ты мнѣ обѣщала
По гробъ во вѣки бытъ моею;
„Не токмо въ свѣтѣ, ты сказала,
„И въ небѣ буду я швоею.

„Когда же кляпву я нарушу
„То пусть въ день свадьбы моея,
„Увижу блѣдну швою душу
„Сидящую вблизи меня,

Всмотрись въ мое изображенье,
Теперь пришелъ за правомъ я, —
Друзья! — Она была жена моя;
Пойдемъ со мною въ подземелье.,,

Сказавъ, схватилъ ее коспями,
Увлекъ съ собою Иможинь
Въ разверзшу бездну предъ госпя-
ми. . . .

А крики слышны и понынѣ:
Не долго жизнью наслаждался
Баронъ — онъ умеръ во слезахъ,
А замокъ запуспѣлъ остался,
Онъ навондлѣ одинъ лишь страхъ.

Въ сей замокъ всякой годъ прихо-
дитъ

Младая нѣжна — Иможинь,
Ужасны крики производитъ,
Бывъ со скелетомъ и понынѣ.

Чтеніе сей исторіи не могло разсѣять ея меланхоліи. Антонія отъ природы была склонна къ чудесности и мамка ея, кошорая твердо вѣрила привидѣніямъ насакала ей во время ея младенчества сполько ужасныхъ приключеній сего рода, что всѣ старанія Эльвиры не могли изгладить съ ея разсудка сіи непріятныя впечатлѣнія. Антонія и теперъ еще сохраняла свою наклонность къ суевѣрію такъ, что она прешептала того, что по своемъ отккрытіи заспавляло ее самое краснѣть своей слабости. Для такого расположенія духа довольно было произшествія ею прочитаннаго, чтобы произвести въ ней содроганіе. Часъ и мѣсто, соединившись съ симъ, усугубляли ея страхи. Ночь давно уже наступила. Антонія сидѣла одна въ той самой горницѣ, гдѣ масть ея умерла недавно. Даже самое время съ симъ согласовалось. Сильной вѣпрѣ свисталъ въ скважинахъ, двери съ дикимъ скрипомъ двигались на крючкахъ своихъ; дождь, съ жесткостью ударяя въ стекла оконъ, проходилъ сквозь ставней. Ни-

какого шума другаго за симъ не было слышно. Свѣча горѣвшая въ лампадѣ, по временамъ бросала иногда ярый блескъ, иногда вдругъ, казалось, вздыхала и — сердце Антоніи замирало отъ ужаса, съ трепетомъ блуждали глаза ея по предметамъ, освѣщаемымъ блуждающимъ, прерывчивымъ свѣтомъ. Тщешно она хотѣла встать со стула своего — члены ея трепетали — они не могли ее поддерживать; тщешно призывала она Флору, находящуюся въ недальной комнаѣ — страхъ задушалъ голосъ ея, Флора не могла услышать его; поелику крики издавали на мертвѣющихъ губахъ ея.

Нѣсколько минутъ пребывала она въ семъ положеніи; вскорѣ страхи ея начали мало помалу разсыпаться — она вознамѣрилась, какъ можно скорѣе выдти изъ сей комнаѣ, какъ — вдругъ ей послышался глубокой вздохъ, произнесенной возлѣ нея. Мысль сія ввергнула ее въ прежнюю недѣятельность. Тогда намѣревалась она, взявъ свѣчу, выдти изъ комнаѣ, какъ сей мнимой шумъ остановилъ ее — опдернувъ руку свою

отъ подсвѣшника оперлась она на спинку кресель, съ шрепетомъ прислушивалась; всюду царствовало глубочайшее молчаніе. — „Боже мой! сказала она, что означаетъ этотъ шумъ? или я въ семъ обманываюсь? слышала ли я это въ самомъ дѣлѣ?“, Прерывистые тоны голоса, производящаго отъ дверей, но столь слабые, что она едва могла вслушаться въ него, прервали ея размышленіе; — можно было думать, что кто нибудь говорилъ шопшомъ, по чему и спрахъ Антоніи умножился; но мысль, что двери заперты, поддерживала еще нѣсколько силы ея. Вдругъ локетъ поднялся и дверь шуда и сюда задвигалась, чрезмѣрность спраха воодушевила Антонію, подала ей силу, копорой она до сихъ поръ не имѣла; вспавъ съ мѣста своего, она пошла къ дверямъ кабинета, чтобы пройти въ ту самую горницу, гдѣ находилась Флора и госпожа Жасинтъ. Но едва только она успѣла сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ локетъ поднялся въ другой разъ и — невольное движеніе заставило ее оборотиться. Дверь ошворялась

медлительно и — большая фигура, закутанная въ саванъ, представилась взорамъ Антоніи на порогѣ; — ноги ея окоченѣли, она спояла среди комнапы какъ бы окаменѣлая. Важными, пихими стопами фигура приблизилась къ столу. — Воску ярова свѣча догорала и бросала блѣдногубой свѣтъ на предметы. Стрѣлка часовъ споявшихъ на столѣ, показывала три часа. Фигура спала прошивъ часовъ, подняла правую руку свою и показала оною на цифирь плашъ. Антонія не имѣя силы ни дышать, ни говорить ожидала окончанія такой сцены.

Прошло нѣсколько минутъ такимъ образомъ. Часы зазвонили и — незнакомка приблизилась къ Антоніи.

—, Чрезъ три дни, сказалъ слабый, томный, гробовый голосъ, чрезъ три дни мы увидимся!,,

Антонія затрепешала.

—, Мы увидимся, сказала она въ недоумѣніи: гдѣ мы увидимся? и кого увижу я?,,

Фигура одною рукой показала на полъ, а другою подняла саванъ, покрывающій ея голову.

— „Боже мой! эшо мать моя!„, закричала Антонія и упала безъ памяти. Госпожа Жасинтъ, работая въ ближней горницѣ, вздрогнула отъ сего крику. Флоры не было, она пошла за масломъ для лампы, почему она и побѣжала одна на помощь къ Антоніи и — видя ее лежащую безъ чувствъ на полу, содрогнулась, на рукахъ опнесла ее въ комнату и положила на постель прежде, нежели получила она употребленіе чувствъ своихъ. Госпожа Жасинтъ перла виски ея, била ладони ея и употребляла всѣ возможные средства, чшобы привестъ ее въ чувство, наконецъ удалось ей: Антонія открыла глаза и дико озиралась вокругъ себя. — „Гдѣ она? вскричала она дрожащимъ голосомъ. Не уже ли она ушла уже? Въ безопасности ли я? скажите мнѣ, утѣшите меня, ахъ! ради Бога скажите мнѣ!„

„Въ безопасности! отъ кого дитя мое? опвѣчала удивленная Жасинтъ:

что тебя ужасаетъ и что причиною страха твоего?

„Въ три дни, сказала мнѣ она, что мы увидимся въ три дни. Я ее слышала, я ее видѣла, Жасинтѣ! я ее видѣла теперь только. „

„Вы ее видѣли? когочъ вы видѣли? обнимая спросила Жасинтѣ Антонію. „
— „ Тѣнъ моей матери.

— „ Сладчайшій Іисусе! вскричала Жасинтѣ, бросилась отъ постели, опустила на подушку Антонію и съ ужасомъ выбѣжала изъ комнаты.

При сходѣ съ лѣстницы она встрѣтила идущую Флору — „ поди скорѣй, сказала она ей, поди къ своей госпожѣ! съ ней что-то странное дѣлается. Ахъ! Боже мой! я самая несчастнѣйшая изъ женщинъ. Домъ мой теперь полнехонекъ мертвецовъ, привидѣній и Богъ знаетъ еще чего. Но естлибъ знали, какъ я люблю эту компанію! — но поди, поди, спупай къ Доннѣ Антоніи и — пусти меня! „

Проговоря сіе, она бросилась со всѣхъ ногъ къ ворошамъ — по томъ на

улицу и — не оглядываясь прибѣжала къ Доминиканскому монастырю. Между тѣмъ Флора вошла въ комнату госпожи своей, сколько удивлялась, сколько успрашаясь сумасбродства Жасинты. Антонія лежала безъ чувствъ на постелѣ своей и — Флора употребляла тѣ же способы, какіе употребляла и хозяйка, для приведенія ее въ чувство; но видя, что Антонія, выходя изъ одного припадка, упала въ другой, она послала за лекаремъ, а между тѣмъ, въ ожиданіи его, она раздѣла ее и положила въ постелью,

Безъ духу, и не взирая на бурю, Жасинтѣ пробѣгала улицы и — остановилась шокмо у воротъ монастырскихъ, крѣпко ударила въ оныя и — какъ скоро появился привратникъ, она требовала отца настоятеля. Гиларій тогда былъ съ Машильдою — они занимались средствами, какъ лучше успѣть въ погубленіи Антоніи. Причина смерти Эльвириной осталась тайною; онъ началъ уже вѣрить, что преступленія не преслѣдуются столь скорымъ наказаніемъ.

емъ, какъ увѣряли паспырей его на чальники, и какъ онъ самъ вѣрилъ до сего времени. Сія мысль заспавила его рѣшимъ погибель Антоніи и — опасно-сти, такъ какъ и неудобства усугубля-ли токмо страсть его. Онъ уже про-силъ съ нею свиданія; но Флора отка-зала ему совершенно, такъ что могъ онъ ясно понять, что всѣ его старанія къ тому впредъ будущъ бесполезны. Эль-вира ввѣрила свои подозрѣнія сей вѣр-ной прислужницѣ и просила ее никогда не оставлать Антонію одну съ Гиларі-емъ, а еспьли можно, то чшобъ онъ ни-когда и не видѣлъ ея дочери. Флора обѣ-щалась ей повиноваться и — подпвер-дила сіе обѣщаніе писменно. Сего же ушра она отказала Гиларію, не сказавъ о томъ Антоніи; почему онъ и заклю-чалъ, что ему не лъзя видѣть своей лю-бовницы честнымъ образомъ, надлежало выдумать какой нибудь планъ съ щасшли-вымъ успѣхомъ. Машильда и Гиларій чер-тили тогда планъ сей, когда братъ Лали вошелъ въ покои наспоятеля и объя-вилъ ему, что одна женщина, называя

себя Жасинтѣ Цунига, проситѣ его видѣть.

Гиларій не былѣ расположенѣ къ сему посѣщенію. — Онѣ приказалѣ брату Лали проситѣ ее придти завтра по утру къ нему.

„Поди къ сей женщинѣ, прервавѣ его, сказала ему Мампильда на ухо. Я на это имѣю причины.“

Настоятель повиновался ей, приказалѣ сказать, что онѣ сойдетѣ въ сію же минушу въ парлуарѣ и — братѣ Лали удался съ симѣ опвѣтомѣ. Оставшись одни, Гиларій спрашивалѣ у Мампильды шѣхѣ причинѣ, по которымѣ она хочетѣ, чшобѣ онѣ увидѣлѣ госпожу Жасинтѣ.

— „Это хозяйка Антоніи, сказала она: можетѣ быть шебѣ полезна. Должно ее выслушатѣ и узнаетѣ, что такое привело ее сюда.“ Сказавѣ сіе, они сошли вмѣстѣ въ Парлуарѣ, гдѣ Жасинтѣ дожидалась настоятеля. Имѣя величайшее мнѣніе о его благочестіи и его добродѣтеляхѣ, она почитала, что онѣ, имѣя великое вліяніе на силу вражію, легко можетѣ послашѣ душу Эльвирину въ

Чермное море. Съ сими-шо мыслями прибѣжала она въ монастырь сей, и какъ скоро увидѣла монаха, бросилась на колѣни и начала свою испорію такимъ образомъ:

„Какой случай! какое приключеніе, бабюшка! я не знаю, что со мною будетъ, и ешьли шокмо вы обо мнѣ не поспраешесь, то я съ ума сойду. Боже мой! никогда и нигдѣ не раждалось женщины меня несчастнѣе. Чего я не дѣлала для избѣжанія сихъ ужасовъ! — все бесполезно! къ чему послужило, скажите мнѣ, что я нѣсколько разъ въ день молилась по своимъ чешкамъ, что сохраняла съ точностію всѣ посты, въ календарѣ стоящіе! какую принесло мнѣ пользу прикрашное пелигримство къ Сен-Жакъ де Компостель? Къ чему послужила покупка толикихъ *отпущеній*, что оными возможно бы было изгладить и грѣхъ Каиновъ? Ничто не подѣйствовало. Я несчастна и — Богъ знаетъ, будетъ ли конецъ моимъ несчастіямъ. Я васъ избираю въ томъ судію. — Постоялка моя умерла отъ судорожныхъ припад-

ковъ. Изъ Христіанскаго милосердія я погребла ее на свой счетъ. Добро бы — ешьлибъ она была моя родспвенница, или ешьлибъ я воспользовалась по смерти ея чезеждиною. Нѣтъ, божусь вамъ. Я ничего въ виду не имѣла. Такимъ образомъ, какъ я уже сказала, ваше претодіе, хотя бы она была жива или умерла — для меня совершенно все равно. Но это не касается до нашего дѣла, возвратимся къ тому, о чемъ я хопѣла съ вами поговорить: такимъ-то образомъ я погребла ее, старалась, чтобъ все шло своимъ порядкомъ. Богъ знаетъ, чего мнѣ это стоило. Теперь, какъ вы думаете, чѣмъ мнѣ заплашила любезная госпожа сія за всѣ мои милости? Не заблагоразсудивъ почиваетъ спокойно въ хорошемъ, сосновомъ своемъ гробѣ, какъ обыкновенно дѣлаютъ честные мершведы, приходитъ пугать меня, меня, копторой не такъ-то любо смотрѣть не нее Конечно! ей можно посѣщать ночью домъ мой, пролѣзаетъ сквозь замочную дырочку въ комнату ея дочери, и напугать бѣдное дитя такъ, что она ли-

шилась разуму. Очень, очень неучтиво для мершвеца, посѣщать домъ такого человѣка, копорый нерадъ ему. Что касается до меня, ваше преподобіе, то вы сами видите, что естли она придетъ прогуливаться въ домъ моемъ, то мнѣ должно бѣжать отъ него, по тому, что я не хочу знахся съ такимъ гостемъ, да и не буду. Такимъ-то образомъ, ваше высокопреподобіе, вы можете видѣть, что естли вы не снизойдете ко мнѣ бѣдной, естли вы мнѣ не поможете, то я погибла, я разорюсь до основанія, по тому, что буду принуждена оставить домъ свой; никто не похвалитъ его постояльцамъ. А шамъ приближился старость моя... увы, мнѣ бѣдной, несчастной женщины! что мнѣ дѣлать? на что рѣшиться?,,

Съ горькими слезами, и соединивъ руки свои, просила она здѣсь у отца настоятеля совѣтовъ.

„Но, милая моя! сказалъ онъ ей: мнѣ не лзя вспомошествовать тебѣ. — Я не знаю, о чемъ идешъ дѣло. Вы позабы-

ли мнѣ сказать, что васъ привело сюда; чего вы отъ меня просите.,,

„Правда, правда! ваше преподобіе! хорошо! нѣсколько словъ и — кончено. Умерла у меня одна поспоялка. Женщина бравая, могу признаться, сколько я ее знала, хотя и не столь долгое время. Она была въ нѣкоторомъ отъ меня разстояніи и — сказать по правдѣ, нѣсколько еще и славилась. Когда мнѣ случилось говорить съ нею, то она принимала такой видъ, которой мнѣ не такъ-то нравился, прости меня, Господи. Но впрочемъ хотя была она нѣсколько и горда, и хотя она не столь много меня почитала (а сказать правду мапку, естли только меня не обманывали, то еще мои родители гораздо ее благороднѣе, по тому, что отецъ ее былъ сапожникомъ въ Кордуѣ, а мой шляпошникомъ въ Мадридѣ, да еще, естли смѣю сказать, и славнымъ) однакожъ, выключая ее гордосць, она была женщина спокойная, добраго поведенія и — я бы никогда не желала лучшей поспоялки. По этому-то я и удивляюсь, почему она не лежитъ

спокойно въ своей ямѣ. Но въ семь свѣ-
шѣ на кого можно положиться? Что ка-
сается до меня, то я и никогда никакого
зла, какъ мнѣ кажется, ей не сдѣлала,
выключая токмо, что въ пяпницу предъ
ея смертію, когда мнѣ показалось очень
соблазнительно, увидя, что она ѣла ку-
риное крылышко. — „ какъ госпожа
Флора, сказала я (это имя горничной
женщины, ваше прѣподобіе), не уже ли го-
спожа швоя ѣсть по пяпницамъ мясо?
хорошо! вопѣ посмотри, что будетъ!
вспомни тогда, что Жасинтѣ гово-
рила. „ Я собственно такъ сказала.
Но чтожъ? Лучше бы я это знала про себя.
Никто меня не слушалъ. Флора, кото-
рая нѣсколько горда (это право жалко)
опивѣчала мнѣ, что въ помѣ нѣшѣ ни-
какого зла или ѣсть курицу или яйцо,
изъ котораго она вылупилась; сказала
мнѣ также, что еспѣлибы госпожа ея
сѣла окорокъ вешчины, то и тогда бы
не болѣе нагрѣшила. Господи, Боже мой!
бѣдная, грѣшная невѣжа! клянусь вамъ,
ваше прѣподобіе, что я съ шрепетомъ
выслушивала подобныя блядословія, шо-

то и смотрѣла, что разступится земля и поглотитъ грѣшницу, курицу и всю фамилію; по тому что она, да будетъ вамъ во извѣстіе, ваше преподобіе, говоря сіе, держала въ рукахъ своихъ блюдо съ жареною курицею, съ прекрасною, дворовою, увѣряю васъ, курицею, которую и жарила сама. Это прекрасная была курочка, она и выросла у меня. А мясо ея — о! мясо ея было бѣло какъ яйцо, такъ какъ и госпожа Эльвира сама сказала,, ну ужъ госпожа Жасинтъ, сказала мнѣ она съ пріятнымъ видомъ, хотя въ прочемъ, сказать правду, она всегда говорила со мною учливо . . . ,,

Здѣсь не достало болѣе терпѣнія Гиларія. Желая неперпѣливо узнать все дѣло Госпожи Жасинтъ, касающееся, какъ казалось, до Антоніи, онъ не могъ холоднокресвно слушать сію пустомелю. Прервавъ ее, онъ объявилъ ей, что естли она не скажетъ поскорѣе, о чемъ идетъ дѣло, и естли она не окончитъ, то онъ оставитъ Парлуаръ и не поможетъ ей выдти изъ запутанности обстоятельствъ. Сія угроза возымѣла

желаемое дѣйствіе. Жасинтѣ пересказала все, какъ можно короче; но повѣствованіе ея и тогда столь было обширно, что у Гиларія едва достало-было терпѣнія до конца выслушать оное.

„Такимъ-то образомъ, ваше преподобіе, сказала она, проболтавши всѣ ма-лѣйшія обстоятельства смерти и погребенія Эльвиры, такимъ-то образомъ услышавъ сей крикъ, я оставила свою работу и побѣжала въ комнату Донны Антоніи. Не нашедши тамъ никого, прошла въ другую; но признаюсь вамъ, что я не безъ ужаса входила туда, по тому, что это была спальня Донны Эльвиры. Какъ бы то ни было, я вошла и увидѣла молодую дѣвушку лежащую на полу, кладну какъ камень и—блѣдну какъ рубашка. Я сему удивилась, какъ вы и сами можете представить, ваше преподобіе! но, Боже мой! какой ужасъ! какой страхъ! мнѣ представилась — почти возлѣ меня—стоящая большая фигура, кошорой голова почти до потолка дотягала. — Божусь вамъ, лишь только я взглянула, такъ и узнала въ ней Эльвиру; но только съ

тѣмъ различіемъ, что у ней изо рта выходили дымъ столбомъ и пламенное облако. На рукахъ у нея были полспыя цѣпи, копорыми гремѣла она самымъ страшнымъ образомъ; каждой волосъ ея — былъ змія столь же полспая, какъ и рука моя. При семъ видѣ страхъ мой умножился, я зачала чистать: *Богородица, дѣво радуйся!* но привидѣніе, прервавъ меня и испустивъ при сильныхъ стenanія сказало, мнѣ страшнымъ голосомъ: „Увы! это крылышко куриное много мнѣ зла надѣлало! оно причиною, что душа моя мучится!“, Какъ скоро она сказала сіе, земля разсупилась и — привидѣніе провалилось. Страшной громовой ударъ поразилъ слухъ мой, комната вся наполнилась сѣрнымъ запахомъ. Оправившись отъ своего страха и приведши въ чувство Донну Антонію, узнала я, что она кричала по тому, что видѣла мертвеца. (да и подлинно, бѣдная дѣвушка! естѣлибы я была на швоемъ мѣстѣ, но я еще и десять разъ вскричала бы гораздо громче.) Тогда пришло мнѣ на память, что естѣлишюкмо можно избавишь душу отъ муче-

нія, по шокмо можно вамъ, ваше высокопреподобіе; по сему-то я и пришла сюда, чшобъ просить васъ, чшобъ вы окропили домъ мой освященною водою и послали мершвеца въ Чермное море.

Гиларій удивился сему спранному случаю, и мало вѣрилъ ему. —, А Донна Аншонія видѣлали мершвеца! сказалъ онъ.,,

—, Лицемъ къ лицу, такъ какъ я васъ вижу, ваше преподобіе!.,

Гиларій задумался. Ему предспавлялся случай видѣшь Аншонію; но онъ еще колебался употребить оной въ свою пользу. Ему еще была дорога Мадришская репушація, и съ того времени, какъ онъ потерялъ сущеспвишельность добродѣтели, пришворный видъ оной сдѣлался ему гораздо драгоцѣннѣе. Переломъ мыслей публики въ разсужденіи того правила, кошорое имъ принято, чшобъ никогда не выходить изъ монастыря своего, будещъ примѣшнымъ униженіемъ его строгости, ему приписываемой. Въ посѣщеніяхъ своихъ Эльвиры онъ всегда старался скрывать свое лице отъ дома-

шнихъ. Выключая Эльвиры, дочери ея, и Флоры, всякой почиталъ его за отца Иеронима. Эстълибъ онъ согласился на то, чего просила Жасинтъ, и естълибъ онъ пошелъ съ нею! но онъ зналъ, что сей поступокъ не могъ бы остаться въ тайнѣ. Но желаніе видѣть Антонію возшоржествовало надъ его разборчивостію; онъ ласкался, что особенность сего приключенія оправдаетъ его въ глазахъ публики. Но чтобы такое ни случилось, онъ рѣшился употребить въ свою пользу случай, ему представившійся. Подтвердительный взглядъ Машильды подтвердилъ его рѣшительность.

„Добрая женщина, сказалъ онъ госпожѣ Жасинтъ: то, что вы мнѣ пересказываете, столь странно, что я едва могу тому вѣрить. Впрочемъ я сдѣлаю тебѣ удовольствіе. Завтра предъ обѣдомъ ты можешь ожидать меня къ себѣ. Я употреблю тогда все, что могу для тебя сдѣлать, и естъли токмо это будетъ въ моей власти, то я освобожу тебя отъ сихъ ночныхъ, несносныхъ тебѣ посѣщеній. Возвратись домой! да бу-

дешъ надъ тобою Божіе благословеніе.,,
„Возвращишься домой! вскричала
Жасинтъ, мнѣ иди домой! моя нога
тамъ не будетъ, есѣли только вы не
пойдете со мною. Боже мой! мертвецъ
вспрѣшится на лѣспницѣ и — тогда
поминай, какъ меня знали; онъ увлечетъ
меня къ дьяволамъ. Ахъ! есѣлибъ я при-
няла предложенія Мелхіора Баско, то я
еще имѣла бы защитителя; а я одна —
бѣдная женщина, одинъ только Богъ со
мною и нещасія. Благодаря Бога — еще
не такъ поздно мое раскаяніе! Симонъ
Гунзале безпрестанно ко мнѣ подбиваетъ-
ся, и есѣли шокмо я проживу до зав-
трава, то ни минушы не потеряю,
онъ завтражъ будетъ мужемъ моимъ.
Мнѣ надобно мужа! я рѣшилась! сами
посудите, какъ спать одной, когда мер-
твецъ бродитъ по дому. Но какъ бы то
ни было, прошу васъ, ваше преподобіе,
изъ любви Христіанской, поспрудитесь
пойти со мною. Я не буду спокойна до
тѣхъ поръ, пока домъ мой не очистится,
такъ какъ и бѣдная госпожа. Милая дѣ-
вушка! въ какомъ печальномъ она поло-

женіи. Я ее оставила въ сильныхъ судорогахъ и — сумнительно, чтобъ она скоро пришла сама въ себя.

„Въ конвульсіяхъ! говоришь ты? прервалъ ее монахъ съ ужасомъ. Антонія въ конвульсіяхъ! проводи меня! я иду съ побою!

Жасинтъ настояла, чтобъ онъ взялъ полную чашу благословенной воды. Монахъ согласился, и старуха, почитая себя подъ его покровительствомъ безопасною отъ всякаго навожденія демонскаго, принесла ему безчисленныя благодаренія! и — они пошли вмѣстѣ въ улицу Сен-Яго.

Привидѣніе, столь великое надъ Антоніею сдѣлало впечатлѣніе, что лѣкаръ въ продолженіе двухъ или трехъ часовъ почиталъ ее въ великой опасности. Наконецъ припадки мало помалу начали уменьшаться и — лѣкаръ перемѣнилъ свое мнѣніе. Онъ совѣщивалъ только держать ее въ спокойствіи, прописалъ для нея нервы успокоивающее средство, и старался доставить ей покой, въ которомъ она имѣла великую нужду.

Видѣ Гилларія, показавшагося тогда съ госпожею Жасинтѣ возлѣ ея постели, много подѣйствовалъ на ея воображеніе. Эльвира не извѣяснилась съ своею дочерью о предпріятіяхъ монаха, столь ясно, чтобъ сія молодая дѣвушка, весьма мало знающая свѣтъ, могла понять сколь сія связь опасна. Въ сію минушу ужасаясь случившагося съ нею, и спрашась остановившяся на пророчествѣ, ей сказанномъ, она имѣла величайшую нужду въ помощи религіи и дружества. Антонія имѣла къ наспопятелю сугубую причину привязанности. Она чувствовала еще въ разсужденіи его то благоклонное расположеніе, которое онъ вдохнулъ въ нее при первомъ своемъ посѣщеніи, чувствовала, не зная сама по чему, что его присушествіе предохранитъ ее отъ всякаго рода опасностей, несчастій и поношеній; по чему она и возблагодарила ему въ нѣжныхъ израженіяхъ за его посѣщеніе и сказала ему приключеніе, причинившее ей въ самой вещи столько ужаса.

Монахъ старался увѣришь ее, что это не что иное, какъ игра воспламененнаго ея воображенія. Уединеніе, въ которомъ она проводила вечеръ, мракъ ночи, чтеніе и комната, въ которой она находилась — все сіе соединялось вмѣстѣ, чтобъ сотворить фантомъ такого рода. Онъ издѣвался надъ выходящими мершвецами, и сильными доводами разсыпалъ и обращалъ въ посмѣяніе подобныя системы. Разговоръ Гиларія успокоилъ Антонію, утѣшилъ ее; но не вывелъ ее изъ заблужденія. Она не могла вѣришь, чтобъ привидѣніе существовало шокмо въ ея воображеніи. Всѣ обстоятельство сего явленія, сильно оразивъ ее, заставляли принять такое мнѣніе. Она настояла въ томъ, что точно видѣла шѣнь своей матери, и слышала отъ нея предсказаніе смерти своей; крѣпко утверждала, что не сойдетъ живая съ своей постели. Гиларій, уговаривая ее не предаваться симъ размышленіямъ и — обѣщавшись посѣтитъ ее на другой день поутру, оставилъ ее; Антонія приняла сіе обѣщаніе съ живѣйшимъ выраженіемъ

удовольствія ; но монахъ вадѣль, что служанка не столь благосклонно на него смотрѣла. Флора съ точностію повинувалась повелѣніямъ Эльвиры и бдѣла съ безпокойствіемъ надъ всѣмъ тѣмъ, что могло хотя малѣйшее нанести молодой ея госпожѣ предосужденіе. Нѣсколько уже лѣтъ тому, какъ она къ ней привязана. Родившись въ Кубѣ, она послѣдовала за Эльвирою въ Испанію и любила молодую Антонію съ нѣжностію матери. Она не выходила изъ комнаты во все продолженіе пребыванія въ оной Гиларіа, замѣчала его дѣйствія, его жесты и слова его. Онъ видѣль, что подозрительные взоры ея были къ нему прикованы совершенно и — не могли выдерживать сего жестокаго вниманія, часто принужденъ онъ былъ краснѣть, и мѣшались въ словахъ; онъ зналъ, что Флора подозрѣвала чистоту его видовъ, предвидѣль, что она никогда не захочетъ оставить его наединѣ съ Антоніею; по чему видя, что сей Аргусъ защищалъ его любовницу, онъ совершенно отчаялся сыскать когда-либо средство удовлетворить своему сладострастію.

При выходѣ изъ дому, Жасинтѣ встрѣшила его, просила его отслужить нѣсколько обѣденъ за упокой души Эльвириной, которая по ея мнѣнію, была безъ сомнѣнія въ чистилищѣ.

Онѣ обѣщала не позабыть ея прошеніе и — выигралъ благорасположеніе сей старушки, давъ ей слово пребыть всю слѣдующую ночь въ той комнатѣ, гдѣ видѣли мертвеца. Жасинтѣ не могла найти довольныхъ словъ ко изразженію своей признашельности и — монахѣ ушелъ осыпанный ея благословеніями.

Прежде нежели онѣ пришелъ въ монастырь, совершенно уже разсвѣтало. Первое его спараніе было сообщить своей повѣренной все то, что происходило. Онѣ слишкомъ горячо любилъ Антонію, чтобъ могъ безъ движенія думать о предсказаніи скорой смерти ея. Онѣ прелепалъ отъ мысли потерять предметъ столь ему драгоценный; Машильда разувѣрила его въ семь пунктѣ. Она подтвердила сіе тѣмъ же доказательствами, какія и самѣ дѣлалъ онѣ. Увѣряла, его, что Антонія, не могла противусто-

япть мечтамъ мозга распроеннаго меланхолією, ею тогда обладавшею, и по врожденной склонности ея духа къ суевѣрію и чудесности — образовала себѣ такой фантомъ. Чпожѣ касается до повѣспво-ванія Жасинты, то онѣ и самѣ не вѣрилѣ ея нелѣпостямъ. Онѣ воображалѣ, что сія женщина сработала всю свою испорію или отѣ дѣйствія страха или вѣ надеждѣ скорѣе его уговорилѣ на то, чего она отѣ него испрашивала. Такимъ образомъ успокоивѣ страха Гиларія, Машильда продолжала:

„Какѣ пророчество, такѣ и приви-дѣніе — ложны. Но тебѣ надлежитѣ оправдашь первое: должно, чпобѣ Антонія умерла для всего свѣта на четвер-тый день — такѣ! она умретѣ для всѣхѣ, но будетѣ жить для тебѣ. Теперишняя ея болѣзнь, предсказаніе, ее поразившее, бу-дутѣ благопріятствовать тому плану, кошорый давно вершѣлся на умѣ у меня, но кошорой не лѣзя было выполнитѣ. — Антонія будетѣ твоя не токмо на цѣлую ночь но и на всегда. Вся бдительность старой хрычовки, ей ни мало не помо-

жетъ. Ты будешь въ спокойствіи наслаждаешься прелестями своей любовницы. Съ нынѣшняго дня намъ должно приняться за дѣло — время дорого. Племянникъ Герцога Медина, цели хочешь просить Антонію въ супружество. Въ нѣсколько дней она будетъ въ палатахъ Маркиза Ласъ Сиспернаса, ближняго ея родственника и — тамъ — по она уже будетъ безопасна отъ всѣхъ твоихъ покушеній. Я это узнала во время твоего отсутствія посредствомъ своихъ шпионовъ, которыхъ я занимаю безпрестанно всѣмъ тѣмъ, что до тебя касается. Теперь выслушай меня! Есть одна жидкость, экстрактъ изъ нѣкоторыхъ мало извѣстныхъ травъ, которыхъ дѣйствіе надъ выпившими оное оказывается тѣмъ, что они ввергаются въ состояніе, смерти совершенно подобное. Надлежитъ его дать Антоніи. Тебѣ весьма удобно влить нѣсколько капель въ пищу ея. Сильныя конвульсіи покажутся у ней, и будешь продолжаться около часа; по томъ — кровь ея будетъ охлаждать постепенно и пріослабляться

кругообращеніе ; сердце ея мало помалу перестанетъ биться, смертная блѣдность распространится по всѣмъ чертамъ ея и — она въ глазахъ всѣхъ людей будетъ настоящій шрупъ. У ней нѣтъ друзей, которые бы ее окружили. Ты можешь, не навлекая на себя подозрѣнія, взять на себя погребсти ее и положить въ Сен - Клерскомъ кладбищѣ. Уединеніе подземелья и удобность входитъ въ оное — весьма благопріятны для твоихъ предпріятій. Дай же въ сей вечеръ Антоніи соннаго средства. Чрезъ сорокъ восемь часовъ, считая отъ часа ея пріятія, она воскреснетъ, и — тогда-то будетъ совершенно въ твоей власти. Она почувствуетъ тогда, что ея прошивуборства будутъ бесполезны и — необходимость принудитъ ее принять тебя въ свои объятія.

„Антонія будетъ въ моей власти! вскричалъ монахъ: Машильда! Я самъ не свой отъ радости! Теперь только я чувствую свое щастіе! и — сіе благополучіе подарокъ Машильды, даръ дружества. Я при-

жму Антонію къ груди своей, не спашась ни чьихъ любопытныхъ взоровъ, никакого несноснаго свидѣтеля! Я испущу душу свою на груди ея! Я разовью въ молодомъ сердцѣ ея начатки удовольствія и — безпрепятственно буду пробѣгать, буду наслаждаться ея различными прелестями, самыми шайнѣйшими прелестями! какъ! будучи столько щасливъ — ахъ! Машильда! какъ изъяснишь, какъ выразишь тебѣ мою признательность!,,

„Воспользоваться сими совѣтами. Ахъ, Гиларій! я живу токмо для того, чшобъ тебѣ быть полезною. Твои выгоды суть мои. Твое щастіе составляетъ все мое благополучіе. Пусть ты принадлежишь Антоніи, но сердце швое должно принадлежать мнѣ. Я имѣю право на любовь швою. Доставлять тебѣ удовольствіе составляетъ мои радости, и естли только мои старанія успѣють удовлетворить тебѣ, то я довольно почту себя награжденною. Но не будемъ терять времени. Жидкость, о которой тебѣ говорила,

находится въ Сен-Клерской аптекъ; по-ди къ Игуменьѣ, попроси у нея позволенія посмотрѣть лабораторію — она тебѣ не откажетъ. Тамъ въ нижней залѣ, въ кабинетѣ, наполненномъ различными какъ цвѣта, такъ и качествъ, жидкостями, бутылка съ онымъ экстрактомъ находится на прешьей полкѣ налѣво; наполни оною маленькую скляночку, но такъ, чтобъ никто того не увидѣлъ и — тогда Антонія въ швоей власти.,,

Монахъ не замедлилъ принять сей гнусный планъ. Сладострасіе его, вышедшее тогда изъ границъ своихъ, гораздо болѣе умножилось послѣ посѣщенія Антоніи. Сидя возлѣ постели, онъ имѣлъ случай видѣть вскользь нѣкошорыя прелести ея, кошорыя показались ему гораздо совершеннѣе прежняго, по наглому его осмотрѣніи оныхъ во время сна ея; поелику иногда открывалась бѣлая и чистая рука ея, поправляющая подушку, иногда быстрое движеніе давало ему обозрѣть часть пухлыхъ грудей ея! Алчные взоры монаха повсюду лезали, гдѣ токмо

они могли внутрь проникнуть. Онъ едва могъ скрывать свои желанія отъ Антоніи и примѣчательной Флоры. Воспламенившись сими воспоминаніями, онъ безъ дальняго размышленія принялъ предложеніе Машильды.

Не успѣла еще отойти заупрениа ; какъ онъ направилъ стопы свои къ Сен-Клерскому иночеству. Прибытіе его разлило во всемъ монастырѣ всеобщее удивленіе. Игуменья, чувствительная къ чести, кою онъ дѣлалъ дому ея первымъ еще своимъ посѣщеніемъ, старалась всевозможными образами изъяснить ему свою признательность. Водили его по саду, показывали ему всѣ мощи святыхъ и мучениковъ, однимъ словомъ, принимали его съ такимъ усердіемъ и съ такимъ почтеніемъ, какъ бы самого Папу. Гиларій съ своей стороны, принимая съ признательностію учтивости Игуменьи, старался уменьшитъ ея удивленіе, кою ей имѣть надлежало въ разсужденіи его нарушенія своей рѣшительности. Онъ предсказывалъ, что ме-

жду его духовными сынами многіе находяшся въ опасныхъ болѣзняхъ и перебу- ютъ его посѣщенія. Сіи - то люди, гово- рилъ онъ, должны имѣть величайшую нужду въ утѣщеніи религіи. Много мнѣ было дѣлано представленій, и не взирая на всѣ мои отказы, я принужденнымъ себя нашелъ изъ любви къ Богу, пере- мѣнить свою рѣшительность и оста- вить возлюбленное свое уединеніе. Игу- менья возхваляла ревность его, съ ка- кою онъ опправляетъ должность свою, и любовь его къ ближнимъ своимъ. Она клялась, что Мадридъ весьма щасливъ, имѣя въ себѣ столь совершеннаго чело- вѣка. Такимъ образомъ разговаривая, мо- нахъ достигнулъ наконецъ лабораторіи. Буылка точно стояла на томъ мѣстѣ, какъ Матильда сказывала; и между тѣмъ, какъ Игуменья развлекшись опстала опъ него на нѣсколько шаговъ, Гиларій схва- тилъ ее съ поспѣшностію съ полки, и непримѣтно наполнилъ оною жидкостію взятую съ собою скляночку. По томъ зашедши въ трапезу и пополдничавъ, вышелъ изъ монастыря, будучи весьма

доволенъ своимъ посѣщеніемъ, и оставя Монахинь восхищаются честію, имъ сдѣланною.

Въ вечеру онъ посѣтилъ Антонію. Жасинтѣ приняла его съ восхищеніемъ и просила его не позабыть своего обѣщанія, ей даннаго — проводишь всю ночь въ комнапѣ, въ которой явилось привидѣніе. Онъ повпорилъ свое обѣщаніе. Антонія была въ хорошемъ состояніи, но предсказаніе мертвеца ее безпрестанно тревожило. Флора не отходила отъ постели госпожи своей, и показывала почти безъ всякихъ экивокъ, сколь непріятно ей присутствіе Настоятеля. Между тѣмъ, какъ онъ говорилъ съ Антоніей, пришелъ шуда и лѣкарь. Наступила ночь. Потребовали огню и Флора принуждена была идти внизъ за онымъ; но поелику она оставляла въ горницѣ трехъ человекъ и шла только на одну минушу, то она и не спршилась оставитъ постѣь своей. Едва только успѣла она выдти изъ комнаты, какъ Гиларій приближился къ столу, на которомъ сто-

яло пишье для Антоніи. Лѣкаръ, сидя въ креслахъ и занявшись распросами съ своею больною, не обращалъ никакого вниманія на монашескія движенія. Возпользовавшись случаемъ, Гиларій вынулъ изъ-за пазухи скляночку и влилъ нѣсколько капель въ пишье сіе. Исполнивъ свое предпріятіе, онъ удалился отъ стола и сѣлъ въ креслы свои. Флора возвратилась съ огнемъ, пересмотрѣла все; казалось, все было на своемъ мѣстѣ.

Лѣкаръ объявилъ, что Антонія наза-втра можеть выходить изъ комнаты безъ всякой опасности, и совѣщовалъ ей выполнять его предписаніе, которое накануне доставило ей спокойную ночь. Флора замѣтила, что пишье готово и— лѣкаръ, посовѣщовавъ выпить его на ночь, оставилъ ихъ. Наливъ въ стаканъ пишья сего, Флора подала госпожѣ своей. Бод-рость Гиларія въ сію минуту поколеба-лась. Не обманула ли его Машильда? Не заспавила ли ее ревность погубить свою соперницу, и вмѣсто опія дасть ей яду? Сей подлогъ показался ему столь вѣро-

яшнымъ, что онъ едва не остановилъ руку Антоніи, питье принимающую. Поздо рѣшился онъ. Стаканъ былъ пустъ и опданъ уже Флоръ. Никакого средства къ тому не осталось, и онъ ожидалъ съ смертельной неперпѣлиностію минушы, долженствующей рѣшить жизнь или смерть Антоніи, собственное его щасіе или опчаяніе.

Спрашась умножить подозрѣніе своимъ присутствіемъ или можетъ быть боясь измѣнить самому себѣ произвольнымъ движеніемъ духа своего, онъ распрощался съ жерпвою своею и вышелъ изъ комнаты. Антонія прости-лась съ нимъ холоднокровнѣе обыкновеннаго; поелику Флора замѣтила гос-пожѣ своей, что принимаетъ посѣщенія сего человѣка — значитъ не повиновашься повелѣніямъ ея матери; она изобрази-ла ей смущеніе его, съ которымъ онъ вошелъ въ комнату и пламень взоровъ его, когда они на нее обращались. Антонія сего не примѣтила, но опъ горничной ея не скрылось сіе. Вѣрная сія при-

служница, изъяснивъ тогда госпожѣ своей съ меньшею диликатностью, но съ большею ясностью, нежели какъ Эльвира, изъяснила и предпріятія монашескія и могущія произойти отъ того послѣдствія, такъ, что привела въ слезы молодую дѣвуху и убѣдила ее удалять его отъ себя, чего она прежде не дѣлала. Мысль — повинувшись своей матери, вдругъ рѣшила Антонію; хотя съ сожалѣніемъ она лишалась пріятнаго общества, но вознамѣрилась принимать его съ хладнымъ почтеніемъ: почему она съ почтительностію отблагодарила ему за первыя его посѣщенія и не заикнулась просить его возобновить оныя. Монаху тогда было мало выгоды просить у ней на сіе позволенія, по чему онъ и распался съ нею, такъ какъ въ ожиданіи предложенія посѣщенія. Флора, увѣрившись, что связь только ее устрашавшая, наконецъ совсѣмъ прервана, начала сомнѣваться въ правотѣ своихъ подозрѣній. Провожая его съ лѣспницы, она благодарила его за трудъ, имъ принятой въ разсужденіи уничтоженія суевѣрнаго страха госпожи ея, производящаго отъ

предсказанія мертвеца; присовокупляла также, что, поелику онъ принимаетъ великое участіе въ здоровьѣ Донны Антоніи, то естли съ нею случится какая нибудь важная переменна, она не преминетъ его о томъ увѣдомить. Монахъ, отвѣчая ей, возвысилъ голосъ свой, чтобъ могла услышать его Жасинтъ и — успѣлъ въ томъ. При сходѣ ихъ съ лѣспницы хозяйка не преминула явиться.

„Какъ! сказала она, не уже ли вы идете? Не общались ли вы ночевать въ той комнатѣ, въ которой онъ показался? Господи, Боже мой! такъ вы хотите оставить меня одну съ мертвецами, Прекрасная выдешъ изъ меня завтра фигура; скажу вамъ: эшопъ старой и хворой Симонъ Гонзале не захотѣлъ сего дня жениться и — прежде нежели это будетъ, то я завтра уже буду, на клочки разорвана мертвецами, домовыми и всею адскою силою. Христа ради, баше преподобіе, не оставьте меня бѣдную въ семъ печальномъ состояніи, проспите эту ночь въ той комнатѣ, куда онъ приходилъ, пошлите духа въ Чермное море и — Жасинтъ бу-

дешъ воспоминашь васъ въ молитвахъ своихъ до послѣдняго издыханія.

Гиларій покмо и ожидалъ сей прозъбы! впрочемъ онъ дѣлалъ нѣкоторыя возраженія и не хотѣлъ выполнитъ своего обѣщанія. Онъ сказалъ Жасинтѣ, что мертвецъ существуетъ покмо въ ея воображеніи, и что бесполезно и смѣшно настаивать, чтобъ онъ проводилъ ночь въ ея домѣ. Жасинтѣ прервала его. Она ничего не хотѣла слушать, и столь сильно просила его не оставять ея дьяволу, что онъ наконецъ склонился на ея прозъбы. Сія припворная опговорка не подѣйствоввала надъ Флорою, которая была опъ природы недовѣрчива. Она подозрѣвала, что монахъ играетъ ролю прошиву своихъ склонностей, и предполагала, что ему ничего такъ не хочется, какъ оспаться шамъ, гдѣ онъ былъ. Она даже думала, что и Жасинтѣ съ нимъ въ согласіи, и сія бѣдная женщина показала ей сводницею. — Такимъ образомъ радуясь въ сердцѣ своемъ, что она опкрыла заговоръ прошиву госпожи сво-

ей , рѣшилась сдѣлать его бесполезнымъ.

„Такимъ-то образомъ, сказала она Настоятелю съ полусапирическимъ и съ полупрезрительнымъ видомъ, вы вознамѣрились здѣсь проводить ночь эту. Слава Богу! никто вамъ не возпрепятствуетъ. Да я и сама не буду спать этой ночи и — дай Богъ, чтобы я не увидѣла ничего хуже дьяволовъ; я ни на пядь не опойду отъ постели Донны Антоніи. Пусть-ка ктонибудь осмѣлился войти въ ея комнату — кто бы онъ ни былъ, тѣло или духъ, мертвецъ, дьяволъ или человекъ — онъ раскается, что показался на порогъ.,,

Слова были ясны — Гиларій понялъ смыслъ оныхъ , и чтобы не оправдаться подозрѣній онъ отвѣчалъ скромно, что онъ похваляетъ поступки сей сестры, и что онъ побуждаетъ ее имѣть предосторожность и — Флора увѣрила его, что она не опуститъ этого. Наконецъ Жасинтъ проводила его въ ту ком-

нашу, въ которой являлся мертвецъ; а Флора возвратилась въ покои госпожи своей.

Съ шрепетомъ отворивъ двери той горницы, въ которой умерла Эльвира, Жасинтъ едва смѣла взглянуть туда и — за все Индійское золото она не вошла бы въ оную. Снабдивъ монаха огнемъ и пожелавъ ему спокойной ночи, она выбѣжала отсюда какъ можно скорѣе. Гиларій вошелъ, заперъ дверь на замокъ и, поставивъ на столъ свѣчу, бросился въ креслы, въ которыхъ за два дня передъ тѣмъ сидѣла Антонія. Невзирая на увѣренія Матильды, что фантомъ — былъ химера, нѣкоторой родъ ужаса благоговѣйнаго потрясъ душу его. Молчаніе ночи исторія привидѣнія, спѣны комнаты, покрытыя вѣшками и почернѣвшими отъ времени обоями, воспоминаніе Эльвиры и особливо неизвѣстность дѣйствія капель, данныхъ Антоніи — все соединялось, чтобъ сдѣлать несноснымъ настоящее его положеніе. Но онъ гораздо болѣе думалъ о ядѣ, нежели о дьяволахъ.

Естьли онъ умертвилъ единственнѣйшій предметъ, привязывающій его къ жизни, естьли предсказаніе привидѣнія оправдывается, естьли чрезъ три дня не будетъ Антоніи, и — естьли онъ будетъ несчастною причиною ея смерти . . . Сіе предположеніе слишкомъ было для него ужасно, чтобъ остановиться на немъ. Тщешно хотѣлъ онъ разсыпашъ сіи печальныя изображенія — они безпрестанно представлялись его воображенію. Матильда увѣрила его, что дѣйствіе опіа весьма быстро. Съ ужасомъ, смѣшаннымъ съ желаніемъ, прислушивался онъ, ожидалъ каждую минуту слышатъ какое нибудь возмущеніе въ ближней комнатѣ. Все было спокойно; почему онъ и заключалъ, что капли не начали еще дѣйствовать. Ужасная минута приближалась, которая должна рѣшитъ щастіе или несчастіе жизни его. Матильда научила его, какъ увѣриться, потасла ли жизнь ея навѣки и — отъ сихъ-то признаковъ зависѣла вся его надежда. Нептерпѣніе его возрастало поминушно. Ужасы его становились сильнѣе, безпо-

койсва болѣе и болѣе умножались. Не могши переносить сего состоянія неизвѣспности, онѣ вздумалѣ заняться чѣмъ нибудь, чтобѣ развлечь себя. Книги представились пробѣгающимъ взорамъ его — онѣ лежали разбросаны по полкамъ возлѣ столика, стоящаго насупротивъ кровати, находящейся въ альковѣ возлѣ дверей кабинета. Взявѣ одну книгу, Гиларій пробѣжалѣ нѣсколько строкъ оной; но духъ его не понималѣ фразъ, лежащихъ предъ его глазами. Образъ Антоніи и изображеніе убитой Эльвиры безпрестанно представлялись разспроенному его воображенію. Однакожѣ онѣ продолжалѣ читать, но одни шокмо глаза его пробѣгали по листерамъ — значеніе же ихъ не доходило до его понятія.

Вдругѣ шорохѣ походки поражаетѣ слухъ его. Онѣ оглянулся; нѣшѣ никого. Кладетѣ книгу. Спустя нѣсколько минутѣ шумѣ сей раздался впорично, будучи еще сопровождаемѣ нѣкопорымъ родомъ скрипенія, которое, казалось, происходило возлѣ него. Вспавѣ сѣ шо-

ропливостію съ креселъ, онъ осматривался во всѣ стороны и — увидѣлъ полуотворенную дверь кабинета, которая была заперта изъ внутри во время прихода его въ комнату: поелику всѣ старанія его отворить оную были тогда тщетны.

„Что это значитъ? Говорилъ онъ самъ себѣ, отъ чего отворена дверь сія? „

Приблизившись, онъ растворяетъ двери, осматриваетъ кабинетъ. Никого въ немъ не было. Мучась неизвѣстностью, прислушивается и мнитъ слышатъ стenanія въ ближней комнатѣ. Это Антонія спенала; почему онъ и заключилъ; что капли начали уже свое дѣйствіе; но прислушавшись хорошенько, онъ узналъ, что шумъ сей происходилъ отъ Госпожи Жасинтъ, которая, уснувъ близъ Антоніи, храпѣла что есть мочи. Гиларій возвратился, вошелъ въ другую комнату, занимаясь отворенными дверями; тщетно старался онъ выдумывать — кто былъ тому причиною.

Нѣсколько минутъ прохаживался въ молчаніи, потомъ останоуился и — взоры его упали на постелю. Занавѣсъ алькова была полураскрытъ. Непроизвольной вздохъ вырвался изъ груди его.

Эта постель, сказалъ онъ про себя: это была постель Эльвирина. Здѣсь-то она нѣкогда препровождала столько ночей въ спокойствіи; она была добра и невинна. Сколько сонъ ея долженъ быть спокоенъ!

Но теперь она спитъ еще спокойнѣе! но правда ли то, что она теперь покоится? охъ! дай Богъ, чтобъ это было. Ухъ! естли она выдетъ изъ своего гроба въ сію глухую полночь! естли, распоргнувъ цѣпи смершныя, представится глазамъ моимъ раздраженною! ахъ! я не возмогу перенести сего взгляда. Увидѣтъ опять ее при послѣднемъ издыханіи, смопрѣтъ какъ надуваются жилы ея, взиратъ на желпизну лица ея, всматривашься въ глаза ея, выкашившіеся изъ своего мѣста! внимаешь

ея проклятіямъ, слушать, какъ она мнѣ угрожаетъ небеснымъ мщеніемъ, какъ упрекаетъ мнѣ въ преступленіяхъ, мною содѣянныхъ, и въ преступленіяхъ, долженствующихъ произойти отъ руки моей. Ухъ! - - - Боже мой! - - - что это?»,

Вдругъ взорамъ его, обращеннымъ на постелю, представилось, что занавѣсъ колеблется. Вдругъ ему пришло на память привидѣніе; ему почти казалось, что онъ видитъ шѣнь Эльвиры лежащую на постели своей.

„Нѣтъ! это не отъ вѣтру, сказалъ онъ, ободрившись. Онъ паки началъ ходить вдоль и поперекъ по комнатѣ, но произвольное чувствованіе страха и безпокойствія препровождало взоры его всякой разъ къ алькову. Подумавъ нѣсколько, онъ приблизился къ нему, остановился прежде, нежели онъ вступилъ на ступени,туда препровождающія. Три раза пропягивалъ руку свою къ занавѣсу и — три раза коснулся рука его, гошовая почти къ оному прикоснувшись.

„Какой глупой страхъ!“, вскричалъ онъ наконецъ, стыдясь своей слабости.

Съ скоростію восходитъ на ступени - - - и — вдругъ фигура, закушанная въ бѣлое плашье выбѣгаетъ съ шумомъ изъ алькова и, пробѣжавъ мимо его, пустилась къ кабинету. Стыдъ и опасность Гиларія подали ему бодрость, которой онъ не имѣлъ доселѣ. Соскочивъ со ступеней, онъ бросился за фигурою и осмѣлился схватить ее.

„Кто бы ты ни былъ, фантомъ или діаволъ; я тебя не пущу!“, вскричалъ онъ, удерживая привидѣніе за руку.

„Боже мой! сказалъ сильный голосъ. Ахъ, какъ вы меня схватили! клянусь, я никакого зла вамъ не хотѣла сдѣлать.“

Сии рѣчи такъ какъ и рука, которую держалъ онъ, увѣрили его, что мнимой мёртвецъ составленъ изъ тѣла и костей. Приведши къ столу и освѣпивъ лице его, онъ узналъ въ немъ - - Флору.

Взбѣсясь, что столь малозначущая причина привела его въ шрепетъ, онъ спрашивалъ у ней въ грозномъ тонѣ, что такое привело ее въ сію комнату. Флора, стыдясь спавъ открытою, и устрашившись жестокихъ взоровъ Гиларія, бросилась на колѣни, и обѣщалась рассказать ему все въ точности.

„Я клянусь вамъ, ваше высокопреподобіе! сказала она, что я весьма на себя досажую попревоживъ васъ. Я хотѣла выдти изъ комнаты такъ же тихо, какъ и вошла въ нее и — естлибъ вы не знали, что я за вами присматривала, то это все бы было равно, повѣрьте, какъ бы я васъ и совсѣмъ не подсматривала. Правда! я согрѣшила, окаянная, присматривая за вами, въ этомъ я признаюсь. Но не ужели вы думаете, ваше преподобіе, что бѣдная дѣвушка можетъ противиться любопытству? Мнѣ чрезмѣрно захотѣлось узнать, что вы дѣлаете, и я не могла противиться желанію, посмотрѣть немного, но такъ, чтобъ никто не узналъ объ томъ. Оставивъ го-

спожу Жасинтѣ, возлѣ постели госпожи своей, я осмѣлилась войти въ кабинетѣ. Чтобѣ васѣ не перервать, я довольствовалась сначала смотрѣть сквозь замочную дырочку; но какѣ я посредствомѣ ея ничего не могла примѣтить, оперла замокъ и между тѣмѣ какѣ вы сидѣли, спиною къ алькову, я пробралась сюда пошхоньку, не сдѣлавѣ ни малѣйшаго шуму. Здѣсь стояла я за занавѣсомѣ до самой той минуты, пока вы не нашли меня и не схватили прежде, нежели я успѣла убѣжать въ кабинетѣ. Вотѣ! настоящая истинна, ваше преедобіе, я увѣряю васѣ! и прошу у васѣ прощенія моей невоздержности.,,

Вѣ продолженіе сей рѣчи Настоятель имѣлѣ время собраться съ духомѣ. Онѣ удовольствовался только тѣмѣ, что сказалѣ виновной рѣчь, вѣ которой показалѣ онѣ опасности, производящія отѣ любопытства, далѣ ей почувствовать сколь низко сіе дѣйствіе, вѣ которомѣ она изобличена и — Флора каялась вѣ грѣхѣ своемѣ; она обѣщалась никогда

впредь не впадать въ подобное погрѣшеніе и — удалилась со стыдомъ въ комнату Антоніи; какъ вдругъ дверь кабинета распворилась и — Жасинтъ вбѣжала безъ памяти.

— „Башюшка! ваше преподобіе! вскричала она голосомъ почти задохшимся отъ страху. Что дѣлать? Боже мой! что дѣлать? какой ужасъ! безпрестанно несчастія! безпрестанно мертвые и умирающіе! ахъ! я скоро съ ума сойду! я отъ того съ ума сойду!

„Да скажи, что такое? Спросили вдругъ Флора и Гиларій, что такое случилось? Что тамъ дѣлается?

„Ахъ! Боже мой! у меня опять мертвые въ домѣ! вѣрно какой нибудь колдунъ напустилъ это на домъ мой и на все мнѣ принадлежащее! бѣдная Донна Антонія! подите, она въ такихъ же судорогахъ, какими умерла и мать ея. Духъ ей сказалъ правду; я увѣрена, что мертвецъ сказалъ правду.“

Флора бросилась, полетѣла въ комнату госпожи своей. Гиларій послѣдовалъ ей, препеня отъ страху и надежды. Антонія, такъ какъ сказала Жасинтъ, точно была обдержима страшными судорогами. Тщетно старались они помочь ей. Монахъ приказалъ госпожѣ Жасинтъ бѣжать въ монастырь и привести съ собою отца Паблоса не теряя ни минуты.

„Я сыщу его, отвѣчала Жасинтъ, и скажу ему, чтобъ онъ пришелъ; а чтобъ привести его, Боже меня оборони. Я знаю заподлинно, что на мой домъ напущено и — пусть лучше меня сожгуть чѣмъ приходишь сюда.,,

Съ сею рѣшительностію она побѣжала въ монастырь, рассказала отцу Паблосу повелѣніе Настоятеля и прошла въ домъ Симона Гонзале съ твердымъ намѣреніемъ не оставлять его, пока онъ не будетъ ея мужемъ и пока онъ не перейдетъ къ ней.

От: Паблосъ едва шокмо взглянулъ на Антонію, какъ и объявилъ, что болѣзнь неизлѣжима. Съ часъ продолжались судороги; мученія, претерпѣваемыя ею въ продолженіе сего времени, не могли сравниться съ мученіями Гиларія, которыя раздирали сердце его. Каждой стонъ несчастной былъ для него — ударомъ оспраго кинжала. Тысячу разъ проклиналъ онъ себя, что принялъ столь варварское предложеніе. Наконецъ по истеченіи, часа, припадки начали уменьшаться. Антонія начала успокоиваться, она чувствовала, что конецъ ея приближается, и что ничто не можетъ сохранить жизни ея.

„Достопочтенный Гиларій! сказала она слабымъ голосомъ, прижимая къ ладьющимъ губамъ своимъ руку его: теперь мнѣ можно сказать вамъ сколь сердце мое чувствуетъ ваше стараніе и любовь вашу. Конецъ мой приближается — чрезъ часъ, чрезъ одинъ часъ не будетъ уже болѣе на свѣтѣ Антоніи. И такъ я могу въ сію минушу признаться вамъ,

сколь мнѣ было тяжко лишаться вашего сообщества. На это была воля матери моей, я не смѣла ей пропивиться и — умираю съ охотою. Немногіе будутъ сожалѣть о мнѣ. О немногихъ сожалѣю и я, умирая. Въ семъ маломъ кругу ни о чемъ я столько не сожалѣю, какъ о васъ; но мы увидимся, Гиларій . . . мы увидимся нѣкогда въ лучшемъ мѣрѣ! тамъ возобновится наше дружество и — мать моя съ удовольствіемъ будетъ взирать на оное.,,

Она остановилась. Монахъ пререшаѣтъ, когда она говорила объ Эльвирѣ. — Антонія приписывала сіе движеніе горести разлуки.

„Я васъ распрощиваю, батюшка! продолжала она; ахъ! не оплакивайте жребій мой! я ни въ какомъ преступленіи не раскаиваюсь, ни въ какомъ, сколько я знаю по крайней мѣрѣ, и — возвращаю душу мою безъ препета ея меня одарившему. Я весьма малаго требую и — надѣюсь, что согласится на мое про-

шеніе. Я желаю , чтобъ опслужили большую панихиду за упокой души моей, а другую за упокой души милой маминьки. Не въ разсужденіи того , чтобъ я сомнѣвалась, что она съ миромъ покоится — нѣтъ! я теперь вѣрю, что воображеніе мое тогда заблуждало , когда я думала видѣть ее и — должность предсказанія , ласкающаго меня надеждою увидѣть паки ее, показываетъ мое заблужденіе. Можетъ быть мать моя и имѣла нѣкоторыя погрѣшности, но я не знаю. Мнѣ хочется токмо , чтобъ опслужили по ней большую панихиду , за которую заплашится изъ оставшагося моего имѣнія ; прочее все я отдаю теткѣ свей Леонеллѣ; желательнo мнѣ также, чтобъ по смерти моей уведомили Маркиза Ласъ-Систернаса , что несчастная семья брата его не будетъ уже болѣе надокучать ему. Но! несчастіе дѣлаетъ уже меня несправедливою. Мнѣ сказывали, что онъ боленъ; можетъ быть. Еслилибъ онъ могъ, и помогъ бы намъ. Скажите ему, батюшка, только, что меня уже нѣтъ болѣе на свѣтѣ, и что естли онъ какъ

нибудь обидѣлъ меня, но я отъ всего моего сердца это прощаю. Послѣ сего, мнѣ хочется еще, чпобъ я не забыта была въ молитвахъ вашихъ. Обѣщайтесь мнѣ вспомнить о томъ, чего я у васъ испрашиваю и — я оставлю жизнь безъ сожалѣнія и горести.,,

Гиларій обѣщаль ей все то, чего она шокмо просила, и прочиталь ей отпускную. Каждая минуша возвѣщала приближеніе конца Антоніи. Взоры ея ослабѣвали, сердце ея билось тише, конечности охлаждались и коспенѣли, и въ два часа упра Антонія скончалась, не испустивши ни одного вздоха. Какъ скоро прекратилось ея дыханіе, отецъ Паблосъ удалился, будучи истинно пронутъ разительной сценой сей. Горестъ же Флоры была неограниченна. Различныя идеи занимали Гиларія, онъ искалъ пульса, коего движеніе, по словамъ Машильды, должно ему объяснить, временна ли смертъ ея; пульсъ найденъ, Гиларій прижалъ его, и чувствовалъ подъ пальцемъ своимъ малое шрепешаніе — сердце его наполни-

лось радостію. Впрочемъ онъ скрывалъ рачительно удовольствія, произведенныя въ немъ успѣхомъ своихъ предпріятій. Принявъ на себя печальной видъ, онъ увѣщевалъ Флору не предаваться слишкомъ бесполезной своей горести; но слезы вѣрной сей прислужницы, слишкомъ были искренни, чтобъ она могла выслушивать совѣты его — она продолжала проливать оныя. Монахъ оставилъ комнату, обѣщавшись приказати приготовить погребеніе, которое онъ самъ постарается, сказалъ онъ въ разсужденіи госпожи Жасинтъ, отправити какъ можно скорѣе. Погрузившись въ опчаяніе, смертію госпожи всея причиненное, Флора едва разслушала слова Монаха. Гиларій приказалъ снарядити погребеніе. Получилъ отъ Игуменьи позволеніе положить тѣло ея въ Сен-Клерскія пещеры и — въ пяшницу по упру, послѣ обыкновенной церемоніи Антонія положена была во гробъ. Въ томъ же день прибыла въ Мадридъ и Леонелла въ намѣреніи представити Эльвирѣ молодого своего супруга. Различныя обстоятельство умед-

лили ея прївздѣ отъ среды до пятницы. — Она не имѣла случая узнать о перемѣнахъ съ сестрой своей. И поелику имѣла доброе сердце, и всегда нѣжно любила Эльвиру и дочь ея, то удивленіе ея при извѣстіи печальной и скорой смерти ихъ, было равно ея горести. Гиларій послалъ ее увѣдомить объ опказанномъ ей Антоніей наслѣдствѣ; поелику Антонія просила его, по заплаченіи малыхъ Эльвириныхъ долговъ, отдать ей все оставшееся имѣніе. Дѣло это было кончано, и какъ она никакой нужды не имѣла въ Мадридѣ, то и возвратилась съ поспѣшностью въ Кордую.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Oh! s'il m'étoit permis de rendre un culte à quelque objet terrestre, réel ou imaginaire, liberté sainte, tu recevrais mes vœux. Je t'éleverois de ma main un autel; et sans confier à des mains mercenaires le soin de le décorer, je l'ornerois moi-même de plus belles fleurs champêtres, qui jamais aient paré la verdure ou parfumé les airs.,,

Cowper (*)

(*) О ежелибѣ мнѣ было позволено воздашь божескую почестъ какому ниспъ земному предмету, испинному или вымышленному, священная свобода, тебѣ принесѣ бы я обѣщы свои; тебѣ воздвигѣ бы руками своими жершвенникѣ, и не ввѣряя рукамаѣ наемниковѣ украшеніе онаго, украсилѣ бы его самѣ прекраснѣйшими полевыми цвѣшами, цвѣшами служащими украшеніемѣ зелени, и разливающими вѣ воздухѣ арамашы свои.

Ковперѣ.

Лорензо, занявшись единственно тѣмъ, чтобъ передать въ руки правосудія убійцъ сестры своей, не зналъ о собственныхъ своихъ нещаспїяхъ. Онъ прїѣхалъ въ Мадридъ въ вечеру того самаго дня, въ которой погребли Антонію. Будучи принужденъ вручить для подписки приказаніе Кардинала Герцога главному Инквизитору (сія форма была необходима въ такомъ случаѣ, гдѣ шелъ вопросъ о сановитъ публично церковнаго члена) и сообщить о своемъ предпрїятїи дядѣ своему и Дону Рамирецу такъ какъ и собрать многочисленную шайку полицейскихъ для своей безопасности, онъ не имѣлъ ни одной свободной минушы въ продолженіе малаго времени, остававшася ему до полуночи; по чему онъ и не могъ освѣдомиться о своей любовницѣ: словомъ онъ не зналъ совершенно ни о смерти матери, ни дочери.

Маркизъ уже былъ внѣ опасности; бредъ его прошелъ; но онъ такъ ослабѣлъ, что лѣкари не осмѣливались выводить никакихъ послѣдствїй. Чтожь касается до него, то онъ ничего столько не желалъ, какъ соединиться во гро-

бѣ съ своею Агнессою. Существованіе сдѣлалось для него ненавистнымъ, вселенная была для него пуста — ничто въ немъ не заслуживало его вниманія. Одна надежда ему еще ласкала, надежда — отмщенія за Агнессу и скорой его смерти.

Будучи сопровождаемъ благословленіями Раймонда, Лорензо былъ уже близъ Сенъ Клерскихъ вратъ гораздо ранѣе времени, предназначеннаго ему Сен-Урсуліею. Съ нимъ находились дядя его донъ Рамирецъ де Мелло и большая шруппа избраннѣйшихъ полицейскихъ. Хопя ихъ шайка была довольно многочисленна, однакожь никто не удивлялся тому: поелику собралось уже великое число любопытныхъ къ ворошамъ монастырскимъ, чшобъ посмопрѣть на церемонію. Весьма естественно было предполагать, что Лорензо и его свита пришла туда для той же самой причины. Народъ, узнавъ Герцога Медину, разступился и далъ дорогу пройши имъ впередъ. Лорензо сталъ насупротивъ большихъ вратъ, чрезъ копорыя должны были проходитьъ

монахини. Будучи увѣренъ, что Игуменья не избѣжитъ рукъ его, онъ ожидалъ съ терпѣніемъ ея выхода. Процессіи надлежало быть въ глухую полночь. Монахини занимались церемоніею, въ честь Сенъ Клеры назначенною, которой ни одинъ изъ свѣтскихъ не пріобщался. Окна были всѣ освѣщены. Гармоническіе тоны органа, соединенные съ множествомъ нѣжныхъ женскихъ голосовъ, разливались въ воздухъ и нарушали ночное молчаніе. Хоръ замолчалъ и — *соло* раздалось. Сей голосъ былъ той особы, которая была назначена для роли Сен-Клеры. Для сей должности выбирали всегда самую прекраснѣйшую дѣвицу изъ Мадрида, и та, которую назначали для сего, пославляла это себѣ за особенное щастіе. Народъ, внимая музыкѣ, кою которой отдаленные тоны восхищали его, хранилъ благоговѣйное молчаніе. Всеобщее обомленіе царствовало во всемъ собраніи. Всѣ сердца были поражены почтеніемъ къ святымъ паннествамъ, всѣ — выключая сердца Лорензо. Зная, что между сими женщинами, которыхъ гар-

моническій голосъ воспѣвалъ съ такою пріятностію пѣснь Божеству, находився множество и такіхъ, которыя скрываютъ подъ освященною одеждою черныя пресупленія, съ ужасомъ внималъ онъ лицемѣрнымъ пѣснямъ ихъ. Давно уже онъ сожалѣлъ о Мадришѣ, видя въ немъ царствующее суевѣріе. Онъ краснѣлъ, видя соотчичей своихъ погруженныхъ въ столь грубыя химеры, и ничего такъ не желалъ, какъ сыскать случай освободить ихъ отъ сихъ смѣшныхъ предразсудковъ. — Сей столь желаемый случай наконецъ открылся. Онъ поклялся самъ въ себѣ показать народу въ живыхъ изображеніяхъ постыдныя злоупотребленія, весьма часто ввѣдривающіяся въ монастырскія таинства, — показать, чего стоилъ, безъ всякаго лицепріятія, все то, что носило ангельское одѣяніе; онъ воздыхалъ, воображая ту мину, которая должна обнаружить лицемѣріе и убѣдить его согражданъ, что свяшая наружность не всегда покрываетъ добродѣтельное сердце. Служба продолжалась до самой полуночи. Часы монастыр-

скіе пробіли полночь, музыка окончилась, голоса, издыхая мало по малу, замолкли. Минута скорого выполненія предпріятія наступала и — Лорензо чувствовалъ сильное біеніе сердца своего. Зная суевѣріе народа, пригошовлялся къ зашитѣ; но онъ ласкался надеждою, что мать Сен-Урсулія оправдаетъ поступокъ его. Впрочемъ онъ имѣлъ съ собою довольно силъ для отраженія перваго народнаго нападенія — такъ, что онъ могъ бы защищаться до тѣхъ поръ, пока не придутъ къ нему на помощь. Онъ спрашился единственно того токмо, чтобъ Игуменья, узнавъ о его предпріятіи, не обезкуражила монахиню, отъ которой все зависѣло и — естли токмо не будетъ Сен-Урсуліи при церемоніи, то онъ не могъ выказывать черни свое подозрѣніе на Игуменью — тутъ нужны были доказательства. Сіе размышленіе заставляло его спрашиться о успѣхѣ своего предпріятія. Спокойствіе, царствовавшее въ стѣнахъ монастырскихъ, казалось увѣряло его въ томъ опчаси; Впрочемъ положившись на

власть Божію, онъ съ безпокойствомъ ожидалъ минушы, въ которую присутствіе его сообщницы разсѣпѣтъ всѣ сомнѣнія.

Доминиканской монастырь отдѣлялся отъ Сен-Клерскаго однимъ только кладбищемъ и садомъ. Монахи были приглашены къ церемоніи, почему они и прибыли шуда, идучи по два въ рядъ, держа въ рукахъ своихъ возженные свѣщи и воспѣвая пѣсни въ честь Сен-Клеръ; отецъ Паблосъ предшествовалъ имъ, поелику наспояшель отказался. Народъ разступился, далъ мѣсто священному собранію, и монахи спали въ два ряда по обѣимъ сторонамъ большихъ ворошъ. Нѣсколькихъ минушъ довольно было для приведенія въ порядокъ процессіи.—Вскорѣ по томъ монастырскія врата растворились и — общій хоръ монахинь раздался въ воздухъ—шествіе началось пѣвицами, которыя какъ скоро вышли, монахи послѣдовали имъ по два въ рядъ и шли мѣрными и тихими шагами. За ними показались бѣлицы; у нихъ не было свѣчей, какъ у монахинь, они шли по-

шупя взоры и, казалось, занимались молитвами по чепкамъ. За сими шла молодая и милая дѣвушка, представляющая Св: Люсію. Она держала золотую чашу, содержащую два глаза; ея же были завязаны бархатною повязкою; ея вела монахиня, одѣтая въ бѣлое плащѣ, представляющая Ангела. За нею послѣдовала св: Екашерина съ пальмовою вѣтвю въ одной рукѣ, а въ другой съ мечемъ. Бѣлое одѣяніе украшало ея, чело ея покрывала блистающая діадима. За нею показалась Сен-Женевьева, окруженная вапагою маленькихъ дьяволенковъ, кошорые, принимая на себя величавыя положенія, дергали ея за одежду и дѣлали около нея тысячу коверьканьевъ, стараясь отвлечь ея вниманіе отъ книги, къ копорой были прикованы взоры ея. Сія соблазнительные черти весьма много забавляли зритель, кошорые извѣсняяли удовольствіе свое громкимъ хохомъ. Игуменья постаралась выбрать для сей роли монахиню, отъ природы холонокровную и важную — и успѣла. Сапанинскіе буфоны не дѣлали

надъ нею никакого впечатлѣнія, и мускулы Сен-Женевьевы пребыли неподвижны. Каждую изъ сихъ свяшыхъ препровождалъ хоръ пѣвицъ, воспѣвающихъ въ гимнахъ своихъ похвальныя имъ пѣсни, возвышали ихъ заслуги, но всегда упоминали, что достоинства ихъ уступаютъ достоинствамъ Сен-Клеры, главной защитницы монастыря ихъ. За симъ несли. мощи Сен-Клеры — сосудъ столько же драгоценный по мастерской работѣ своей, какъ и по веществу. Всѣ сіи чудеса мало привлекали взоры Лоренза; онъ занимался шокмо шюю монахинею, которая несла сердце святой; по Теодорѣву описанію онъ не сомнѣвался, чтобъ сія не была Сен-Урсулія; казалось, она осматривалась вокругъ себя съ безпокойствіемъ; глаза ея встрѣпились со взорами Лорензо, находящагося въ первомъ ряду, мимо коего проходила процессія и — невольное движеніе радости украсило щеки ея, бывшія до того блѣдными. Съ живостью оборотилась она къ подругѣ своей: „мы избавлены, сказала она пошохоньху, вошь брашь ея! „

Лорензо вслушался и — сердце его зачало биться съ вольноспію; онъ уже съ спокойствіемъ взиралъ на остатокъ церемоніи. Вскорѣ показалось то, что большее украшеніе составляло въ процессіи — это была машина, сдѣланная на подобіе трона, украшенная камнями и свѣтомъ взоры ослѣпляющимъ. Подаваясь впередъ на скрытыхъ колесахъ; казалось, она везена была милыми малюпками, въ Серафимы наряженными. Верхъ оной былъ покрытъ серебряными облаками, на коихъ покоилось прекраснѣйшее лице, какое токмо было видѣть можно. — Это была молодая особа, представляющая Сен-Клеру. Платье ея было цѣны неизмѣрной. Алмазная Гирлянда, окружающая ея голову, издавала сіяніе и — дѣлала искусственной святой блескъ (*); но сей блескъ украшеній — уступалъ сіянію красоты ея. По мѣрѣ ея приближенія шумъ удоволь-

---

(*) Какой обыкновенно около св: лицъ бываетъ.

спвія распроспранилса вѣ зрительяхѣ. Самѣ Лорензо признался вѣ сердцѣ своемѣ, что онѣ нигдѣ не видалѣ красомы подобной и — еспьлибѣ токмо сердце его не принадлежало Антоніи, то онѣ принесѣ бы ей его вѣ жершву; но вѣ томѣ состояніи, вѣ которомѣ находилась душа его, онѣ взиралѣ на нее какѣ на прекрасную сшашую; она получила отѣ него одно нечувствивпельное удивленіе, такѣ что какѣ скоро она провезена была мимо его, онѣ обѣ ней болѣе уже и не думалѣ?

„Кто это спросилѣ одинѣ изѣ зрителей, стоявшихѣ такѣ близко кѣ Лорензу, что онѣ могѣ удобно слышать его.“

„Это, отвѣчалѣ одинѣ, та молодая особа, которой споль красому выхваляютѣ вѣ Мадридѣ. Она называется Виргинія де Вилла-франка, Пансіонерка Сен-Клерскаго монастыря и родспвенница Игуменьи. Вотѣ кѣ сшаша выбрали ее для укращенія сей процессіи.“

Благоговѣйно и сѣ набожнымѣ видомѣ шла за прономѣ Игуменья—передѣ

остаткомъ монахинь, заключающихъ процессію. Походка ея была важна; взоры обращены къ небу; спокойное лице ея возвѣщало удаленіе отъ всего свѣта, ни одна черта ея не измѣняла тайной гордости, съ которою она взирала на помпу и богатство дома своего. Благословенія черни преслѣдовали ее; но какое было ея удивленіе, сколь было велико всеобщее возмущеніе, когда Донъ Рамирець, приближившись къ ней, объявилъ ей, что ему взять вельно ее подъ стражу.

Недвижима и безгласна отъ удивленія Игуменья наконецъ пришла въ себя, и взывая къ народу съ проклятіями на святошашство и богохульство, побуждала его защищать отроковицъ Господнихъ—уже народъ возшумѣлъ, всеобщее неудовольствіе распространилось на лицахъ всей черни—уже пригошевались повиноваться ей, какъ Донъ Рамирець прошивоположилъ ихъ буйству полицейскихъ, приказалъ самыхъ ближайшихъ захватить, и угрожалъ всѣмъ Инквизиціей. При семъ страшномъ име-

ни — опустили руки защитниковъ, всѣ вложили въ ножны шпаги свои. Сама Игуменья поблѣднѣла — шрепетъ объялъ члены ея, всеобщее молчаніе увѣрило ее, что она въ одной шокмо своей невинности должна искать спасенія; по чему прерывающимся голосомъ просила Дона Рамиреца, сказать въ какомъ преступленіи ее обвиняютъ.

„Вы это узнаете, отвѣчалъ онъ, въ свое время, но сначала я долженъ увѣриться о Сен-Урсуліи.

„О Сен - Урсуліи! повторила она шрепещущимъ голосомъ и — озираясь вокругъ себя, увидѣла Лорензо и Герцога препровождающихъ сего офицера.

„Великій Боже! вскричала она, соединивъ руки свои съ видомъ опчаянія — мнѣ измѣнили.,,

„Какъ измѣнили? возразила Сен-Урсулія, пришедшая тогда въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ полицейскихъ, такъ какъ и монахини, сопутшествовавшей ей въ процессіи. Не измѣнили вамъ, но шокмо ссрвали маску съ васъ. Узнайте во мнѣ свою донощцу. Вы не знаете

сами сколь много я знаю о преступленіяхъ вашихъ. Сеньеръ! продолжала она, отнесясь къ Дону Рамирецу, берите меня подъ стражу; я доношу на Сен-Клерскую Игуменью, и обвиняю ее въ убивствѣ, въ истиннѣ же обвиненія своего — будешь опвѣчать жизнь моя.

Всеобщій крикъ удивленія возвысился во всемъ спеченіи. Громогласно требовали изъясненія. Трепещущія монахини, устрашившись, съ шумомъ и безпорядкомъ разсыпались и убѣгали со всѣхъ сторонъ. Нѣкоторыя скрылись въ монастырь, другія искали убѣжища въ домахъ своихъ родствениковъ — а инныя занимались шокмо настоящею опасностью, и думая шокмо о уходѣ изъ возмущенія, пробѣгали улицы безъ всякой цѣли и намѣренія. Милая Виргинія была изъ первыхъ бѣгленокъ; она оставила пронъ свой и--народъ, чшобъ лучше выслушивать машь Сен-Урсулію, неопмѣнно хопѣлъ, чшобъ она взошла на него. Монахиня согласилась. Взошла на блестящую машину, и говорила къ собранію слѣдующее:

„Сколькобъ странно ни показалось, что женщина, а особливо монахиня вмѣшивается не въ свое дѣло — необходимость мое извиненіе. Тайнство, ужасное таинство, обременяетъ душу мою. Я не могу вкусить ни малѣйшаго спокойствія, естли не открою его всему свѣшу, естли не изглажу невинной крови, вопіющей на небо изъ мрачности своего гроба. Я слишкомъ на многое опажилась, чшобъ доставить себѣ случай къ облегченію своей совѣсти. Естлибъ подорваны были мои усилія въ открытіи пресупленія, естлибы Игуменья хошя мало возымѣла подозрѣнія, что таинство ея беззаконія мнѣ извѣстно — то гибель моя была бы неизбѣжна. Ангелы небесные, бодрспвующіе непрестанно надъ любимцами своими, вспомошествовали мнѣ скрывать свое предпріятіе. Мнѣ наконецъ позволено сдѣлать подробное повѣствованіе, котораго обстоятельства наполнятъ души чувствительныя ужасомъ. Я жочу разодрать покрывало лицемѣрія, и дасть увидѣть заблуждающимъ родственникамъ, какимъ опас-

носпямъ подверглась несчастная женщина, которую они нѣкогда подвергнули подъ владычество пиранства монастырскаго.

„Между Сен-Клерскими монахинями ни одна не была столь мила, столь пища, какъ Агнесса Медина. Я ее знала совершенно — я была ея пріятельница, ея повѣренная. Не одна я оказывала къ ней нѣжное дружество; истинное ея благочестіе, стараніе ея услуживать, ангельской характеръ, заставляли все общество любить ее. Сама тщеславная, жестокая и допочная Игуменья не могла отказать Агнессѣ въ похвалѣ, которой она никому не приписывала. Кто не грѣшенъ передъ Богомъ? Увы! и Агнесса имѣла слабость. Она нарушила законы чина нашего и — навлекла на себя гнѣвъ жестокой Игуменьи. Правила Сен-Клерскаго монастыря строги, но древни и оставлены въ небреженіи. Чрезъ многія лѣта оставались они въ забвеніи, или можетъ быть по общему согласію уменьшена была строгость ихъ. Казнь, упавшая на главу Агнессы, была жестокая,

варварская. Правда, сей законъ упалъ; но существовалъ еще и — мстительная Игуменья рѣшилась воскресить его. Сей законъ повелѣвалъ запирашь виновную въ тайную темницу, опредѣленную вѣчно скрывать отъ всего свѣта несчастную жертву суетнаго тиранства. Въ семъ плачевномъ обиталищѣ она должна быть жертвою вѣчнаго уединенія — безъ всякаго соотношенія съ живущими, однимъ словомъ такъ, чтобъ всѣмъ, которые или по кровной связи или по дружеству, почитая ее мертвою, не употребляли стараній вспомоществовать ей. Такимъ-то образомъ она должна издыхать во весь остатокъ дней своихъ безъ всякой другой пищи, кромѣ чорсваго хлѣба и воды, безъ всякаго другаго утѣшенія кромѣ удобства — проливать на свободѣ горькія свои слезы.,,

Неудовольствіе, возбужденное симъ повѣствованіемъ, споль было велико въ слушателяхъ, что въ продолженіе нѣкотораго времени должно было перервать свое повѣствованіе Сен-Урсуліи. Наконецъ, когда смятеніе утишилось, когда

молчаніе паки возродилось, она продолжала рѣчь свою, въ продолженіе которой, при каждой фразѣ страха Игуменьи, казалось, болѣе и болѣе усугублялись.

„Собрали совѣтъ изъ двенадцати пожилыхъ монахинь. Я была въ числѣ ономъ. Настоятельница изобразила черными красками преступленіе Агнессы и — не постыдилась предложить о возобновленіи почти забытаго правила. Къ стыду пола своего я скажу, или власть Игуменьи была столь неограниченна въ нашемъ обществѣ, или можетъ быть нещастіе, уединеніе и жестокости столь ожесточили ихъ характеры, что сіе варварское предложеніе получило девять голосовъ изъ двенадцати. Я имѣла частые случаи видѣть добродѣтель Агнессы — и имѣя нѣжную къ ней привязанность, снизошла ея слабости и сожалѣла о ея нещастіи. Матерь Берта и Корнелія, приспали къ моей сторонѣ — мы дѣлали сильное опроверженіе и — настоятельница принуждена была перемѣнить свое намѣреніе; хотя большиншво голосовъ было на ея сторонѣ; но

она не смѣла положиться на сіе — спра-
шила нашего опкрытія; она знала, что,
будучи поддерживаемы фамилією Медины,
мы будемъ довольно имѣть силы изхи-
пить жертву ихъ, и опкроемъ Агнессу
заключенную и сочтенную мертвою.
По чему она и оставила, хопя съ вели-
кимъ нехотѣніемъ свое предпріятіе, и
испросила нѣсколько дней себѣ на то,
чтобы изыскать родъ казни, могущей
подтвердиться всѣмъ собраніемъ, и обѣ-
щалась въ томъ же самой день, какъ
скоро она остановится на какомъ либо
рѣшеніи, собрать паки томъ же совѣтъ.
Прошло два дня; подъ вечеръ на третій
объявили намъ, что на другой день Агнес-
са будетъ въ допросѣ и — что, смотря
на допросѣ, которой она выдержитъ въ
семъ случаѣ, казнь ея уменьшится или
усугубится.

Въ ночь преслѣдующую сему испы-
танію, я пробралась въ келью Агнессы
тогда, когда я предполагала уснувшими
всѣхъ прочихъ монахинь, утѣшала ее
столько, сколько мнѣ было возможно,
возбуждала бодрость ея, просила ее по-

ложиться на защиту друзей своих и условилась съ нею въ нѣкоторыхъ знакахъ, которыми я буду давать ей знать, да, или нѣпѣ, отвѣчать на вопросы Игуменья. Зная, что непріятельница ея будетъ стараться пугать и запушивать ее, я опасалась, чтобъ не удивилъ ее какойнибудь доносъ предосудительный чести ея. Поелику мнѣ хотѣлось содержать посѣщеніе сіе въ тайнѣ, то и оставалась съ Агнессою на весьма короткое время; я просила ее не предаваться опчаянію, и смѣшавъ слезы свои съ слезами ея, обняла ее, и приготовлялась выйти—какъ вдругъ шелестъ походки, приближающейся къ кельѣ остановилъ меня — я бросилась поскорѣе отъ дверей и — занавѣсъ, закрывающій большое Распятіе послужилъ мнѣ убѣжищемъ — я скрылась позади его. Дверь отворилась и — явилась Игуменья въ сопровожденіи чепырехъ монахинь. Она приблизилась къ постели Агнессы. Въ жестокихъ выраженіяхъ Игуменья упрекала ее въ слабости; говорила, что она обезчестила домъ ея, что такое чудовище,

какъ она, недостойна наслаждаться жизнью, по томъ приказала ей выпить жидкость, содержащуюся въ сосудѣ, который поднесла къ ней одна монахиня. Безпокоясь о дѣйствии пипья сего и спрашась бысть на краю вѣчности, несчастное дитя старалось самыми изразительными молитвами, возбудишь сожалѣніе въ Игуменѣ, упрашивала себѣ жизнь такими словами, которые бы и сердце шигрово укрошили, клялась подвергнуться безъ прекословія всякому наказанію, какое имъ положишь вздумается, стыду, неволѣ, мученіямъ — обѣщалась перенести все, чѣмъ токмо оставили ей жизнь, чѣмъ токмо отсрочили смерть ея на одинъ мѣсяцъ, на одну недѣлю, наконецъ на одинъ день, ни что не помогло. Безчеловѣчная ея непріятельница слушала безъ всякаго движенія прозьбы ея. Она сказала ей, что сначала она и сама хотѣла оставить ея въ живыхъ, и что есѣли перемѣнила свое предпріятіе, то она должна жаловаться на своихъ пріятельницъ, которыя тому прошивустояли. Окончавъ сіе, она наспаивала,

чтобъ непременно выпила она ядъ, ею подносимый, совѣтовала лучше умолишь Божіе, а не ея милосердіе, и увѣрила ее, что въ одинъ часъ не будетъ ея уже болѣе на свѣтѣ. Видя, что нѣтъ надежды пронуть сію нечувствительную женщину, Агнесса вознамѣрилась было соскочить съ постели и просить помощи — ласкаясь, что хотя она и не избѣжитъ угрожающей ей опасности, по крайней мѣрѣ будутъ свидѣтели насилія, ей причиненнаго. Игуменья отгадала ея намѣреніе — сильно схватила ее за руку и бросила на подушку. Вынувъ въ то же самое время кинжалъ, и приспавивъ его къ груди несчастной, Агнессы, объявила ей, что, если она сдѣлаетъ хотя малѣйшій шумъ, или если она не будетъ пить яду, то пронзитъ онымъ сердце ея. Тогда-то уже полуумершая отъ страха она не смѣла болѣе сопротивляться. Монахиня приблизилась къ ней съ роковымъ сосудомъ. Игуменья принудила Агнессу, взять его, и выпить подносимое. Несчастная испила и — преступленіе свершилось. Тогда мо-

нахини окружили постель ея, отвѣчали упреками на сненанія нещасливой, прерывали блядословіями молитвы, ею къ Богу возсылаемыя—обременяли ее Божескимъ мщеніемъ и — вѣчною казнію угрожали ей. Отнимали у ней всю надежду на прощеніе, и усыпали шипами печальное ложе смерти. Таковы — по были спраданія сей нещасливой отроковицы до той минушы, когда смерть исхипила ее изъ рукъ ея преслѣдовательницъ. Она испустила духъ въ ужасѣ о прошедшемъ, и въ страхѣ о будущемъ и — послѣднія ея минушы, столь были ужасны, что она можетъ совершенно удовлетворить ненависти и мщенію ея непріятельницъ. Какъ скоро испустила духъ свой жертва пресупленія, Игуменя съ служебницами своими вышла изъ комнаты.

Тогда-то уже я осмѣлилась выйти изъ убѣжища своего. Не защищала я нещасливую пріятельницу свою по тому, что знала, что и я, не имѣя силы избавить ее, погибну тою же смертію. Пораженная ужасомъ и отвращеніемъ, я

едва могла дойти до кельи своей. Не выходя еще изъ дверей комнаты Агнессиной, я бросила послѣдній взоръ на постелю, гдѣ лежала безъ жизни столь милая и столь прекрасная дѣвушка. Отъ всего сердца своего помолилась за упокой души ея и клялась отмстить смерть ея и стыдомъ и наказаніемъ убійцъ ея. Съ прудомъ и съ опасностями успѣла я выполнить свое обѣщаніе. При погребеніи Агнессы, въ чрезмѣрной горести по глупости я выболтала нѣсколько словъ, которыя смутили виновную совѣсть Игуменьи и — я сдѣлалась предметомъ ея подозрѣнія. Зачали замѣчать поступки мои, ходили по пятамъ моимъ и окружили меня шпионами. Прошло довольно времени прежде, нежели я могла извѣстить сродственниковъ Агнессы о роковомъ таинствѣ. Пропустили слухъ, что сія несчастная умерла скоропостижно. Басню ея приняли не только друзья ея въ городѣ, но даже и шѣ въ монастырѣ, которые наиболѣе къ ней были привержены. Ядѣ не оставилъ послѣ никакого признаку. Никто не подозрѣ-

валъ истинной причины ея смерти. Она оспалась неизвѣстною у всѣхъ; одна шокмо я и убійцы ея знали тайну сію.

Теперь болѣе нѣчего говорить мнѣ. Я отвѣчаю жизнію своею въ правдѣ словъ своихъ. Я повпоряю, что Игуменья убійца, что она лишила свѣта, а можетъ бышь и неба, несчастную, кою погрѣшность была не велика и простибельна, что она упопрѣбила во зло власть ей повѣренную. Я объясняю и сообщницъ ея — чепырехъ монахинь Віоленту, Камиллу, Аликсъ, и Маріанну; онѣ сполькожъ виновны, какъ и Игуменья.

Такимъ образомъ кончила мать Сен-Урсулія свое повѣствованіе. Она возбудила ужасъ и удивленіе во всѣхъ слушателяхъ! но когда дошла она до убійства Агнессы, неудовольствіе народное споль громко изливалось, что съ прудомъ можно было выслушать конецъ ея, Ропотъ умножался съ минушы на минушу. Наконецъ со всѣхъ споронъ раздались крики—они прѣбовали, чшобъ Игуменью предали неистовству народному. Съ бодростію прошивуспоялъ Ра-

мирець тому. Самъ Лорензо замѣтилъ народу, что виновная еще не судима и совѣщавалъ имъ оставить Инквизиціи стараніе о наказаніи. Всѣ представленія были бесполезны. Возмущеніе сдѣлалось жесточе, народъ буйственнѣе. Тщешно Донъ Рамирець старался вывести свою арестантку изъ толпы народной; на которую сторону ни обращался онъ — стѣна черни заграждала дорогу и просила съ ужаснымъ крикомъ выдачи Игуменьи. Тщешно офицеръ приказывалъ полицейскимъ очистить себѣ дорогу въ народъ—солдапы, сжатые множествомъ, не могли вынуть шпагъ своихъ. Напрасно грозилъ онъ Инквизиціею—оспервеніе столь было велико, что сіе ужасное имя не производило никакого впечатлѣнія и—Лорензо, не взирая на ужасъ оправащенія къ Игуменѣ, не могъ безъ жалости смотрѣть на женщину въ столь ужасномъ положеніи находящуюся; но не смотря на его усилія такъ какъ Герцога, Дона Рамиреца и полицейскихъ, народъ продолжалъ сжимать ихъ и — наконецъ проломившись сквозь караулъ,

изхитилъ изъ сего убѣжища жертву свою и — расположился учинить ей казнь сколь скорую столь и страшную. Съ препетомъ, въ заблужденіи разсудка, даже не понимая словъ своихъ, несчастная женщина испрашивала себѣ мишущей опспрочки — она клялась, что невинна въ смерти Агнессы, и что она можетъ ясными доказательствами оправдать себя — ее не слушали; одинъ гласъ мщенія повсюду раздавался. Всякой кто какъ хотѣлъ, такъ и ругался надъ нею, всѣ обременяли ее проклятіями, осыпали именами самыми отвратительными. Жесточайшіе вырывали изъ рукъ жестокихъ и послѣдній поступалъ съ нею болѣе варварски, чѣмъ шопъ, изъ рукъ коего исхитилъ онъ. Буйными криками заглушали слабой голосъ ея, коего жалостныя тоны вымаливали сожалѣніе. Неисповная чернь влачила ее по улицамъ, шоптала ногами, осыпала ударами, однимъ словомъ, она была принуждена вытерпѣть всѣ мученія, какія шокмо можетъ выдумать буйство и мщеніе; наконецъ одна быстрая спрѣла, пущенная силь-

ною рукою поразила въ високъ ея и — Игуменья упала на землю. Кровь текла ручьями, такъ что по испеченіи нѣсколькихъ минутъ, окончился и жеребій ея и ея мученія. — Чернь не унялась. — Она уже нечувствительную обременяла ругательствами: — безсильное буйство убійцъ! ширанили уже бездушное тѣло, и тогда шокмо оставили его, когда перековерканное, обезображенное, не имѣло уже оно никакого подобія образу человѣческому.

Лорензо и друзья его, не могли препятствовать сему печальному происшествію, смотрѣли на оное съ ужасомъ. Вдругъ новое несчастіе вывело ихъ изъ принужденной недѣлительности — облегли Сен-Клерской монастырь. Чернь, смѣшивая невиннаго съ виновнымъ рѣшилась въ неистовствѣ своемъ измозжить всѣхъ монахинь сего иночества и не оставитъ камня на камени въ жилищѣ, ими обитаемомъ. Встревоженные сею новостію, они бросились въ монастырь въ швердомъ намѣреніи защищать оный или по крайней мѣрѣ спасти

живущихъ въ немъ отъ буйства черни. Многія монахини скрылись — весьма малое число оспалось ихъ; положеніе сихъ было плачевно; но какъ они взяли предосторожность запереть внутреннія ворота, то Лорензо ласкался возможностью удержатъ народъ, пока Донъ Рарецъ придетъ къ нему на помощь съ довольными силами.

Чернь опдалила его на нѣкоторое отъ монастыря разстояніе, такъ что надлежало употребить нѣсколько минутъ, чтобъ къ нему приблизиться. Но когда онъ уже и близь онаго находился, то за сплошившимся народомъ ему не лзя было достигнуть до воротъ монастырскихъ. Спроеніе было окружено — тамъ уже ломали стѣны, бросали въ окошко зазженные факелы — повсюду раздавался крикъ, разливалась клятва, что съ возходомъ зари не останется ни одной Сен-Клерской монахини. Наконецъ Лорензу удалось продраться — какъ вдругъ одну изъ дверей проломили и — чернь разсыпалась по всему дому, предавала слѣпому своему мщенію все

встрѣчающееся ей на дорогѣ. — Тамъ разбивали мебели, раздирали картины, били съ мощами раки и ругались даже надъ Сен-Клерою изъ ненависти къ недоспойнымъ ея любимцамъ — другіе искали монахинь, иные разбивали спѣны монастырскія; индѣ собравшаяся вапага наглецовъ бросала въ огонь драгоцѣнные домашніе уборы. Скорѣе нежели они желали, стараніе ихъ успѣхъ возымѣло. Пламя показывается въ различныхъ мѣстахъ, обнимаетъ часть спараго деревяннаго строенія. Быстро мчался огонь изъ комнаты въ комнату. Паденіе половъ потрясаетъ спѣны, низвергаются колонны, кровли прещатъ, падають и — подавляють въ своемъ паденіи кроющихся возмущителей, повсюду слышимы крики и стоны. Пламенное и дымное облако покрываетъ все сіе обширное зданіе, представляющее сцену опустошенія и ужаса.

Лорензо опчаявался, видя себя невинною причиною сего страшнаго возмущенія — онъ старался вознаграждать погрѣшность свою, защищая власпію

своею бѣдныхъ монахинь. Съ нѣкоторымъ числомъ людей онъ вломился во дворъ вмѣстѣ съ чернью и укрощалъ ея бѣшенство. Но ужасныя послѣдствія и — скорость пожара принудили его думать о своей безопасности. Народъ толпами выбѣгалъ изъ монастыря скорѣе, нежели какъ вошелъ туда. Выломленныхъ воровъ для множества было не довольно пожаръ усиливался и — многіе сдѣлались добычею пламени или задохлись отъ дыму. Случай препроводилъ Лоренза къ маленькимъ дверцамъ въ углу церкви находящимся. Замокъ былъ отпертъ Онъ отворилъ двери и — увидѣлъ себя близъ Сен-Клерскихъ пещеръ.

Здѣсь онъ остановился отдохнуть на минушу. Герцогъ съ нѣкоторыми изъ его свиты находились тутъ же; видя себя въ безопасности, они выдумывали средство выбѣжать изъ сего театра опустошенія Но выходъ ихъ былъ загражденъ ужасными видами свирѣпаго пламени, съ прескомъ упадающими сводами и смѣшанными криками черни и монахинь. Иные задыхались въ толпѣ,

другіе горѣли, а иные подпадали подъ тяжесть упадающаго строенія.

Лорензо спрашивалъ, куда препровождаетъ дверь, которую онъ увидѣлъ. Ему отвѣчали, что она ведетъ въ садъ Доминиканскаго монастыря — почему онъ и пробовалъ, не лзяль выдти имъ оною. Герцогъ поднялъ локетъ дверей въ решоткѣ и вышелъ на кладбище Доминиканцевъ — свита послѣдовала ему. Лорензо былъ послѣдній — уже онъ вознамѣрился вступитъ за рѣшотку, какъ вдругъ увидѣлъ, что дверь отъ пещеръ отворялась мало по малу — нѣкто смотрѣлъ въ отверстіе; но увидя людей, вскричалъ, бросился взадъ съ поспѣшностію и — сбѣжалъ съ мраморной лѣстницы.

„Что это значитъ? Сказалъ Лорензо. Тутъ есть какая-то тайна. Друзья! за мной! „

Говоря такимъ образомъ, онъ бросился въ пещеру и преслѣдовалъ бѣжавшаго отъ него человека. Герцогъ, не видя ничего, не понималъ причины зовущаго Лорензо; но предполагая, что онъ

имѣетъ свои причины, вышелъ изъ-за рѣшотки и послѣдовалъ ему безъ замедленія. Прочіе сдѣлали то же. Вся труппа наконецъ сошла внизъ лѣстницы. Двери были на верху опворены; пламя, пожирающее строенія, довольно много освѣщало Лорензову дорогу, такъ что онъ могъ удобно видѣть вдали сквозь многихъ переходовъ, особу имъ догоняемую. Но вскорѣ кроющійся перемѣнилъ направленіе и—онъ потерялъ ее изъ виду; свѣтъ отъ пожара производящій болѣе не помогаль ему, повсемѣстный мракъ занялъ мѣсто слабыхъ освѣчиваній. Одинъ шокмо шелестъ ногъ велъ его за собою — здѣсь надлежало идти съ осторожностью. Думашь надобно было, что и кроющаяся фигура шла такимъ же образомъ, какъ показывали промежутки шаговъ. Наконецъ преслѣдующіе заблудившись разсыпались по различнымъ дорогамъ. Горя желаніямъ развязать сію шайну, которую любопытство въ немъ укореняло, Лорензо совершенно позабылъ о своихъ соповарищахъ. Вскорѣ онъ увидѣлъ себя въ совершен-

номъ уединеніи. Шелестъ прекратился. Всеобщее молчаніе царствовало вокругъ его; ничто не препровождало его къ кроющейся особѣ и — Лорензо принужденъ былъ остановиться для размышленія. Онъ разсуждалъ, что необыкновенное движеніе заставило незнакомаго бѣжашь отъ него въ сіе печальное убижище въ такой часъ; крикъ имъ слышанный, показался ему крикомъ ужаса, все показывало, что въ семъ приключеніи кроется какая нибудь тайна. По минутномъ размышленіи онъ рѣшился идти вдаль ощупью. — Идя такимъ образомъ, вдругъ онъ увидѣлъ въ довольно далекомъ разстояніи слабой свѣтъ. Вспомоществуемый симъ препенущимъ свѣтомъ и вынувъ шпагу, онъ направилъ путь свой къ тому мѣсту, откуда сіи лучи, казалось, истекали.

Свѣтъ сей происходилъ отъ лампы, горящей предъ ступею Сен-Клеры. Возлѣ оной стояло много женщинъ; бѣлое ихъ платье развѣвалось отъ вѣтра, бушующаго въ длину сводовъ. Желая узнать, что привело ихъ въ сіе печальное

мвешо, Лорензо приближался къ нимъ тихими шагами. Толпа, казалось, занималась интереснымъ разговоромъ. Никто не слышалъ походки Лоренза — такъ чшо онъ приблизился къ нимъ, не бывъ ими примѣченъ, на близкое разстояніе; откуда могъ онъ слышать весь разговоръ ихъ.

„Да и чшо можетъ ихъ завести сюда, сказала одна съ шрепетомъ. Не уже ли вы думаете, что они насъ ищутъ?“,

„Дай Богъ, чшобъ я въ томъ обманулась, сказала первая, но я подозреваю, чшо это убійцы. Если они найдутъ насъ, то мы пропали. Чшо касается до меня—смерть моя неизбежна. Довольно для сего сродства моего съ Игуменьей и хопя сіи подземелья защищали меня доселъ — —“, Здѣсь, поднявъ свои глаза, увидѣла Лоренза, которой продолжалъ къ нимъ приближаться по тихоньку. — „Вонъ они!“, вскричала она, бросилась подъ пьедесталъ статуи, на копоромъ она сидѣла и старалась скрыться. Подруги ея также вскричали съ ужасомъ, между тѣмъ какъ Лорензо ухватилъ за руку бѣглицу. Успрашенная, отчаян-

ная, она бросилась предъ нимъ на колѣни.

„Не троньте меня, ради бога не троньте, вскричала — я невинна, клянусь вамъ, что я невинна.,,

Она едва могла говорить. Страхъ задушалъ голосъ ея. Свѣтъ лампы упалъ на лице ея, съ коего свалилось покрывало и—Лорензо узналъ прекрасную Виргинію де Вилле-Франку. Онъ спарался поднять ее, прогнать страхъ ея, обѣщавъ защищать ее, сказалъ ей, что сіе убѣжище еще неизвѣстно, а если и опкроютъ, то онъ будетъ защищать ее до послѣдней капли крови. Въ продолженіе сего разговора монахини стояли въ различныхъ положеніяхъ; одна стоя на колѣняхъ, молилась Богу, другая укрывала голову свою въ лонъ подруги своей, а нѣкопорыя въ бездвжимости слушали мнимаго убійцу, между тѣмъ какъ прочія обнимали спашую Сен-Клеры и въ живѣйшихъ молитвахъ испрашивали себѣ покровительства. Наконецъ увидя ошибку свою—онѣ окружили Лоренза и осыпали его благословеніями. Онъ узналъ тогда, что слыша угрозы черни и прелеща отъ

жестокостей, какими мучили Игуменью, многія изъ монахинь, сошедши съ колокольни, съ копорой они смотрѣли на позорище, бросились въ пещеры. Милая Виргинія была изъ нихъ первая. Будучи близкою родственницею Игуменьи, она болѣе, нежели другія, имѣла причины страшиться. Она съ слезами просила Лорензо не отдавать ее неистовству народному. Подруги ея, изъ копорыхъ большая часть была знаменитыхъ семей, соединили прозьбы свои съ ея прошеніемъ и — онъ обѣщался во всякой безопасности представить ихъ всѣхъ къ родственникамъ ихъ, совѣтуя однакожь не оставлять пещеръ сихъ пока чернь не успокоится и пока салдашы не разгонятъ кучи ихъ.

„Дай Богъ! вскричала Виргинія, чшобъ я была спокойна въ объятіяхъ моей маминьки! но на долго ли мы здѣсь останемся? Каждая минута моего здѣсь пребыванія для меня — настоящее наказаніе.,,

„Я думаю, что недолго, отвѣчалъ Лорензо; но до вашего выхода сіе подзе-

мелье будетъ для васъ непроницаемымъ убѣжищемъ; не опасайтесь, чтобъ васъ здѣсь нашли. Должно думать, что вамъ надлежитъ провести здѣсь часа два или три.,,

„Два или три часа! вскричала сестра Елена: естли мнѣ оспаться въ семъ кладбищѣ хопя на одинъ часъ, то я умру отъ спраху! ни за что въ свѣтѣ я не захочу шерпѣть то, что я въ продолженіе моего здѣсь пребыванія вышерпѣла. Господи Боже мой! — бытъ въ глухую полночь въ семъ ужасномъ мѣстѣ, окруженною прупами моихъ сотрудницъ, шрепешать каждую минушу отъ спраху — слушать стоны блуждающихъ окрестъ насъ шѣней, коихъ разительные тоны ужасны, кои — того и гляди, что раздробяшъ меня на часпи. Упаси, Божія Матерь! — здѣсь съ ума сойдешь.,,

„Вы мнѣ просшите, отвѣчалъ Лорензо, естли я вамъ скажу свое удивленіе въ разсужденіи того, что вмѣсто существенныхъ опасностей вы спрашиваетесь химерическихъ. Сии страхи, съ позволенія сказать, ребяческіе, и не имѣюшъ

никакой причины. Ихъ должно превозмо-
гать, преподобная мать. Я обѣщался защи-
щать васъ отъ черни; но, уже отъ сует-
вѣрія вамъ самимъ должно защищаться.
Весьма смѣшно вѣрить мертвецамъ, и
если вы и впредь будете ужасаться
сей химеры. - - - „

„Химера! это химера! вскричали вдругъ
всѣ монахини. Мы сами — своими ушами
слышали крики ихъ. Часто повпорялись
они и, казалось, весьма мрачны, печаль-
ны. Вы не увѣрите насъ, чтобъ мы всѣ
обманывались. Нѣтъ, нѣтъ! это не воз-
можно! еслибъ этогъ голосъ былъ хи-
мерической! . . . „

„Прислушайтесь , прислушайтесь!
вскричала Виргинія прелещущимъ голо-
сомъ. Боже нашъ, буди милосливъ! слу-
шайте! начинается! . . . „

Монахини попадали на колѣни, сжали
руки свои; а Лорензо озирался вокругъ
себя. Онъ почти раздѣлялъ страхъ сихъ
женщинъ. Всюду было глубочайшее мол-
чаніе. Онъ осматривалъ пещеру — ни-
чего не было. Уже онъ приговлялся
дѣлать упреки инокинямъ въ ребяче-

скомъ страхъ ихъ, какъ вдругъ глухое, слабое и продолжительное сненаніе поражаетъ слухъ его.

„Что это? что это значитъ? вскричалъ онъ въ удивленіи.

„Вотъ, сказала Елена: ну теперь увѣрились ли вы? Вы сами слышали снопъ. Химера ли страхъ нашъ? Съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь, этотъ снопъ повторяется почти чрезъ каждыя пять минутъ. Безъ сомнѣнія его испускаетъ какая нибудь мучимая душа, желающая выдти изъ чиспилица; но кто смѣетъ спросить ее. Что касается до меня, то я умру отъ ужасу, еслили увижу какого нибудь духа.,,

При окончаніи словъ ея, сненаніе повторилось гораздо явственнѣе. Монахини перекрестились и читали молитвы отъ навожденія демонскаго. Лорензо прислушивался. Онъ мнилъ различить нѣкоторыя слова въ сненаніи; но тоны были столь смѣшанны, столь ослаблены разстояніемъ, что подъ длинными сводами не лзя было совершенно ихъ выразумѣть. Шумъ, казалось, выходилъ изъ

средины маленькой пещеры, въ которой находились Лорензо и монахини, и изъ которой множество дорогъ, въ нее втекающихъ, дѣлали нѣкоторый родъ звѣзды. Любопытство Лорензово болѣе и болѣе возбуждаемое, заставило его съ нетерпѣливостію желать развѣски сего шайнства. Онъ испросилъ у монахинь молчанія. Инокнии повиновались. Все пребывало безгласно до тѣхъ поръ, пока новыя стenanія, нѣсколько разъ произнесенныя, не возбудили новые страхи. Лорензо, слѣдуя за направлениемъ исходящаго, голоса, увидѣвъ, что ему гораздо слышнѣе, когда стоишь онъ возлѣ Сен-Клерской статуи.

„Стонъ исходитъ отсюда, сказалъ онъ: какая это статуя?„

Елена, къ которой Лорензо относился, подумала съ минушою, и — вдругъ сжавъ руки свои:

„Ахъ! этому такъ и быть должно, сказала она, теперь я знаю, что значить это стenanіе. Монахини окружили ее — всѣ просили ее изъясниться и — она отвѣчала съ важностію, что сія статуя

всегда почиталась чудотворною; она заключала, что святая опечалившись монастырскимъ пожаромъ извѣсняетъ сожалѣніе свое стономъ симъ. Лорензо, бывъ менѣе суевѣренъ, не столь много довольствовался сею развязкою, какъ инокини, принявшія сіе безъ всякаго размышленія. Онъ соглашался съ матерью Еленою въ томъ только, что сіи стоны происходятъ изъ статуи. — Чѣмъ болѣе прислушивался онъ, тѣмъ болѣе основывался въ мнѣніи своемъ, приблизился къ статуѣ съ намѣреніемъ хорошенько рассмотреть оную; но монахини, догадавшись о его предпріятіи, умоляли его крестомъ и Богомъ ничего не дѣлать, потому что, говорили они, кто хотя чуть до нея допронется, то умретъ въ ту же минуту.

„Но въ чемъ же состоитъ опасность? спросилъ онъ.,,

„Матерь Божія! какъ въ чемъ? сказала Елена, всегда стараясь рассказать чтонибудь чудесное. Хотѣлось бы мнѣ, чтобъ вы хотя соую часть слышали тѣхъ чудесъ, какія намъ Игуменья повѣ-

швовала о сей спашуѣ. Она намъ разѣ тысячу говорила, что еспѣли мы хо- шя пальцемъ допронемся до спашуи — шо не обойдется безъ бѣды. Между прочимъ она рассказывала намъ, что одинъ воръ, зашедши ночью въ сіе подзе- мелье, увидалъ эшотъ рубинъ, копо- рому цѣны нѣтъ. Вы видите его ; онъ блиспаешъ на прешьемъ пальцѣ ру- ки, держащей шиповой вѣнокъ — во- шелъ и — рѣшился воспользоуашься сею драгоцѣнностью, вспалъ на пьедесталъ, чтобъ спащипъ его; лѣвою рукою взялъ онъ правую руку свяшой и — пропя- нулъ другую къ пальцу — но какое было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что она положила на него мспительную руку свою, когда услышалъ свое вѣчное про- кляшье, происходящее изъ устъ ея. Буду- чи сраженъ почшеніемъ и ужасомъ, онъ приготоуился къ выходу; но и въ шомъ получилъ не болѣе успѣха. Ему не лѣзя было выдши ; — не лѣзя было освобо- дитъ руки своей, которую онъ поло- жилъ на правую руку спашуи. Здѣсь пребылъ онъ до шѣхъ поръ, пока, чув-

спвуя ужасныя мученія совѣсти, не закричалъ и не попросилъ помощи. Тогда подземелье наполнилось зрителими. Воръ признался въ святошашствѣ своемъ и — освободился съ поперею руки своей; поелику надлежало опрѣзать ее — она была прикрѣплена къ стапуѣ. Наконецъ воръ — сдѣлался пусшынникомъ, и говорили, что онъ съ того времени препровождалъ примѣрную жазнь; но судьбы свяшой не выполнились. Преданіе говоритъ, что онъ приходитъ въ гробницы сіи, и вымаливаетъ себѣ прощенія у свяшой; и теперь, какъ я думаю, сіи спенанія — суть споны сего грѣшника; но я не могу васъ въ томъ увѣрить. Знаю только то, что съ того времени ни одинъ человекъ не смѣетъ къ ней прикоснуться. По сему-то не будь такъ безразсуденъ, доброй господинъ. Бога ради оставъше свое предпріятіе и — не подвергайтесь бесполезно видимой погибели.

Не думая, чтобъ смерть къ нему была столь близка, какъ сестра Елена предсказывала, Лорензо настоялъ въ сво-

ей рѣшительности; монахини усугубили свое моленіе, показывали даже и руку воровскую, которая въ самомъ дѣлѣ еще была видна на одной рукѣ спашуи. Сіе доказательство, по мнѣнію ихъ, было самое убѣдительное; но онъ думалъ совсѣмъ иначе: они ужаснулись, когда сказалъ онъ имъ, что сухіе пальцы, какъ подозрѣваетъ, положены шупъ по повелѣнію Игуменьи; наконецъ, не взирая на прозѣбы и угрозы инокинь, Лорензо приблизился къ спашуѣ, вскочилъ за рѣшетку желѣзную, ее окружающую, и осматривалъ спашую со вниманіемъ. Она показалась ему изъ камня; но присмотрѣвшись, узналъ, что она изъ подкрашеннаго дерева. Тщетно старался онъ потрясти ее — она пребывала неподвижна. Видно было, что ея основаніе, составляющее съ нею одинъ кряжъ, было утверждено внизу. Снова онъ осматривалъ ее, но ничего не могъ найти, чтобъ разрѣшило таинство. — Монахини, видя, что онъ двигалъ безъ жалости святую спашую, сдѣлались смѣлѣе, и также любопыт-

спвовали узнать оное. — Лорензо остановился, прислушивался — спенанія возобновились — произносимы были прерывчиво и — увѣрили его, что онъ не такъ еще къ нимъ былъ близокъ. Размышляя о спранномъ семъ приключеніи, онъ ходилъ, разсмапривалъ и пересмапривалъ спашую. Наконецъ глаза его упали на изсохшую руку, почитаемую воровскою. Ему вспало на умъ, что не безъ причины заказано было прогать руки свяшой; по чему, вставъ на пьедесталъ снова осмапривалъ сіе мѣсто и — увидѣлъ малое желѣзное возвышеніе, кроющееся между пальцами свяшой и мнимаго вора. Восхищаясь симъ опкрытіемъ, онъ допронулся до возвышенія, и пожалъ его съ силою. Въ шу же минушу во внутренности спашуи глухой шумъ, подобной шуму цѣпей поднятыхъ и вдругъ опущенныхъ, раздался въ ухахъ собранія. Монахини запрепешали и хопѣли бѣжать при первой опасности; но видя, что все было спокойно, они приблизились къ Лорензу и съ любопытствомъ пожирали его движенія.

Но впрочемъ ничего не показывалось при семъ открытіи. Поднявъ къверху руку свяшой, Лорензо мнилъ чувствовашь движеніе статуи. Зрительницы попадали со страху, воображая зрѣшь оживленіе оной; но Лорензо совсѣмъ другое думалъ. Онъ заключалъ, что шумъ, имъ слышанный, происходитъ отъ опущенія цѣпи, держащей статую, прикрѣпленную къ пьедесталу. Снова старался онъ потрясти ее на основаніи и — успѣлъ безъ многого усилія; по чему, положивъ ее на землю, онъ увидѣлъ, что пьедесталъ былъ дуплистъ, и что отверстіе его закрывалось толстою желѣзною рѣшоткою. — Всеобщее любопытство сдѣлалось столь великимъ, что инокини забыли и сущесствительныя и химерическія свои опасности. Лорензо приготовился поднять рѣшотку и *Сестры* помогали ему въ семъ предпріятіи сколько позволяли имъ силы ихъ. Рѣшотка была поднята и — взорамъ ихъ представилась глубокая пропасть, густому мраку которой тщетно проникнуть старались они. Свѣтъ лампы также былъ

слабъ для вспомошествованія. Ничего не было видно кромѣ первыхъ ступеней лѣспниці изсѣченной изъ толстыхъ камней, которая низпускалась внизъ и перялась во мракахъ. Спенаній не было слышно; но всѣ были увѣрены, что они происходили изъ пещеры. Наклонясь на отверстіе, Лорензо мнилъ различать нѣчто блестящее среди мрака; успремивъ съ величайшимъ вниманіемъ взоры на тотъ пунктъ, изъ котораго изливался свѣтъ сей, онъ увидѣлъ, что это было не что иное, какъ слабой огонекъ попеременно блистающій и исчезающій. Монахини, которымъ онъ рассказалъ свое отккрытіе, сами видѣли свѣтъ сей; но когда объявилъ онъ, что вознамѣрился сойти въ сіе подземелье, то они всѣ бросились, окружили его и просили отложить свое предпріятіе. Всѣ ихъ представленія остались тщетными; ни одна изъ инокинь не имѣла силы и бодрости сотовариществовать ему, а Лорензо не могъ рѣшиться оставить ихъ безъ лампы; по чему онъ приготоуился сойти безъ свѣта — одинъ

съ крошкимъ своимъ ангеломъ и — искашь развязки шайнспва. Монахини же довольствовались токмо молитвами объ успѣхахъ его.

Лѣспница была круглая, — ступени узкія и грубо изсѣченныя. Мрачность дѣлала Лорензовъ ходъ весьма опаснымъ; по чему онъ и принужденъ былъ сходить съ осторожностію, спрашась ошибиться въ шагу, и низвергнуться въ пропасть. Нѣсколько разъ казалось ему, что находится онъ въ сей опасности; наконецъ онъ очутился на низу прежде своего чаянія; мрачность мѣста и густые пары обманули его въ глубинѣ пещеры сей. Остановившись при сходѣ съ лѣспницы, онъ искалъ глазами вокругъ себя свѣта, имъ видѣннаго — но ни чего не видѣлъ онъ — все было мрачно и пустынно. Тщешно прислушивался онъ. Никакой шумъ не поражалъ слуха его; одинъ токмо отдаленный отголосокъ словъ монахинь, повторяя крикъ наверху, *Богородице, дѣво радуйся!* отзывался въ слуховомъ органѣ его. Не зная, на которую сторону обратишься, онъ

рѣшился идти далѣе на случай тихими шагами, чтобы не удалиться отъ предмета своихъ поисковъ, вмѣсто того, чтобы къ нему приблизиться. Стенанія, какъ показалось ему, возвѣщали спраждущую или по крайней мѣрѣ опечаленную особу, и онъ ласкался возможностью пособить ей. Наконецъ печальной стонъ раздался въ недалекомъ разстояніи. Съ радостію Лорензо бросился на сію сторону; стонъ дѣлался внятнымъ по мѣрѣ его приближенія. Скоро по томъ онъ увидѣлъ свѣтъ, котораго за низкою стѣною, продолжающеюся передъ нимъ, не лзя было ему видѣть.

Свѣтъ сей исходилъ изъ лампы, поставленной на нѣсколькихъ камняхъ, коего слабые и унылые лучи болѣе умножали, нежели уменьшали ужасъ узкой и унылой пюрьмы, сдѣланной въ одномъ углу подземелья. Подобныя пещеры находились и на другихъ сторонахъ — но внутренность ихъ за темною была неизвѣстна. Трепещущій свѣтъ едва доходя до зеленыхъ стѣнъ, покрытыхъ вѣчною влажностью, слабо отра-

жали его. Зловредной и густой воздухъ носился подъ сводами, пронзительный хладъ сжималъ Лорензо. Повторяемые спенанія остановили шаги его — онъ оборотился къ той сторонѣ, откуда исходили они и — при слабомъ свѣтѣ, въ уголку печальной ямы сей увидѣлъ лежащее на соломѣ чловѣческое подобіе, столь сухое, столь слабое, столь блѣдное, что оно едва походило на женщину.

Она была полунага. Длинные, всклокоченные волосы лежали въ безпорядкѣ на лицѣ ея, и покрывали ее почти совершенно; одна безпѣльная рука ея лежала на толстомъ кускѣ сукна, служащаго покрываломъ трепещущимъ и хладнымъ членамъ ея, другая же была прикрѣплена къ маленькому свершку, копорою прижимала она къ груди своей — возлѣ нея лежали большія четки, на супрошивѣ креслѣ, на которомъ покоились взоры ея, по сторонамъ стояла корзина и нѣсколько глиняныхъ сосудовъ.

Лорензо остановился — ужасъ объялъ его; съ жалостью, смѣшанною съ отвращеніемъ, смотрѣлъ онъ на сіе блѣд-

ное швореніе. Сіе зрѣлище заставило шрепетать его. Сердце ослабѣвало въ груди его, колѣна подгибались и — онъ, не могши болѣе держаться на ногахъ своихъ, прислонился къ стѣнѣ, возлѣ комо-рой стоялъ онъ, не имѣя силы ни при-ближиться, ни говорить съ сею несчаст-ною. Она оборотилась къ лѣспницѣ; стѣ-на сокрывала Лорензо, она не могла его увидѣть.

„Никого нѣтъ!“, сказала она нако-нецъ. Голосъ ея былъ гробовой и, казалось, выходилъ изъ внутренности груди ея. Глубокой вздохъ послѣдовалъ словамъ ея.

„Никого нѣтъ! повторила она. Ахъ они меня забыли — они не придутъ ко мнѣ болѣе!“,

Она остановилась.

„Два дня, цѣлые два дня безъ пищи, продолжала она съ горестію. И — нѣтъ надежды! нѣтъ утѣшенія. Безразсудная! какъ можно желать продолженія жизни толико бѣдспвенной? Но смерть — такъ жестока! Боже мой! умереть такою смертію! претерпѣвать еще толикое вре-мя сіи ужасныя несчастія! ахъ! я еще

никогда не знала, что такое голодъ. Послушаемъ: нѣшъ! никто неидетъ. Ахъ! они не придутъ болѣе!,, она замолчала. Тѣло ея препенало. Она надернула на плеча свои епанчу, ее покрывающую.

„Ахъ! какъ я озябла! я еще не привыкла къ влажности тѣмноты сей—это странно; но что за нужда! скоро, скоро я буду и еще хладнѣе, и тогда я не почувствую сего. Я буду хладна, хладна, какъ ты.„

Говоря сіе она смотрѣла на связочку, лежащую близъ нея, наклонилась, поцѣловала и — вдругъ съ нѣкоторымъ родомъ ужаса оттолкнула оную.

„Онъ былъ столь хорошъ! столь милъ! онъ совершенно походилъ на него. Ахъ! я навѣки его лишилась! нѣсколько дней и — перемѣнился! я едва и сама узнаю его — но впрочемъ онъ мнѣ милъ, ахъ! онъ очень милъ мнѣ. Я забываю, что онъ теперь, чтобъ помнить, что онъ былъ и — сполькожъ люблю его, какъ любила и тогда когда онъ былъ хорошъ и любезенъ, когда онъ былъ — его подобіе. Источникъ слезъ моихъ

изсякнулъ. Ахъ! нѣтъ! — вотъ еще одна! „

Локономъ волосъ утерла она слезы свои, пропянула руку свою къ сосуду, возлѣ нея споящему, съ шрудомъ подняла его, посмотрѣла внутрь, вздохнула — поставила паки на землю.

„Совершенно пустъ! ни капли! ни одной капли для прохлажденія горящихъ устъ моихъ. Какое сокровище опдала бы я теперь за одинъ стаканъ воды! и это служебницы Христовы заставляють меня такъ мучиться! они почиаютъ себя святыми, между тѣмъ какъ мучатъ меня какъ демоны? Нѣтъ въ нихъ ни сожалѣнія, ни милосердія, и — они-то побуждаютъ меня къ раскаянію и они-то угрожаютъ мнѣ вѣчнымъ проклятіемъ! Царю небесный! нѣтъ! на это нѣтъ Твоего соизволенія! „

Обрашивъ взоры свои къ распятію, она взяла чешки свои; персты ея пробегали по зернамъ и — движеніе губъ дало видѣшь, что она молилась съ усердіемъ.

Лорензо чѣмъ болѣе слушалъ ее, тѣмъ болѣе приходилъ въ сожалѣніе. Наконецъ почувствовавшись отъ перваго пораженія чувствительности при видѣ сего несчастливаго творенія, онъ приблизился къ плѣнницѣ; она услышала шелестъ шаговъ его, испустила радостной крикъ и опустила чепки свои.

„Ахъ! ахъ! кто-то идетъ!„

Спиралась вспасть, но не имѣла силы; она упала паки на сомому и — въ семъ движеніи Лорензо услышалъ звукъ дѣпей ея.

„Ты ли, Камилла! наконецъ вы пришли, сказала она! ахъ, давно уже время! я думала, что вы совершенно меня оставили, что осудили меня умереть голодною смертію. Сдѣлайте милость, ради Бога, дайте мнѣ напишья — я испощала совершенно и столь слаба, что не могу подняшья, добрая Камилла! дайте мнѣ напишья, или я умру передъ тобою же.

Лорензо спрашился, чтобъ удивленіе не было опасно для особы, столь сла-

бой. Онъ не зналъ какъ вывести ее изъ заблужденія.

„Я не Камилла, сказалъ онъ наконецъ голосомъ столь нѣжнымъ, сколь ему было возможно.

„Кто же? возразила несчастная, можетъ быть Аликсъ или Віоланша? глаза мои мрачны — я столь слаба зрѣніемъ, что не могу различить чертъ вашихъ, но кто бы вы ни были, еслили шокмо сердце ваше способно къ сожалѣнію, еслили вы не жесточае шигра, то вы возымѣете жалость къ моимъ мученіямъ. Вы знаете, что я умираю отъ голоду. Вотъ претій уже день, какъ я безъ пищи. Принесли ли вы мнѣ чего нибудь, или вы пришли шокмо объявить мнѣ смерть мою, или сощипать мнѣ, сколько я часовъ проводила въ сей ужасной казни? „

„Вы ошибаетесь, сказалъ Лорензо — я не агентъ безчеловѣчной Игуменьи. Несчастія ваши меня прогаюшъ, я пришелъ помочь вамъ. „

„Помочь мнѣ! повторила плѣнница, помочь мнѣ? „

Поднявшись въ то же самое время, и поддерживаясь руками своими, она пожирала взорами незнакомца.

„Боже мой! непривидѣніе ли это? мужчина! говорите, кто вы? За чѣмъ пришли сюда? не уже ли избавить меня пришли и даровать мнѣ вольность, жизнь и свѣтъ? Ахъ говорите, говорите скорѣе — чѣмъ не предашься такой надеждѣ, которая меня убьетъ, если я буду обманута. „

„Успокойтесь, сказалъ Лорензо нѣжнымъ, пріятнымъ голосомъ: Игуменья, которую вы порицаете жестокостью, уже воспріяла наказаніе за свои преступления. Теперь вамъ нечего ея спрашивать. Въ нѣсколько минутъ вы будете на волѣ и въ объятіяхъ друзей своихъ, изъ коихъ васъ испоргнули. Положитесь на мое слово и не опасайтесь ничего. Я провожу васъ въ тайное мѣсто, гдѣ вы можете получить всѣ нужныя вашему положенію вспоможенія. „

„Такъ! такъ! вскричала плѣнница съ восхищеніемъ: такъ! есть еще Богъ, Богъ праведный и милосердый. О радость!

о щастіе! И такъ я буду вкушать пріятность воздуха — наслаждусь зрѣніемъ солнца и величественнымъ небомъ. Незнакомецъ! я вамъ слѣдую! Богъ благословитъ васъ, что вы сжалились надъ несчастною. Но надобно, чтобъ и это со мною вышло, присовокупила она, указывая на маленькой свертокъ, которой она прижимала къ груди своей. Я не могу разлучиться съ нимъ; это дастъ понятие свѣту сколь страшны мѣста сіи! доброй незнакомецъ! дайте мнѣ руки своей — пособиите вспасть мнѣ. Я столь ослабѣла отъ голоду, несчастія и болѣзни, что совсѣмъ не имѣю силы! хорошо! такъ!,,

Лучи лампы упали тогда прямо на лице Лорензово.

„Боже мой! вскричала она, возможно ли? — эшотъ взглядъ, эти черты — ахъ! такъ! такъ! это . . . это . . . „

Она пропянула руку, чтобы обнять его; но шѣло ея не могло удовлетворить чувствованіямъ, ее возмущающимъ. Она лишилась чувствъ и паки упала на солону.

Лорензо весьма удивился сему последнему восклицанію; казалось ему, что онъ слышалъ тоны подобные тонамъ сего прерывчистаго голоса; но не могъ вообразить себѣ и привести онаго на память. Онъ чувствовалъ, что пособія врачей были необходимы ей въ столь опасномъ положеніи. Желая вынести ее изъ темницы, онъ вдругъ былъ удержанъ крѣпкою цѣпью, окружающею тѣло плѣнницы и вбипою въ ближней стѣнѣ. Желаніе помочь несчастной усугубило силы его, онъ скоро разломилъ кольцо, съ которымъ соединилась одна изъ конечностей цѣпи; взявъ по томъ плѣнницу на руки, онъ приблизился къ лѣспницѣ; свѣшъ Лампады сверьху, отголосокъ разговоровъ монахинь, тамъ оставшихся, управляли стопами его. Онъ дошелъ до лѣспницы, и въ нѣсколько минутъ прибылъ къ желѣзной рѣшоткѣ.

Инокіини во время его отсутствія мучились жестоко то страхомъ, то любовьюшсвомъ. Увидя вышедшаго Лоренза, они сполькожъ восхищались, сколько и удивлялись. Несчастливая, имъ вынесен-

ная, возбудила во всѣхъ сердцахъ состраданіе и — между шѣмъ какъ они старались привести ее въ чувство, Лорензо въ краткихъ словахъ рассказывалъ, какъ онъ нашелъ ее, замѣтилъ имъ, что въ сіе время чернь должна быть укрощена, и что онъ можетъ безъ всякой опасности проводить ихъ къ родственникамъ. Всѣ неперпѣливо хотѣли оставить подземелье; но чтобъ избѣгнуть опасностей, могущихъ случиться имъ, они просили Лоренза сначала видѣти самому и увѣриться безопасенъ ли выходъ ихъ. Онъ согласился. Елена предложила ему — проводить его до лѣстницы. Уже они были готовы къ произведенію своего предпріятія — какъ вдругъ блеснули многіе свѣтлые лучи огня въ различныхъ ближнихъ галлереяхъ — шелестъ идущаго множества раздался подъ сводами и — монахини предполагали, что убѣжище ихъ открыто, и что разбойники идутъ схватить ихъ. Съ скоростію оставивъ плѣнницу лежащую безъ движенія, они окружили Лоренза и просили его выполнить имъ данное обѣщаніе — покровительств-

ва; одна шокмо Виргинія, забывъ собственную опасность свою, занималась несчастною больною, она держала ее голову на колѣняхъ своихъ, напирала виски ея розовою водою, шерла охладѣвшія руки ея въ рукахъ своихъ и окропляла слезами жалости обезображенное лице ея. Незнакомые приближались и — Лорензо скоро былъ въ состояніи рассыпашъ страхъ инокинь. Имя его, произнесенное многими особами, между крикомъ которыхъ узналъ онъ голосъ и Герцога, удостоверило его, что онъ причиною его поисковъ; онъ объявилъ монахинямъ о сей новости и наполнилъ ихъ радостію. Вскорѣ Герцогъ и Донъ Рамирецъ появились въ сопровожденіи свиты, несущей возженные факелы — они искали Лоренза по всему подземелью, чтобъ сказать ему, что чернь рассыпана и бунтъ укрощенъ совершенно. Лорензо съ своей стороны рассказалъ имъ въ короткихъ словахъ пещерное приключеніе, далъ имъ почувствовать, сколь много незнакомка имѣетъ нужды въ врачебной помощи; просилъ Герцога взять объ ней

попеченіе, такъ какъ и о монахиняхъ и пансіонеркахъ.

„Что касается до меня, сказалъ онъ, то другія должности меня опзываютъ. Между тѣмъ, какъ съ нѣкоторою частію полицейскихъ вы проводите сихъ госпожъ въ безопасныя убѣжища, я хочу, чтобъ осталась послѣдняя часть служителей со мною; я пересмотрю съ ними самыя нижнія пещеры, проникну въ опдаленнѣйшія мѣста кладбища сего, и не буду до тѣхъ поръ спокоенъ, пока не увѣрюсь, что сія несчастная жертва была одна, которую суевѣріе погребло въ сихъ пропастяхъ.„

Герцогъ согласился на его предложеніе. Донъ Рамирецъ предложилъ ему свои услуги въ семъ изысканіи; — съ признательностію принялъ ихъ Лорензо, и препоручилъ монахинь дядѣ своему, которой вывелъ изъ пещеръ. Виргинія просила препоручить ея стараніямъ незнакомку и обѣщалась по оправленіи ея дать знать Лорензу объ успѣхахъ своихъ. Сіе предложеніе было не безъ выгодъ. Къ желанію обязать больную, увѣдомишь

ее о избавителѣ ея, присовокуплялось можетъ бытъ и желаніе доставить себѣ случай паки съ нимъ видѣться. Лорензо былъ хорошъ, дороденъ и съ хорошимъ воспитаніемъ. Виргиніи хотѣлось поддерживать знакомство свое и ласкалась вшайнѣ привлечь его къ себѣ вниманіе. Будучи прекрасна и сострадательна, она возбудила его удивленіе — она пронулабѣ сердце его, естлибѣ только воспоминаніе объ Антоніи не подавляло въ немъ всѣ прочія чувствованія.

Герцогъ, уведши монахиню, проводилъ каждую къ родственникамъ. Освобожденная плѣнница не освобождалась отъ обморока — одни споны, иногда ею произносимые, увѣряли въ ея жизни. Ее понесли на носилкахъ. Все успрашало, что она будучи истощена голодомъ, поражена скорымъ переходомъ отъ цѣпей къ вольности, и отъ мрака къ свѣту, не перенесетъ столь разительнаго движенія.

Лорензо и Донъ Рамирецъ остались въ пещерахъ. По избраніи дороги, они согласились, чтобъ не теряя времени полицейскіе раздѣлились на два отряда. Одинъ съ

Дономъ Рамирецемъ долженъ пересматривать нижнія пещеры, между тѣмъ какъ другой подъ предводительствомъ Лоренза будетъ пробѣгать по остатку подземелья. Раздѣленіе сдѣлано и люди Дона Рамиреца, зажегши свои факелы, сошли съ нимъ въ ямы. Едва шокмо офицеръ сей сошелъ нѣсколько ступеней, какъ услышалъ шумъ бѣгущихъ людей во внутренности отдаленныхъ галлей. Удивившись сему шуму, выходитъ обратно: „Слышите ли вы шелестъ, сказалъ ему Лорензо! пойдѣмъ на эту сторону — кажется мнѣ, онъ отсель происходитъ.,,

Въ сію минушу, пронзительной крикъ удвоилъ шаги его.

„Карауль! карауль! Христа ради! голосъ, коего пріятные тоны проникли въ душу Лоренза.

Съ быстротою молніи бросился онъ къ тому мѣсту, откуда происходилъ крикъ сей. Донъ Рамирець послѣдовалъ ему съ такою же скоростію.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Dieu tout-puissant! combien est foible cet homme créé à ton image; comme il se trahit lui-même. Glorieux, et confiant dans notre propre force, oubliant trop l'ennemi qui nous surveille, nous errons gaîment sur les bords fleuris de l'abîme, croyant à notre gré pouvoir revenir sur nos pas; mais le vent terrible des passions s'élève. La tempeste nous dérobe la vue des cieux. Rapidement entraînés dans le vaste océan, nous déplorons trop tard notre confiance étourdie; les vagues irritées mugissent autour de nous; la terre s'éloigne et l'onde nous engloutit.,

Prior (*)

Между шѣмъ Гиларій совсѣмъ не зналъ ужасныхъ приключеній, вокругъ него

(*) Боже Всемогущій! сколь слабъ человекъ созданный по образу Твоему; сколь онъ не надеженъ въ самомъ себѣ! Исполняясь тщеславія и полагаясь на собственныя силы свои, забывъ врага надъ нами бодр-

произходившихъ. Антонія занимала всѣ его мысли. Успѣхъ его предпріятій восхищалъ его. Антонія выпила опиумъ; ее погребли въ Сен-Клерскихъ пещерахъ — она была во власти его. Машильда, зная дѣйствіе и напуру жидкости усыпительной, увѣдомила его, что она непрежде часа упра окончитъ свое дѣйствіе; монахъ ожидалъ сей минушы съ неперпѣливостію. Празднество Сен - Клерское представляло ему благопріятной случай для исполненія преступленія. Зная, что монахи и инокини занимались

спвующаго, мы блуждаемъ безъ опасенія по краямъ бездны, цвѣтами усыпаннымъ, надѣясь избѣгнуть паденія; но вдругъ ужасный вихрь спраспей поднимается, буря скрываетъ видъ небесъ отъ зрѣнія нашего, и влечетъ съ быспрошою въ неизмѣримый Океанъ. — Тогда-то начинаемъ раскаяваться, но уже поздно, въ своей безразсудной увѣришельности: раздраженные волны ревутъ вокругъ насъ, земля удаляется и бездна водъ насъ поглощаетъ.,,

Пріоръ.

церемонією, не опасался онъ помѣхи; почему онъ и отказался отъ процессіи. Онъ не сомнѣвался, чтобъ Антонія, не имѣя никакой помощи, бывъ отдаленною отъ всего свѣта, совершенно во власти его, не согласилась на его желанія. Привязанность ея къ нему утверждала его въ семъ намѣреніи; но онъ рѣшился въ случаѣ ея сопротивленія не слушать ни какихъ ея представлений. Не страшась открытія, онъ не боялся употребить къ тому и силу, а естлибъ по нѣкоторомъ сопротивленіи онъ и оставилъ ее, то сіе не происходило бы ни отъ правилъ чести, ни отъ деликатности, но единственно отъ того, что онъ любилъ ее совершенно и — что благосклонностями ея онъ хотѣлъ бытъ обязанъ токмо ей самой.

Въ полночь монахи оставили Доминиканской монастырь, Машильда была между музыкантами, и Гиларій, оставшись одинъ, увидѣлъ себя на свободѣ послѣдовать своему намѣренію. Зная, что ни одного человѣка не осталось, могущаго присматривать за нимъ, или

попревожитъ его удовольствіе: онъ бросился къ восточной сторонѣ сада. Сердце его, движимое надеждою и нѣкоторымъ еще страхомъ, билось въ груди его; перешолъ садъ, отворилъ двери, препровождающія на мѣсто погребенія, и въ нѣсколько минутъ очутился прошиву пещеръ. Здѣсь остановился онъ, осматривался во всѣ стороны, чувствуя, что при семъ дѣйствіи, которымъ онъ занимался, не снесетъ никакихъ взоровъ. Здѣсь размышляетъ онъ, прислушивается и — слышитъ одинъ токмо унылый крикъ nocturnыхъ птицъ. Въпрѣдъ, дуя отъ сосѣдняго монастыря доносилъ до ушей его слабые тоны пѣсней монахинь. Отворивъ съ осторожностію двери, такъ какъ бы спрашился бытъ услышаннымъ, входитъ и запираетъ ее за собою. Вспомоществуемый лампадою, онъ пробѣгалъ долгіе переходы, которые Матильда описывала ему, дошелъ до той пещеры, гдѣ погребена его любовница.

Ему не трудно было сыскать входъ. Сего препятствія для Гирарія было ма-

ло — онъ еще во время погребенія Антоніи замѣтилъ мѣста сіи. Нашедши дверь, отворилъ оную и вошелъ въ пещеру, заключающую Антонію. Впрочемъ онъ имѣлъ съ собою и желѣзной ломъ и шопоръ — но сихъ приборовъ для него было не нужно. Рѣшетка была заперта съ нераденіемъ — онъ поднялъ ее и постановилъ лампаду на край, наклонился, не говоря ни слова, во внутренность гроба. — Здѣсь усыпленная красавица почивала между другими шрема гробами. Живой румянецъ, предвѣстникъ жизни, гошовой воскреснупь, уже разливался на щекахъ ея. Имѣя одну шокмо голову освобожденною отъ савана, казалось, она улыбалась окружающимъ ее погребательнымъ предмѣтамъ. Осмапривая сіи изсохшія кости, сіи обезображенные черепы, копорые нѣкогда, можешъ бышь, спольже прекрасны, какъ и Антонія были, Гиларій вообразилъ Эльвиру, копорую онъ привелъ въ такое же положеніе.

„Для тебя, роковая красавица! говорилъ недостойный монахъ, взирая на до-

бычу свою — изъ одной любви къ тебѣ я пустился на убійство сіе — предалъ себя вѣчнымъ мученіямъ. Наконецъ, ты теперь во власти моей! по крайней мѣрѣ я наслажусь плодомъ своего преступленія! не думай, чтобъ тонъ столь пріятнаго утешающаго твоего голоса, чтобъ прекрасные глаза твои, орошенные слезами, чтобъ руки твои ко мнѣ простершыя — такъ какъ бы умоляли они Божеское милосердіе — не думай, чтобъ твоя невинность, красота — всѣ мученія горести, могли испоргнуть тебя изъ рукъ моихъ. Должно, чтобъ ты до зари еще мнѣ принадлежала — ты до зари моя будешь.,,

Онъ поднялъ ее — еще въ безчувственности находящуюся, посадилъ на каменную скамью и, держа въ рукахъ своихъ, съ неперпѣливостію ожидалъ показательныхъ знаковъ возбужденія чувствъ ея; онъ едва могъ удержаться, чтобъ ожидать возвращенія оныхъ, бывъ отъ природы сладострастенъ. Страсти его получали двойной жаръ отъ встрѣчающихся препятствій, а болѣе по тому,

что Машильда, переспавъ бытъ его любовницею, изгнала его изъ своихъ объятій.

„Гиларій, сказала она ему, когда онъ въ жару сладостраспія наступилъ на нее болѣе съ силою, нежели съ нѣжностію — Гиларій, не забудь! я не публичная дѣвка! Лишившись любви твоей, я перестаяю бытъ твоей любовницею. Впредь никогда не обнаруживай предо мною своего сладостраспія, которое меня оскорбляетъ. Когда я владѣла сердцемъ твоимъ, тогда я за честь себя поставляла бытъ твоею любовницею. Прошли дни славы и щаспія моего — ты сдѣлался ко мнѣ хладнокровенъ и я — теперь смотрю на тебя не такъ какъ на любовника, но какъ не проспаго челоуѣка, меня въ любовь склоняющаго. Я спыжусь возбуждать чувствованія сего рода и — скорѣе умру, чѣмъ соглашусь удовлетворить онымъ. „

Такимъ образомъ лишившись наслажденія, изъ котораго привычка сдѣлала для него необходимость, прелести сладостраспія болѣе и болѣе въ немъ усиливались, по чему и любовь его

къ Антоніи была не что иное, какъ скопское любострастіе. Будучи молодъ, силенъ, подспрекаемъ къ наслажденію, онъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ неистовства. Мрачность мѣста, глубокое молчаніе ночи, самое пропивоборство, къ которому онъ приготавливался возбуждали, усиливали шокмо необузданный жаръ его.

Онъ чувствовалъ посшепенно умножающійся жаръ въ груди Антоніи, которую онъ держалъ на груди своей. Сердце ея зачало биться — кровь возобновила кругообращеніе; губы ея сдѣлали нѣкоторое движеніе; наконецъ она открыла глаза. Но будучи еще подъ дѣйствіемъ опіума, она закрыла ихъ съ скоростью. Гиларій примѣчалъ сіе съ рачительностію: ни что не могло укрыться отъ взоровъ его., Видя, что она совершенно воодушевилась, прижалъ ее съ восхищеніемъ къ сладострастной груди своей — соединилъ губы свои съ губами ея. Довольно было живости его обьяшій, его поцѣлуевъ для разсѣянія паровъ, зашемняющихъ разсудокъ Аншо-

ніи. Съ шумомъ вспала она и съ удивленіемъ взирала на спранные предметы, представляющіеся глазамъ ея. Мысли ея были смѣшаны. Она положила руку на свою голову, какъ бы увѣришься, не заблуждается ли она — наконецъ опняла ее и — озиравась снова во всѣ стороны. Глаза ея упали на настоящея.

„Гдѣ я? вдругъ сказала она. Какъ я зашла сюда! гдѣ мать моя? Кажется мнѣ, что я ее видѣла! Какой страшный сонъ, сонъ ужасный мнѣ видѣлся! . . . но гдѣ я въ самомъ дѣлѣ? пойдѣмъ, не должно здѣсь оставаться.,,

Она покусилась вспашь; но монахъ удержалъ ее.

„Успокойся! любезная Антонія; ни малая опасность не угрожаетъ вамъ. Положись на мое покровительство. Что такъ вы быстро на меня смотрите? Не уже ли вы меня не узнаете? Не уже ли не узнаете друга своего Гиларія.,,

„Своего друга, Гиларія? Ахъ! такъ, такъ я помню . . . но для чего я здѣсь? Кто меня привелъ сюда? Для чего вы

со мною? Ахъ! Флора просила меня остерегаться — я здѣсь вижу одни гюкмо гробы — это мѣсто меня ужасаетъ. Добрый Гиларій! выведите меня отсюда; здѣсь все напоминаетъ мнѣ ужасный сонъ мой. Какъ? Не ужели вы не хотите меня вывести отсюда? Ахъ! не смотрите на меня такимъ образомъ! Пламенные глаза ваши меня устрашаютъ; избавьте меня, батюшка! ахъ! для Бога избавьте!,,

„Къ чему спрахи сіи, Антонія? возразилъ Настоятель, сжимая ее въ своихъ объятіяхъ и покрылъ ее поцѣлуями, коихъ щедно она убѣгать спаралась. Чего тебѣ бояться меня — меня которой тебя обожаетъ? Какая нужда въ мѣстѣ, въ которомъ ты находишься. Гробы сіи — суть для меня храмъ любви. Сія мрачность есть — тѣнь таинства, вокругъ насъ простирающагося. Согласись на мое мнѣніе, Антонія! раздѣли со мною чувствованіе, меня одушевляющее. Такъ! милая и любезная дѣвица! пусть огонь, меня пожирающій прошекаетъ въ жилахъ твоихъ, и пусть

восхищенія швои удвоятъ мои восхищенія!,,

— Говоря такимъ образомъ, онъ возобновилъ свои объятія. Двусмысленныя вольности монаха наконецъ сняли покрывало невѣдѣнія съ Антоніи. Чувствуя опасность, она испоргнулась изъ рукъ его, и поелику одинъ саванъ только могъ защищать ее, то она окутала себя складками его.

Оставь меня, бапюшка! сказала она, умягчая отъ страха и опасности израженіе оскорбленной стыдливости. Для чего вы привели меня въ сіе мѣсто, коего одинъ видъ наполняетъ меня ужасомъ; изведите меня отсель — естли естъ въ васъ какое нибудь чувствованіе жалости и человѣчества; проводите меня въ домъ, откуда я не знаю какимъ образомъ вышла. Я не могу, и не должна оставаться здѣсь долгое время.

Монахъ, смѣшавшись нѣсколько отъ тона словъ ея, былъ болѣе однакожь удивленъ, нежели распроганъ. Взявъ ее за руку, онъ принудилъ ее сѣсть на колѣни къ себѣ и — устремивъ на нее жадные взоры свои, опвѣчалъ ей:

„Успокойся, Антонія. Вся твоя упорность бесполезна. Я не хочу болѣе скрывать отъ тебя страсти своей. Знай! ты теперь считаешься мертвою. Ты навсегда лишена общества и — будешь жить для меня токмо — ты теперь совершенно во власти моей. Страсть моя велика, желанія мои пламенны и — я рѣшился, хотя съ поперею жизни своей, удовлетворить онымъ; но симъ щастіемъ, за которымъ я гонюсь, хочу только тебѣ быть обязаннымъ. Милая дѣвица, обожаемая Антонія! я хочу дать первые правила въ любовныхъ удовольствіяхъ и — принять оныя отъ тебя. Ребяческія усилія! присовокупилъ онъ, видя, что она пропившись ласкамъ его, и силится отъ него вырваться. Ничто не поможетъ тебѣ, ни небо, ни земля не можетъ тебя испоргнуть изъ моихъ объятий. Не опракайся отъ столь пріятныхъ удовольствій. Никто не можетъ видѣть насъ. Весь свѣтъ не узнаетъ о любви нашей. Часы, обстоятельства намъ благопріятствуютъ, все побуждаетъ уступить любовнику, тебя

обожающему. Не сопротивляйся болѣе, соедини руки свои съ руками его, приближь губы свои къ устамъ его? Къ чему эти умилоспивляющіе взоры? Посовѣшуйтесь съ прелестями своими — онѣ скажутъ вамъ, что я долженъ быть глухъ ко всѣмъ прозьбамъ. Могу ли я взирать безъ возмущенія на сію споль мягкую кожицу, на пухлую грудь эту, на розовыя губы сіи? Могу ли я уступить сіи сокровища другому. Нѣтъ, Антонія! никогда! клянусь поцѣлуемъ симъ, божусь и симъ. . . . .,

Спрасъ монаха спановилась болѣе и болѣе пламенною, а страхъ Антоніи болѣе дѣйствительнымъ. Тщешно силалась она вырваться изъ рукъ его. Вольности Настоятеля умножались и — она принуждена была взывать о помощи. Видъ подземелья, блѣдной свѣтъ лампы, мрачность, гробы и печальные остатки человѣчества — все возбуждало въ ней чувствованія, пропивныя монашескимъ. Вольныя ласки, имъ распочаемыя, возбуждали въ ней одинъ ужасъ. Напрошивъ же того страхъ ея, ея упор-

ность и усилія воспламеняли шокмо сладострастіе Гиларія и предавали болѣе жару тайной его похоти; она продолжала кричать, хотя никто не слышалъ криковъ ея; продолжала, хотя безплодно, вырываться изъ его объятій, пока наконецъ истощились силы ея; она упала на колѣни и снова прибѣгала къ молитвамъ и слезамъ; но и сіе не болѣе имѣло успѣха. Возпользовавшись ея положеніемъ и слабостію, онъ схватилъ претепущую Антонію, и безъ жалости, безъ всякой бережливости, не взирая на ея крики, до тѣхъ поръ не оставилъ добычи своей, пока мѣра преступленій его не исполнилась-- пока необезчестилъ Антонію.

Наконецъ свершилось его желаніе и онъ ужаснулся самого себя, ужаснулся способовъ, имъ къ тому употребленныхъ; жестокость сладострастія удовлетвореннаго превратилась въ жестокое отвращеніе; онъ чувствовалъ въ сердцѣ своемъ, сколь подло, сколь жестоко дѣйствіе, имъ произведенное. Скоро удалился онъ отъ Антоніи. Та, которая за минушу передъ симъ была предмѣшомъ

его обожанія, сдѣлалась предметомъ его отвращенія. Онъ отворопилъ глаза свои отъ нея, а естѣли они иногда и останавливались на ней, то кромѣ презрѣнія и ненависти ничего не видно было въ оныхъ. Долго безъ чувствъ лежала несчастная, и пришла въ оныя для того токмо, чтобъ видѣть всю великость своего бѣдствія. Здѣсь на землѣ лежала она въ молчаніи и отчаяніи, тихо текли слезы, вздохи излетали изъ груди ея. Удрученная горестію пребывала она нѣсколько времени въ семъ обомлѣніи. Наконецъ поднявшись съ трудомъ и направивъ препенущіе шаги свои къ дверямъ, приготовилась выдти изъ темницы своей.

Прислонившись къ гробу, Гиларій смотрѣлъ, ничего не видя, на отвратительные оспапки въ ономъ погребенные. Движеніе Антоніи возбудило его вдругъ отъ мрачной сей безчувственности. Бросившись за нею, онъ схватилъ ее за руку и вполкнулъ паки въ темницу.

Антонія препенала отъ неистовства, разлишаго въ чертахъ его.

„Чего еще вамъ хочется, сказала она съ робостію? Чего не достаетъ къ моему несчастію? не навсегда ли я обезчещена? не насыщена ли жестокость швоя и оспается ли мнѣ ожидать большаго несчастія? Оспавъ меня, позволь мнѣ удалиться въ мое уединеніе и позволь на свободѣ оплакивать стыдъ свой и бѣдность свою.,,

„Возвращишься домой? возразилъ монахъ съ горькою и презрительною улыбкою и вдругъ перемѣня тонъ, съ бѣшенствомъ продолжалъ онъ — безъ сомнѣнія для того, чтобы открыть меня свѣшу, объявить ханжею, похитителемъ, бездѣльникомъ, жестокимъ чудовищемъ своевольства и неблагодарности. Нѣтъ! нѣтъ! я слишкомъ много самъ знаю свои преступленія, я знаю, сколь справедливы будутъ жалобы швои и сколь поступокъ мой ненавистенъ. Ты не выдешь опселя, чтобы сказать Мадришу, что я нечестивецъ, что совѣсть моя обременена преступленіями, которыя препятствуютъ мнѣ надѣяться на милосердіе Божіе. Ты останешься

здѣсь со мною, несчастная дѣвушка !
здѣсь, среди сихъ уединенныхъ гробовъ,
среди сихъ ужасныхъ видовъ ;
между сими страшными остатками
человѣчества. Ты здѣсь останешься,
чтобъ быть свидѣтельницею моихъ мученій,
чтобъ видѣть, какъ живутъ недовольные
сами собою, и умираютъ въ отчаяніи
среди блядословія и проклятія. Да и на
кого я въ томъ долженъ жаловаться? Кто
вовлекъ меня въ сіи пресупленія, о ко-
порыхъ одно воспоминаніе приводитъ ме-
ня въ шрепешъ. Роковая обаятельница! не
твоя ли красота, не ты ли ввергнула меня
въ бездну безславія? Не ты ли учинила
меня вѣроломнымъ лицемѣромъ и убій-
цею? Даже въ сію минушу сей небесной
взглядъ, сіе умилоспивляющее положеніе
не отнимаютъ ли у меня всю надежду про-
щенія предъ трономъ Божескимъ; когда
я явлюсь предъ Судію неумолимаго,
когда явлюсь предъ страшное Его ве-
льчество, то не погубитъ ли меня
взоръ сей? Ты будешь тамъ обвинять
меня — скажешь праведному Судіѣ, что
ты была щаслива, пока я тебя не уви-

дѣлѣ; что ты была непорочна безъ всякаго пятна, пока я не лишилъ тебя невинности. Ты явишься тамо съ сими въ глазахъ слезами, съ сими орошенными и блѣдными ланитами, съ сими руками, съ шрепетомъ поднятими — такъ какъ ты умоляла мое состраданіе, котораго не имѣлъ я — о! гибель моя тогда неизбежна. Тогда еще предстанешъ привидѣніе твоей матери — она сама — самъ фантомъ сей схватитъ меня, свергнетъ въ бездну вѣчную и предастъ навсегда пламени и фуріямъ. И — это вы, которыя будете обвинять меня! и это вы, которыя будете причиною моего вѣчнаго проклятія. Это вы, несчастныя, вы, вы! ! ! —,

Произнося сіи слова громовымъ голосомъ, онъ потрясалъ съ жестокостью руку Антоніи, и билъ въ землю съ бѣшенствомъ.

Несчастливая почла его за сумасшедшаго, упала съ шрепетомъ на колѣни, и едва могла образовать нѣсколько словъ.

„Помилуйте меня! помилуйте! сказала она слабо.“

„Молчи!“, вскричалъ монахъ ужаснымъ голосомъ, толкнувъ се ногою и повергнувъ на землю.

Здѣсь удалился онъ и — съ блуждающимъ видомъ бродилъ по пещерѣ. Взоры его были страшны. Антонія всегда принуждена была шептаться, когда они на ней останавливались; казалось, онъ разсуждалъ о ужасномъ предпріятіи и — несчастная потеряла надежду видѣти живою изъ гробовъ сихъ. Сіе подозрѣніе было несправедливо. Не взирая на ужасъ и отвращеніе, сердце его объемлющія, онъ еще питалъ нѣкоторое состраданіе къ жертвѣ своей. За удовлетвореніе страсти своей онъ отдавалъ бы все на свѣтѣ — чтобы только не быть виновнымъ въ такомъ преступномъ безславіи. Въ немъ не оставалось ни одной черты сихъ пылкихъ желаній, которыя принудили его къ преступленію — ничто въ свѣтѣ не принудило бы его возобновить свои нападенія. Одна мысль о томъ ему была несносна, и ему хотѣлось изгладить съ своей памяти происшедшую сцену. Мало по малу бѣшенство его укрощалось и состраданіе къ Анто-

ніи возраждалось въ немъ. Безгласно взиралъ онъ на нее мрачнымъ и дикимъ взоромъ. Ему хотѣлось произнести ей нѣсколько словъ утѣшительныхъ; но не было никакого источника, откуда бы онъ могъ почерпнуть оныя. Положеніе ея было столь плачевно, ея несчастіе столь было велико, что казалось, никакая сила человѣческая не могла помочь ей. Да и въ самомъ дѣлѣ, что онъ могъ сдѣлать для нея? Нѣтъ болѣе спокойствія для души ея, не лзя было вознаградишь чести ея. Похишивъ навсегда у общества, онъ не смѣлъ ввести ее паки въ оное. Онъ предвидѣлъ, что естли она покажется въ свѣтѣ, то объявитъ о своемъ несчастіи, и онъ будетъ несумнѣнно жертвою сего обвиненія: человѣку, обремененному толикими пресупленіями, смерть всегда представляется въ двойныхъ ужасахъ; а естли только онъ согласится выпустить ее и рисковать своимъ обнаруживаніемъ, то какая печальная перспектива представится предъ нею. Будучи принуждена отказаться отъ надежды выгоднаго мѣстооснованія,

въ горестяхъ она осуждена была проводить весь остатокъ жизни своей въ стыдѣ и уединеніи. Въ семъ ужасномъ выборѣ намѣреніе не менѣе печальное представилось настоятелю. Онъ вознамѣрился не увѣдомлять никого о ея пробужденіи и держать ее въ заключеніи въ семъ отвратительномъ мѣстѣ; онъ располагался посѣщать ее каждой вечеръ, взять на себя стараніе питать ее и мѣшать съ слезами ея слезы своего раскаянія. Онъ чувствовалъ, сколь сіе намѣреніе несправедливо и жестоко. Но это было одно токмо средство — возпрепятствовать Антоніи разгласить о своемъ безчестномъ поруганіи. Онъ слишкомъ жестоко обидѣлъ ее, чтобъ могъ надѣяться на ея молчаніе, чтобъ могъ ожидать отъ ней прощенія. Впрочемъ положеніе ея въ обществѣ возбудило вообще любопытство и жестокая горестъ ея не вытерпѣтъ, чтобъ не объявить прочимъ онаго. По чему онъ и остановился на томъ, чтобъ Антонія осталася въ заключеніи.

Приблизившись къ ней съ примѣш-

нымъ замѣшательствомъ онъ поднялъ ее. Рука его трепетала, припрогиваясь къ ней — онъ скоро отдернулъ ее, такъ какъ бы прикасался къ змѣѣ. Онъ чувствовалъ въ себѣ не что такое, что его отвлекало отъ нея. Тайное ужасоотвращеніе объяло его, когда онъ обратилъ на нее взоры свои. Уже совѣсть его чувствовала всю черноту преступленія, коего великости разумъ его не могъ еще измѣрить. Наконецъ прерывающимся голосомъ, стараясь какъ можно сдѣлать его пріятнѣе, отворотивъ глаза и говоря такъ низко, что едва можно было его услышать, онъ старался утѣшить ее въ такомъ несчастіи, которое впрочемъ было неиздѣлимо. Онъ изъяслялъ ей искреннѣйшее свое раскаяніе, клялся, что онъ желалъ бы загладить свое преступленіе — купить себѣ прощеніе за столькожъ капель крови своей, сколько его жестокость у ней вынудила. Въ мрачномъ молчаніи слушала его Антонія. Но когда объявилъ онъ, что она никогда не оставитъ пещеры сей, то сіе ужасное опредѣленіе, во сто кратъ худшее самой смерти, вывело

ее изъ нечувствительности. Провождать среди гробовъ бѣдственную жизнь — въ заключеніи, не имѣть никого свидѣтелемъ своего существованія, кромѣ своего разплителя! одна мысль подобной будущности показалась ей несносною. Ужасъ мысли сей — превозмогъ ужасоотвращеніе ея къ монаху. Припавши къ ногамъ его, въ живѣйшихъ, разительнѣйшихъ выраженіяхъ она умоляла его милосердіе — обѣщавшись ему, если только онъ возвратитъ ей свободу, скрыть отъ всего свѣта то, что она претерпѣла — выдумать различные предлоги своей смерти и наконецъ, чтобъ совершенно разсыпать его подозрѣніе, она клялась ему оставить Мадришъ немедленно. Прозьбы ея были столь прогашельны, что онъ произвели нѣкоторое дѣйствіе надъ монахомъ. Онъ размышлялъ, что, поелику она уже не вдыхаетъ въ него ни малѣйшаго желанія, нѣтъ никакой нужды держать ее въ заключеніи, какъ онъ прежде рѣшился; что удержавъ ее, онъ прибавитъ еще новое преступленіе къ своимъ злодѣяніямъ, и что послѣ всего

эшаго, естѣли она токмо сдержитъ свое обѣщаніе, ему ни малой не будетъ нужды — свободна ли она или заключена. Съ другой стороны онъ прешпалъ, чтобъ Антонія въ горести своей не измѣнила нечаянно слову своему, или, чтобъ природная прешпа ея не высказала секреша своего. Какія бы то ни были спрахи его, сосшраданіе и истинное желаніе вознаградишь погрѣшность свою столько, сколько было возможно, побуждали его согласишь на ея прошеніе. Трудность извѣсненія способовъ возврашившихъ жизнь Антоніи — была единственнѣмъ пунктомъ, на кошоромъ остановлялся. Онъ еще былъ въ нерѣшимости, какъ вдругъ слухъ его поражается шелестомъ съ скоросшію приближающаго человѣка. Дверь пощеры отворилась наспижъ и — Машильда вошла шуда. Ужасъ и удивленіе были видны на лицѣ ея.

Увидя вошедшаго человѣка, Антонія вскричала опъ радости; но надежда ея исчезла, когда мнимый сей бѣлецъ, не показавши никакого удивленія, нашедъ наспояшеля наединѣ съ женщиною въ шоль

странномъ мѣстѣ и столь поздно, сказалъ монаху въ первое мгновеніе прихода своего.

„Что дѣлать, Гиларій? мы погибли! естли шокмо не предупредимъ смятенія. Въ Сен-Клерскомъ монастырѣ пожаръ! раздраженная чернь умерщвляетъ Игуменью — угрожаютъ тѣмъ же и монастырю нашему. Успрашенные предпріятіемъ народнымъ монахи ищутъ васъ повсюду. Они почитаютъ, что вашъ кредитъ укрошитъ сіе возмущеніе. Никто не знаетъ, что съ вами дѣлается. Ваше отсутствіе удивляетъ и приводитъ въ опчаяніе монастырь весь. Я воспользовалась общимъ смѣшеніемъ и полетѣла сюда увѣдомишь васъ объ опасности. „

„Пойдемъ и укроемъ бунтъ сей, возразилъ Гиларій. Я сей часъ возвращусь въ келью. Не мудрено выдумать причину моего отсутствія. „

„Не возможно, сказала Машильда. Пещеры наполнены полицейскими. Лорензо Де Медина со множествомъ иквизиціонныхъ офицеровъ обыскиваетъ подземелье

и обходитъ всѣ галлерей. Вы будете остановлены на дорогѣ. Имъ захочется узнать, для чего вы здѣсь столь поздно — по томъ найдутъ Антонію и — побѣль швоя неизбѣжна.,,

„Лорензо де Медина! инквизиціонные офицеры! кто ихъ привелъ сюда? Не уже ли они меня ищутъ, не уже ли меня подозрѣвають? говори, Машильда, говори, прошу тебя, отвѣчай мнѣ.,,

„Они еще объ васъ и не думаютъ; но я опасаюсь, чтобъ вскорѣ и этого не случилось. Одно спасеніе намъ остается — надобно, чтобъ они не обыскали сей ямы. Дверь заперта хорошо. Можеть быть они и не увидятъ ее и — мы можемъ остаться до тѣхъ поръ здѣсь, пока поиски ихъ не окончатся.

„А естльм сыщики приближашся и услышатъ крикъ Антоніи?

„А вотъ средство отъ нея избавишься.,,

Въ сіе время, вынувъ кинжалъ, она приближилась къ несчастной дѣвушкѣ.

„Остановись! остановись! вскричалъ Гиларій, схватя ее заруку и вырвавъ изъ

рукъ ея кинжалъ, уже подъятый. Что ты хочешь дѣлать, жестокая женщина? Благодаря пагубнымъ своимъ совѣтамъ, несчастная уже слишкомъ много пострадала. Ахъ! еслилибъ я никогда не принималъ оныхъ! еслилибъ только никогда я не зналъ тебя!

Матильда бросила на него презрительной взоръ.

„Безумный! вскричала она, можешь ли ты опасаться опнять жизнь у той, которую лишилъ всего, что въ ней было любезнаго? Инъ добро! Пусть живетъ она, пусть она обличитъ тебя въ преступленіи. Я тебя оставляю своему жребію — отказываюсь опъ всякой связи съ тобою. Тотъ, кто трепещетъ столь малаго преступленія, недостойнъ моего покровительства. Прислушайся! прислушайся! - - - Гиларій! слышишь ли ты полицейскихъ? Вотъ! они идутъ! гибель твоя неизбежна!,,

Здѣсь монахъ услышалъ опголоски разговаривающихъ — онъ бросился къ дверямъ, опъ шайнства которой зависѣло его спасеніе, и которую Матильда

не затворила. Прежде нежели онъ дошелъ до оныхъ, Антонія попихоньку послѣдовала ему, бросилась въ отворенныя двери и скорѣе нежели стрѣла полетѣла на слышанный шумъ. Слушая со вниманіемъ Матильду, она замѣшила имя Лорензово. По чему рѣшившись на все отважиться, чтобъ только быть въ покровительствѣ у сего господина, и увѣрившись по шуму полицейскихъ, что они не въ столь дальнемъ разстояніи, она собрала всѣ силы свои къ побѣгу. Гиларій, вышедши изъ перваго своего удивленія, бросился догонять ее. Тщетно Антонія усугубляла скорость свою. При каждой минутѣ непріятель ея выигрывалъ болѣе пространства, ее съ нимъ раздѣляющаго, уже она слышала шаги его, головы слышались съ шагами ея, уже, чувствовала на шеѣ своей жаръ его дыханія, чувствовала и — онъ поймалъ ее. Схвативъ ее за распущенные волосы, онъ старался увлечь ее паки въ пещеру. Схватившись за одну колонну поддерживающую сводъ, она начала кричать; тщетно монахъ силился принудить ее къ молчанію.

„Караулъ! караулъ! продолжала кричать она, Христа ради помогите.,,

На сей крикъ шелестъ шаговъ, казалось, приближался. Настоятель, каждое мгновение мнилъ зрѣшь сыщиковъ. Антонія сопротивлялась и кричала безпрестанно; почему, чтобъ заставить молчать ее, онъ избралъ ужасное, адское средство. Кинжалъ Матильдинъ былъ еще въ рукахъ у него. Два раза погружалъ онъ его въ грудь Антоніи — несчастная упала — монахъ спарался ухватить ее; но она не выпускала изъ рукъ своихъ колонны. Въ сію минуту свѣшъ факеловъ приближившихся освѣтилъ стѣну, и Гиларій, спрѣшась открытія; принужденъ былъ оставить жертву свою и бросился къ Матильдѣ въ пещеру.

Донъ Рамирецъ прибылъ первой — нашелъ женщину на землѣ плавающую въ крови своей, и видя убѣгающаго человека, коего страхъ показывалъ въ немъ убійцу, бросился за бѣглецомъ съ нѣкоторою частью полицейскихъ, между тѣмъ какъ другая осталась съ Лорензомъ помогать раненой. Несчастная ле-

жала безъ чувствъ. Но вскорѣ жизненные знаки показались. Она открыла глаза — подняла голову — тогда густые, русые волосы ея открыли лице ея.

„Боже мой! вскричалъ Лорензо, это Антонія!„

Не смотря на то, что трясущаяся рука наносила ударъ — но кинжалъ далеко прошолъ. Раны были смертельны. Антонія чувствовала конецъ свой. Впрочемъ нѣсколько минутъ оставшейся жизни ея были щасливыми для нея минушами. Горесть, разлитая въ чертахъ Лорензовыхъ, израженія нѣжности, опчаянiя, жалобъ, распросовъ его — все увѣряло ее, что она любима. Она не хотѣла, чтобъ ее выносили изъ пещеръ, спрашась, чтобъ малѣйшее движенiе не причинило ей смерть, и ей досадно было бы потерять минушы, въ которые она могла бы изъяснить Лорензу любовь свою. Она сказала ему, что безъ несчастiя, случившагося съ нею, она сожалѣла бы о жизни своей и — что не взирая на свое бесчестiе, она радуется смерти своей. Ставъ недостойною имени и руки

Лоренза, ей не осталось жалѣть о чемъ либо въ свѣтѣ. Она просила его не печалиться и не предаваться бесполезной горести, объявила ему, что оставляя свѣтѣ, она обѣнемъ одномъ сожалѣетъ. Такимъ образомъ продолжала она до послѣдней минуы раздирать сердце Лорензово пріятнѣйшими признаніями. Наконецъ голосъ ея ослабѣлъ — сталъ перерываться, глаза ея покрылись мракомъ. Біеніе сердца остановлялось — все вѣщало, что близокъ конецъ ея.

Она лежала на землѣ, голова ее лежала на рукахъ Лорензовыхъ. Уста ея шептали еще нѣкоторыя слова утѣшительныя своему любовнику—какъ вдругъ слухъ ея поразила издыхающимъ звономъ монастырскихъ часовъ. Глаза ея воодушевились; небесный огонь блеснулъ во взорахъ ея. Казалось, возвратилась ей и жизнь и сила — она изшорглась изъ объятій Лорензовыхъ.

„Три часа! сказала она: маминька! я иду!„

Она сложила руки свои и — упала мертвою. Опчянный Лорензо бросился

возлѣ нея — онѣ рвалѣ на себѣ волосы, билѣ въ грудь себя и не хотѣлѣ оставишь трупѣ Антоніи. Наконецѣ истощечный отѣ горести и безпокойствія, онѣ перенесенѣ былѣ изѣ пещерѣ въ палаты Медины.

Гиларій успѣлѣ достигнуть темницы. Онѣ уже заперѣ двери, какѣ Донѣ Рамирецѣ прибылѣ къ нимѣ. Прошло довольно времени, пока отворили его убѣжище. Усилія полицейскихѣ возымѣли дѣйствіе — они выломали дверь и вошли въ яму къ великому ужасу Гиларія и его согрудницы. Замѣшательство монаха, стараніе его скрытсья, скорой его побѣгѣ, и замаранное въ крови плащѣ — показали въ немѣ убійцу Антоніи. Но сколь было велико удивленіе зрительей, когда они узнали въ немѣ почтеннаго Гиларія, святаго чловѣка — идола всего Мадриша. Они едва вѣрили глазамѣ своимѣ. Настоятель не изыскивалѣ причинѣ къ извиненію. Онѣ хранилѣ глубочайшее молчаніе. Взявѣ его, связали вмѣстѣ съ Машильдою. Свалившійся капишонѣ съ оной, лице ея и волосы — ошарыли полѣ

ея и новое возбудили удивленіе. Нашли и кинжалъ въ гробу, куда монахъ забросилъ его и — по подробномъ изысканіи во всемъ подземельѣ, препроводили сихъ преступниковъ въ темницу инквизиціи.

Донъ Рамирецъ взялъ предосторожность не открывать народу ни имени, ни преступленій арестантовъ — поелику онъ спрaшилcя сценъ происшедшихъ въ Сен-Клерскомъ Монастырѣ. Осмотрѣли только Доминиканской монастырь — въ которомъ не нашли ничего подозрительнаго. Вещи же найденныя въ кельяхъ Гиларія и Матильды представлены инквизиціи — къ большому ихъ изобличенію; и — послѣ весь Мадридъ успокоился.

Сен-Клерской монастырь совершенно былъ разоренъ чернью и пожаромъ. Разсѣяныя монахини вошли въ другіе монастыри, выключая малаго числа, которыхъ чернь въ бѣшенствѣ своемъ изможила такъ, какъ игуменью и чепырехъ ея подругъ.

Виргинія, спасенная Лорензомъ, не осталась неблагодарною къ своему изба-

випелю. Ставъ въ дому отца своего, первое стараніе ея было призватьъ врачей къ несчастной, взятой ею на свои руки. Сначала она весьма мало успѣла надъ пѣломъ, истощеннымъ толикими мученіями; но наконецъ здоровая пища, избранныя лѣкарства, нѣжныя старанія, щастіе, а особливо вольность и удовольствіе — соединясь вмѣстѣ, возбудили ея жизненность. Виргинія при первомъ взглядѣ почувствовала къ ней нѣжное участіе; но сколь чувствованіе сіе умножило жару и живости своей, когда по выздоровленіи узнала она въ ней сестру Лорензову.

Сія жертва тиранства монашескаго въ самой вещи была несчастная Агнесса. Виргинія довольно знала ее въ монастырѣ Сен-Клерскомъ; но перемѣнившаяся фигура ея, измѣненныя несчастіемъ черты ея, слухъ о смерти ея всѣми принятый, выросшіе ея волосы въ долгомъ уединеніи и упадавшіе въ безпорядкѣ на лице ея, препятствовали ей узнать въ ней любезнѣйшую свою пріятельницу. Будучи принуждаема Игуменью, тешкою своею

поспричься въ Сен-Клерскомъ монастырѣ, Виргинія соглашалась, хотѣла только слѣдовать совѣтамъ и примѣру Агнессы, копорая въ частыхъ изліяніяхъ дружества изъяснила ей въ живыхъ краскахъ невыгоды монашескаго сословія. Она заставила ее оспаться въ свѣтѣ, гдѣ красота ея, рожденіе и щастіе ея доставяшъ ей блистательную жизнь; часто при ней желала она, чтобъ братъ ея Лорензо былъ столь щастливъ, чтобъ возмогъ привлечь взоры ея и образовашъ, женившись на ней, цѣль, копорая бы ихъ гораздо болѣе одну съ другою соединяла, Виргинія не отвергла ея желанія, копорымъ Лорензо придавалъ нѣкопорую цѣну. Вскорѣ по томъ случаи отдавали предположеніе, копорое мало по малу обрашилось въ надежду. Теперь обстоятельство, сблизивъ Виргинію съ Агнессою и Лорензомъ, придали большую силу чувствованіямъ ея, копорыя уже и безъ того много лишали ее покою; но положеніе, въ копоромъ находился Лорензо, худо согласовалось съ подобнымъ намѣреніемъ. Нечаянная и ужасная смерть

его любовницы была для него страшным ударомъ. Предавшись всей своей горести онъ и не предполагалъ, чтобъ когда либо онъ могъ утѣшиться. Горесть его споль была велика, споль искрення, что Герцогъ спрашился поразить его, объявля ему объ томъ, чего онъ надѣялся отъ времени и прелестей Виргиніи.

Агнесса, по возвращеніи своемъ къ жизни, не замедлила спросить о Донъ Раймондѣ. Сколько она не опечалилась, услышавъ о печальномъ состояніи, въ которомъ онъ находился; но ласкаясь надеждою быть причиною тому, она радовалась, видя себя споль нѣжно любимую. Герцогъ взялся самъ увѣдомить больного о щастіи, ему случившемся. Съ какою предосторожносью ни увѣдомлялъ онъ его; но восхищенія Раймонда споль были велики, что они были бы для него весьма бѣдственны, еспьлибы Агнесса по выздоровленіи своемъ не посѣтила его съ матерью Виргиніи, и еспьлибъ спокойствіе души его не одержало верхъ надъ могущимъ случиться бѣдствіемъ. Сіе душевное спокойствіе сообщилось и

лѣлу, такъ что выздоровленіе его столь было быстро, что удивило окружающихъ его.

Лорензо, будучи менѣе щасливъ, находилъ утѣшеніе глубокой своей печали въ одномъ токмо сообществѣ съ Агнессою. Чувствуя, сколь она была ему необходима, она не оставляла его комнаты, слушала съ терпѣніемъ безпрестанныя его жалобы; ея состраданіе, ея привязанность уменьшали печаль его и услаждали его горести. Мало по малу онъ оправился — но совершенное выздоровленіе было медлительно и сумнительно. Въ одинъ вечеръ, видя его менѣе печальнымъ — Агнесса и любовникъ ея, Герцогъ, Виргинія и ея родители окружили постель его. Въ первой разъ еще попросилъ онъ сестру свою рассказать ему, какъ она избѣгла отъ яда, принятаго ею, по словамъ Сен-Урсуліи. Агнесса спрашивалась до сихъ поръ повѣстію своею прывести ему на память печальныя подробности смерти Антоніи. Теперь будучи побуждаема самимъ имъ и друзьями ея, уступила прозьбамъ ихъ и расска-

завши подробности, видѣнныя въ повѣст-
ствованіи Сен-Урсуліи, продолжала слѣ-
дующимъ образомъ:

Окончаніе

Исторіи Агнессы Медины.

Мнимая смерть моя была сопровож-
даема величайшими горестями. Сіи ми-
нушы, копорыя я почишала послѣдними,
были управляемы Игуменскими увѣре-
ніями, что я не могу избѣгнутьъ вѣчнаго
наказанія. Закрывъ глаза, я слышала из-
рыгаемая ею проклятія на мои погрѣш-
ности. Трудно мнѣ изобразить вамъ
ужасъ моего положенія — сказатьъ вамъ,
сколь было страшно сіе ложе смерти,
съ котораго вся надежда была изгнана —
сей сонъ, изъ котораго я должна была
выйти для того шокмо, чтобъ бысть
добычею пламени и фурій. Наконецъ,
когда я пришла въ чувство — вообра-
женію моему вдругъ представились сіи
ужасныя изображенія. Съ шрепешомъ я

смотрѣла вокругъ себя, спрaшaсь встрѣ-
пишь исполнителей правосудія Божеска-
го. Въ продолженіе перваго часа чув-
ства мои споль были смѣшаны, мозгъ
мой споль былъ распроенъ, что я тща-
тельно силилась привести въ порядокъ
идеи, представляющіяся моему воображе-
нію — вспала я — всѣ предмѣты пря-
слись передо мною. Я упала на землю.
Слабые глаза мои не могли перенести
лучей свѣта, сверкающаго въ нѣктопо-
ромъ отъ меня разстояніи и — я при-
нужденною нашлась закрыть ихъ и ос-
тапьясь неподвижною въ одномъ и томъ
же положеніи.

Пропекъ и еще часъ, прежде нежели
могла разсмотрѣть предмѣты, меня ок-
ружающіе. Какимъ ужасомъ наполнилась
душа моя, когда осмопрѣла ихъ! я лежа-
ла на нѣкоторомъ родѣ носилокъ; имѣю-
щихъ около шести ручекъ, которые безъ
сомнѣнія служили монахинямъ для опне-
сенія во гробъ меня — я была покрыта
полошномъ, на мнѣ лежало нѣсколько
увядшихъ цвѣтовъ. Съ одной стороны
возлѣ меня былъ маленькой деревянной

крестикъ, а съ другой лежали чепки съ большими зернами. Я была заключена между чепырьмя возвышенными спѣнами, весьма одна съ другою сближенными. Верхъ былъ покрытъ. Посреди была рѣшотка, посредствомъ которой втекалъ воздухъ въ сіе плачевное мѣсто. Слабый свѣтъ, проникающій сквозь перекладины, позволялъ мнѣ высмотрѣть ужасы, меня окружающіе. Гнилой запахъ задушалъ меня. Видя, что рѣшотка не заперта, я покусилась выдти изъ сего мрачнаго гроба, встала и — какое было мое удивленіе, страхъ мой, когда при помощи своей памяти я узнала, не взирая на мракъ, смертные останки одной изъ моихъ сотрудницъ, при погребеніи которой я сама была за нѣсколько недѣль передъ симъ, узнала и — упала безъ памяти на носилки свои.

Когда я пришла въ чувство, то сіе обстоятельство и собственное увѣреніе, что я была между мертвыми, умножило мое желаніе побѣга. Снова я приблизилась къ свѣту. Рѣшотка была мнѣ по силамъ. Я ее подняла безъ трудности.

Вѣроятно, что оставили ее незапертою для того, чтобъ мнѣ возможно было оставить темницу сію. При помощи нѣкоторыхъ камней, выдавшихся изъ стѣны я удобно могла выдти изъ заключенія. Скоро я увидѣла себя въ весьма глубокой ямѣ. Множество гробовъ, подобныхъ тому, который я оставила, стояло по бокамъ оной, и казалось давно въ землѣ зарыты были. Гробовая лампада висѣла подъ сводомъ на желѣзной цѣпи и бросала мрачной и дикой свѣтлѣ по всей пещерѣ. Въ различныхъ мѣстахъ на стѣнахъ видны были въ гопическихъ письменахъ надписи и другія эмблемы смерти. На каждомъ гробѣ стоялъ большій крестъ. Въ одномъ углу была статуя Сен-Клеры. Безъ всякаго вниманія смотрѣла я на всѣ сіи предметы. Дверь, единственный выходъ изъ пещеры, поразила взоры мои. Не нужно сказывать, что я бросилась къ ней, будучи одѣша въ саванъ, меня покрывающій, шщепно старалась я отворить двери — они были заперты, къ великому моему неудовольствію, снаружи.

Я предполагала тогда, что Игуменья обманувшись въ дѣйствіи жидкости, которую принудила она меня выпить, дала мнѣ вмѣсто яду сильное усыпительное. Почему я и заключила изъ того, что показавшись всѣмъ мертвою, я была погребена со всею церемоніею, и что, не могши никого увѣдомить о моемъ существованіи, я осуждена здѣсь умереть съ голоду. Сія мысль привела меня въ прелепѣ, наиболѣе потому, что я уже носила въ себѣ невинное швореніе. Снова покусилась отворить двери — но спаранія мои оспались бесполезны. Тщешно я взывала о помощи — не было отвѣта. Мрачное и глубокое молчаніе царствовало во всемъ подземельѣ и — я опчаялась въ своей вольности. Я давно уже не ѣла, — я начинала чувствовать голодъ, и мученія онаго становились для меня нестерпимы — голодъ и страхъ умножались съ минуты на минуту. Я то рвала волосы свои въ опчаяніи, то возвращалась къ дверямъ, спаралась отворить ихъ, и снова взывала о помощи — тщешно. Нѣсколько разъ рѣшалась я удариться

объ острые углы какого нибудь гроба, и пресѣчь свои бѣдствія—но невинной младенецъ удерживалъ меня. Иногда одни шокмо вздохи, слезы и жалобы — извѣяляли горесть мою, а иногда въ мрачномъ молчаніи съ опущенными руками сидѣла я не пѣдеспалъ спатуи Сен-Клеры. Такимъ образомъ прошекло множество часовъ, въ продолженіе которыхъ я умоляла, и ожидала смерть свою, какъ вдругъ увидѣла на ближнемъ гробу корзинку, которую прежде я совсѣмъ не примѣшила. Я осмопрѣла ее — въ ней было нѣсколь-ко чернаго хлѣба, и маленькая буылка съ водою. Хлѣбъ былъ чорвствѣ, вода гнила; но я бросилась на нихъ съ жад-носью, и когда первый голодъ мой ушо-лился, тогда я уже начала размышлять о сей новой особенносши. Для меня ли оставлена была корзинка сія? Но кто могъ опгадать, что я буду имѣть нуж-ду въ сей помощи. Естльлибы знали, что я еще жива, то для чего удержи-вать меня въ сихъ пещерахъ? а естльлибъ я была плѣнницею, то для чего сіи це-ремоніи, съ кошорыми я погребена была,

или еспѣли я осуждена умереть съ голоду, то кто сжаляся, и подалъ мнѣ помощь сію? Пріятельница не захотѣла бы держать въ тайнѣ ужаснаго моего наказанія, а чтобъ непріятельница услужила мнѣ, то мнѣ казалось весьма невѣроятнымъ; я надѣялась, что нѣкоторыя изъ монахинь, изъ благорасположенія ко мнѣ нашли средство увѣдомить фамилію мою о всемъ томъ, что мнѣ приключилось, и что можешь быть тогда помышляешь о моемъ избавленіи; но я обманулась, въ своей надеждѣ. Игуменья, съ факеломъ въ рукахъ, въ сопровожденіи четырехъ монахинь, свидѣтельницъ мнимой смерти моей, вошла въ пещеру.

Освѣщивъ лице мое, она смотрѣла на меня нѣсколько времени въ молчаніи, и не оказывала никакого удивленія, что нашла меня живою. Сѣвши на одномъ концѣ пѣдестала, она приказала мнѣ приближиться къ себѣ. Съ шрепетомъ встала я, и не имѣя силы поддержать себя, упала къ ногамъ ея, сложила руки свои и не могла произнести ни одного слова.

„Преступница или кающаяся грѣшница, сказала она, умоляетъ мое милосердіе? раскаяніе или страхъ наказанія одушевляетъ взоры твои? Я думаю, что сему причиною послѣднее движеніе.— Впрочемъ ободрись, душа моя, я не хочу твоей смерти, я желаю токмо твоего раскаянія. Жидкость, выпивая тобою не ядъ, но опій; намѣреніе мое было, обманувъ тебя, дать тебѣ почувствовать всѣ мученія своей совѣсти, естли смерть представится тебѣ прежде, нежели ты раскаешься въ своихъ преступленіяхъ. Чего мнѣ хотѣлось, то и сдѣлалось. Угрызенія совѣсти твоей были страшны; я познакомила тебя съ смертію, и смѣю ласкаться надеждою, что сіе минушное мученіе произведетъ для твоего спасенія щастливое дѣйствіе. У меня не было намѣренія погубить безсмертную душу твою. Нѣтъ, дочь моя! я хочу токмо продолжать очищать ее умерщвленіемъ плоти и воздержаніемъ. Выслушай опредѣленіе! не я изрекаю его; пустая ревность твоихъ пріятельницъ до сихъ поръ затрудняла исполненіе онаго. Теперь же ничто

не можешъ помочъ тебѣ. Фамилія твоя, такъ какъ и весь Мадридъ, увѣрены о твоей смерти. Сестры наши видѣли твое погребеніе и — существованіе твое есть непроницаемое таинство. Оставь всю надежду вступить въ свѣтъ когда либо — ты навѣкъ лишилась его и — употреби малой остатокъ дней твоихъ на приготовленіе къ другой жизни.

Сіе изреченіе наполнило меня ужасомъ. Я хотѣла говорить, но мнѣ приказано было молчать. Игуменья продолжала:

„Внизу сихъ пещеръ находятся темницы, изрытыя по повелѣнію монастыря основательницы для такихъ какъ ты несчастныхъ, которыя нарушили клятвы свои и честь свою. Входъ въ сія жилища — таинственъ. Ты низойдешь туда въ сію же минушу. Тебѣ будешь приносить каждой день количество пищи необходимо нужное для поддержанія твоего существованія. Пища сія будетъ самая простая и низкая. Плачь, сестра моя! плачь! окроплай слезами ложе свое. Богъ знаетъ, что ты имѣешь

причину плача своего. Съ сихъ поръ ты не будешь имѣть никакого утѣшенія — кромѣ религіи, никакого сообществá — кромѣ раскаянія. Вотъ опредѣленія Сен-Клеры. Покорись имъ безъ ропота, и слѣдуй мнѣ.

Какъ громомъ пораженная выслушивала я сіе варварское опредѣленіе. Силы мои меня оставили. Однѣ слезы отвѣчали за меня Игуменьѣ; но будучи нечувствительна къ моей горести, она встала и — Маріанна и Аликсъ, повинувшись ея знаку взяли меня подъ руки. Облокопившись на Віоланту въ сопровожденіи Камиллы, несущей факелъ; Игуменья послѣдовала за нами. Такимъ образомъ продолжалось шествіе въ глубочайшемъ молчаніи — одни шокмо вздохи и стоны мои прерывали оное. Когда мы приблизились къ главной сшапуѣ Сен-Клеры — фигура вдругъ, не знаю какимъ образомъ, поднялась съ своего пьедестала. Монахини подняли по помъ желѣзную рѣшотку, копорая отворясь произвела отвращительной скрипъ, повторившійся въ пещерѣ, копорой бездна была отверзта предъ

глазами моими. Проводницы мои низвели меня по узкой и скверной лѣспницѣ. При семъ видѣ, я наполнила воздухъ криками своими, умоляла ихъ милосердіе, призывала въ помощь свою небо и землю. — Все было пщешно, очи принудили меня войти въ одну подземельную келью сей пещеры.

Казалось, охладѣла кровь моя. Хладъ обѣялъ меня. Влажность стѣнъ, соломенная постеля, мнѣ назначенная, гремящая цѣпь и видъ различныхъ животныхъ, скрывающихся въ норы свои по мѣрѣ приближенія факела — всѣ сіи предмѣты наполняли душу мою ужасомъ. Вырвавшись изъ рукъ ихъ, я снова бросилась къ ногамъ ея.

„Хотя не для меня, сказала я съ испугленіемъ, хотя не для меня, сжалясь по крайней мѣрѣ надъ невиннымъ младенцемъ, котораго жизнь сопряжена съ моею. Преступленіе мое велико; но младенецъ мой, бѣдное дитя мое, должно ли умереть со мною? Онъ никакому преступленію не причастенъ. Должноль

страдать ему прежде своего рожденія?,,

Игуменья отступила назадъ и вырвала свое платье изъ рукъ моихъ, такъ какъ бы было оно заразительно.

„Какъ! вскричала она: чтобъ я жалилась надъ плодомъ своего безчестія? Можноль охранять существо, зачатое въ вѣроломствѣ и невоздержности? несчастная! не ожидай отъ меня милосердія ни себѣ, ни плоду своего безславія. — Проси лучше небо, чтобъ оно погубило его прежде своего рожденія; а если онъ и родится, то чтобъ въ то же мгновеніе закрылись глаза его навѣки. И такъ произведи на свѣтъ плодъ своего преступленія, иди къ нему и — по томъ зарой сама въ землю. Я буду просить Бога, чтобъ онъ освободилъ тебя скорѣе отъ сего зачатія.,,

При семъ звѣрскомъ безчеловѣчїи, бывъ поражена угрозами ея и ея жестокими желаніями въ разсужденіи сироты младенца моего, я упала безъ чувствъ къ ногамъ неумолимой моей невріательчицы. Я не знаю, сколь долго оставалась въ семъ

положеніи — но по пробужденіи своемъ я не видѣла уже ни Игуменьи, ни монахинь. Все было въ глубокомъ молчаніи — все было ужасно. Я лежала на соломенной постелѣ, окованная желѣзною тяжелою цѣпью, копорой кольцо было ушверждено въ стѣну; блѣдный свѣтъ лампы давалъ мнѣ видѣть весь ужасъ новаго моего жилища. Въ темницѣ моей дверей не было и — она отдѣлялась отъ пещеры одною стѣною въ сажень вышиною. Свинцовой крестъ споялъ предъ постелью моею. Возлѣ меня лежали бичъ, чешки и власяница; въ нѣкоторомъ разстояніи стояли кувшинъ съ водою и корзина съ чернымъ хлѣбомъ и бушылкою масла для лампы.

Послѣ столь блестящихъ надеждъ, я, внука Герцога Медины-Цели, я любовница, супруга Маркиза де Ласъ Систернаса, рожденная и воспитанная въ изобиліи, связанная съ знаменѣйшими фамиліями въ Гишпаніи — я столь богатая или по крайней мѣрѣ долженствующая быть богатою въ друзьяхъ и покровителяхъ — я должна была нахо-

дишься въ семъ положеніи, бытъ, потребенною въ сей пропасти, обремененною цѣпями! . . . Въ первую минушу все сіе показалось мнѣ сновидѣніемъ; но во вторую я почувствовала слишкомъ много существенность моего жребія.

Сполько золь должны были ускорить мою беременность. Въ самой вещи, спустя нѣсколько часовъ послѣ сего приключенія, я разрѣшилась отъ несчастнаго своего бремени. Одна, безъ всякой помощи, безъ друзей, безъ утѣшенія, я родила на свѣтъ живаго младенца. Но что я могла съ нимъ дѣлать? Не зная, какимъ образомъ поступить, чтобъ сохранить жизнь существу столь деликатному, столь нѣжному. Я шокмо окропляла его слезами своими, согрѣвала его у груди своей и приносила Богу за него молитвы. Не могу сказать, чтобъ сіе чувствованіе было безъ удовольствія — но я и того скоро лишена была. Дитя мое умерло. Недостатокъ въ пищѣ, нездоровой воздухъ, холодъ, бѣдность — скоро прекратили горестное существованіе хорошенькаго моего младенца. Онъ умеръ; но

я не разлучалась съ нимъ; я завернула его въ нѣкоторыя разодранные лоскутки одежды моей и, положивши его на грудь свою, маленькія руkenьки его вокругъ шеи моей, блѣдныя и хладныя щечки къ своимъ, я провожала такимъ образомъ дни и но́чи, покрывая его поцѣлуями, разговаривая съ нимъ, оплакивая и воздыхая объ немъ. Камилла приходила ко мнѣ съ пищею всегда разъ въ сутки. Хоть она была сложенія отъ природы крѣпкаго, однакожь не могла безъ сердечнаго движенія взирать на столь печальное зрѣлище. Она спрашилась, чтобъ жестокость моей горести не лишила меня разума и — сказать правду, я не всегда была въ полномъ умѣ. Она просила меня изъ состраданія, чтобъ я позволила ей погребсти моего младенца. Я отвергнула ея предложеніе и — хоть скоро онъ сдѣлался безобразною массою — отвращительнымъ комомъ, но только не для матери. Я преодолѣла отвращеніе — онъ былъ всегда у груди моей, сіе несчастное существо, которое былъ сынъ мой. Я осматривала его, и приводила

себѣ на память черты его. Сіе печальное занятіе, было единственнѣмъ моимъ удовольствіемъ — и я не распалась бы съ нимъ и по освобожденіи своемъ, еслибъ не настояли въ томъ вы, милыя мои пріятельницы. — Здѣсь Агнесса поцѣловала руку Маркизы и Виргиніи. — Я согласилась тогда, чтобъ были погребены въ святой землѣ смертные осипки.

Камилла приходила ко мнѣ каждый день, какъ я уже сказала, съ пищею. Она никогда не усугубляла мои мученія, хотя никакой надежды къ вольности мнѣ не подавала, по крайней мѣрѣ она ободряла меня переносить съ терпѣніемъ бѣдствія и искать утѣшенія въ Религіи. Положеніе мое ее трогало чрезмѣру — такъ что можно было это видѣть изъ лица ея; но она думала, что, уменьшивъ въ глазахъ моихъ преступленіе, можетъ быть лишитъ меня всѣхъ будущихъ благъ и — дѣйствія разкаянія. Часто видѣла, что, между тѣмъ какъ уста ея изображали мнѣ всю великость моего преступления, сердце ея было чувствитель-

но къ моимъ спраданіямъ, и я увѣрена, что ни одна изъ тѣхъ, которыя меня мучили (потому что иногда и другія приходили въ мое заключеніе), я увѣрена, говорю, что онѣ менѣе имѣли жестокости, чѣмъ предубѣжденія — спасти душу мою умерщвленіемъ плоти моей. Впрочемъ сіе предубѣжденіе было дѣйствіемъ наставленія Игуменьи, которой изъ нихъ всякая слѣпо повиновалась, не смотря на Христіанское милосердіе и безъ всякаго разсужденія. Чтосжъ касается до Игуменьи, то гнѣвъ ея не уменьшался съ той самой минушы, когда Доминиканской настоятель открылъ ей мое преступленіе и намѣреніе моего ухода. Одинъ разъ шокмо поспудилась она посѣпшить меня — чшобъ шолько новыми обременить меня упреками, чшобъ показать мнѣ, что она ни малѣйшей жалости не имѣетъ. Нечувствительная женщина! . . . Но я не хочу внимать своему негодованію. Она наказана за мои оскорбленія — ужасная и непредвидѣнная смерть покарала ее. Впрочемъ, какой бы ни былъ жребій ея — но спраданія ея не могутъ сра-

вняшья сь спраданіями моими. Она не была, какъ я, вѣ окаменѣніи опѣ пронзительнаго холоду — не вдыхала вѣ себя густаго и гнилаго воздуха, не чувствовала вѣ продолженіе сна своего на лицѣ или вѣ локонахѣ волосовѣ своихѣ холодную ящерицу; не чувствовала смертельнаго ужаса, видя ползущую кѣ груди отвращительную жабу и изрыгающую черный ядѣ. Вѣчная ей память! да опустятся ей грѣхи ея, какъ я прощаю ее.

Таково-то было мое положеніе, когда Камиллѣ приключилась гнилая горячка. Можетѣ быть, что Камилла, будучи спарѣе меня, не могла безѣ вреда дышать пещернымѣ воздухомѣ. Лежа на постелѣ, она никого не видала вокругѣ себя, кромѣ сестры Лаики, копорой приказано было смотрѣть за нею. Всѣ прочія боялись приступиться кѣ ней — какъ кѣ зараженной. Игуменья, повѣривѣ меня стараніямѣ Камиллы и впрочемѣ занимаюсь пріутопвленіями кѣ празднеству, совершенно обо мнѣ не думала. Вотѣ причина, по чему меня совершенно оставили; какъ послѣ уже мнѣ рассказала Сен-Урсу-

лія. Прошелъ день, прошелъ другой, наступилъ третій, Камиллы не было — я умираю отъ голоду. Я считала дни по сгорѣнію лампы моей, для которой масла оставалось у меня почти на недѣлю. Я предполагала, что монахини меня забыли, или что Игуменья приказала имъ оставить меня на смерть. Я нечто иное была, какъ скелетъ едва одушевленный, члены мои примѣтно ослабѣвали — я ожидала съ минуты на минуту Ангела смерти — какъ Ангелъ избавитель, братъ мой подоспѣлъ на помощь мою. Зрѣніе мое было столь слабо, что я сначала не узнала его; но когда я могла различать черты его, то чрезмѣрность радости моей, при видѣ столь милого сердцу моему брата, лишила вдругъ меня употребленія чувствъ.

Вы уже знаете сколь я обязана семьѣ Виллы Франки. Одной великопости моей признательности вы не знаете, которая безпредѣльна такъ, какъ и милость, которою она меня обязала. Лорензо, Раймондъ! имена столь драгоценныя сердцу моему, помогите мнѣ перенести сей ско-

рой переходъ отъ отчаянія къ щастію. Давноль-я была въ заключеніи, обременена оковами, умирающа съ голоду, терпяща всѣ вдругъ необходимости, лишена и почиая себя зыбышою отъ всего свѣта : теперь на волѣ — наслаждаюсь жизнию, среди удовольствій, производящихъ отъ изобилія и спокойствія, обруженная существами, мнѣ любезнѣйшими, въ надеждѣ скорого соединенія съ шѣмъ, кошорому давно уже предано сердце мое : я вкушаю столь совершенное, столь великое щастіе, что сомнѣваюсь, могу ли я перечеспи оно. Остається у меня одно шокмо желаніе, желаніе—видѣть брата своего въ совершенномъ здравіи и не предаваться съ такою силою гореспи обѣ Аншоніи. Вотъ одинъ предметъ моего желанія. Я ласкаюсь надеждою, что спраданія мои изгладили преступленія, мною содѣянныя. Я чувствую, что весьма озлобила своего Спасителя!

Раймондъ! — нѣжностъ моя погубила меня. Я слишкомъ много полагаглась на силы свои, и не менѣе надѣялась какъ на свою честь, такъ и — на твою. Я покля-

лась не видѣть себя болѣе. Безъ роковыхъ послѣдствій минулъ забвенія я устояла бы въ клятвѣ своей. Но судьба не попустила и — радуюсь ея предопредѣленію. Я слишкомъ была преступна, и оправдывая себя, я спыжусь своей безразсудности. Оставимъ это, Раймондъ! будемъ воспоминашь прошедшее для того токмо, чшобъ наслаждаться лучше настоящимъ; и да никогда поведеніе супруги твоей не напоминаетъ тебѣ заблужденій твоей любовницы.

Здѣсь кончила Агнесса. Въ нѣжныхъ выраженіяхъ Маркизъ отвѣщствовалъ ей, и—Лорензо восхищался, видя себя столь близко къ такому человѣку, коего онъ весьма высоко почиталъ. Папская булла разрѣшила Агнессу отъ клятвы. Бракъ заключенъ и—супруга по маломъ времени уѣхала въ замокъ Донъ Раймонда въ Андалузію. Лорензо сотоварищствовалъ имъ, такъ какъ Маркиза де Вилла Франка и милая Виргинія. Не нужно сказывать, что Теодоръ послѣдовалъ за господиномъ своимъ, что онъ былъ восхищенъ его щасіемъ. Предъ отъѣздомъ своимъ,

Маркизь вѣ вознагражденіе за неоставленіе Эльвиры — сдѣлалъ Леонеллъ хорошій подарокъ. Жасинтъ также была не забыта, и благословляла съ признапельностію пошѣ день, вѣ которой домъ ея ошѣ домовыхъ избавленъ.

Агнесса съ своей стороны не забыла своихъ монастырскихъ пріятельницъ. Достойная мать Сен-Урсулія, которой она одолжена была вольностію, сдѣлана по ея старанію настоятельницею кѣ *сестрамъ милосердія*, вѣ домъ богатый и почтенный во всей Испаніи. Берта и Корнелія, не хотя оставить свою пріятельницу, послѣдовали за нею вѣ сіе иночество. Что же касается до Монахинь, вспомошествовавшихъ Игуменъ гнать Агнессу, Камилла, удерживаемая болѣзнію вѣ постелѣ, погибла во время пожара вѣ Сен-Клерскомъ монастырѣ. Маріана, Аликсъ и Віоланта, такъ какъ и двѣ прочія погибли, бывъ жертвою неистовства народнаго. Изъ числа послѣднихъ при, поддерживающія мнѣніе Игуменьи, жестоко наказаны инквизиторами. Будучи заключены вѣ темницы вѣ нѣко-

шорыхъ отдаленныхъ провинціяхъ, онѣ провождали остатокъ жизни своей въ стыдѣ и презрѣніи отъ новыхъ подругъ ихъ.

Вѣрная Флора также не осталась безъ награжденія. Она пожелала возвратиться на свою родину; по чему и доставили ей случай возвратиться въ Кубу, гдѣ она и осталась обремененная благодареніями Раймонда и Лорензо.

Заплашивши долгъ признательности, Агнесса предпріяла заплашить оной и дружеству. Она вознамѣрилась доставить щастіе любовнику Антоніи. Живучи вмѣстѣ Виргинія и Лорензо были вмѣстѣ безпрестанно. Чѣмъ онъ болѣе обращался съ нею, тѣмъ болѣе открывалъ въ ней новыхъ достоинствъ. Она же съ своей стороны ничего не упускала, чтобъ понравиться ему и — не успѣла. Лорензо удивлялся красотѣ ея, хвалилъ ея способности, и восхищался ея характеромъ; онъ также былъ доволенъ и ея къ нему склонностію, которую она не скрывала отъ него. Впрочемъ чувствованіе, ею въ него вдыхаемое мало по малу, не

ожодствовало съ пламенною страстию, кою онъ горѣлъ къ Антоніи. Изображеніе сей милой и несчастной дѣвцы не выходило изъ его сердца. Она оставалась въ немъ, не взирая на всѣ старанія Виргиніи. Впрочемъ когда Герцогъ просилъ его согласиться на бракъ сей, Лорензо не отвергнулъ его предложенія. Старанія друзей, достоинства молодой особы наконецъ побѣдили его отговорки — отъ новыхъ связей ; онъ самъ попросилъ у Маркизы руки ея дочери и — былъ принятъ съ радостию и признашельностию. Виргинія, ставъ его супругою, никогда не подавала ему поводу къ раскаянію въ своемъ выборѣ. Горячность его къ ней умножалась болѣе и болѣе — такъ что наконецъ она насладилась плодомъ долговременныхъ своихъ усилій — стараній ему понравиться. Привязанность его къ ней сдѣлалась живѣе и нѣжнѣе. Образъ Антоніи пересталъ возмущать мысли Лорензовы, и — Виргинія наконецъ овладѣла шѣмъ сердцемъ, въ которомъ она была достойна царствовать.

Раймондъ и Агнесса, Виргинія и Лорензо наслаждались во всю жизнь свою тѣмъ щастіемъ, до котораго допускаетъ природа слабыхъ и смертныхъ существъ. Жесточайшія горести, ими испытанныя, заставляли ихъ считать обыкновенныя въ жизни печали за малозначущность. Они чувствовали всю жестокость своего жребія — приобыкли къ бурямъ и — смотрѣли на дневныя грозы такъ, какъ на малые вѣтры, которые въ лѣтнее время волнуютъ только поверхность морскую.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

C'étoit un malin et cruel esprit. L'enfer n'a point d'hôte plus dangereux. Nourri d'orgueil, de haine et de fureur, il est ennemi de bons comme de méchants.

Thomson. (*)

На другой день смерти Антоніи, Мадрипъ весь встревожился и удивился. Одинъ полицейской, будучи свидѣтелемъ приключенія въ гробахъ, разсказалъ подробности убійства, и — наименовалъ душегубца. Добрые смущились, набожницы не хотѣли вѣришь и — пришли сами въ монастырь увѣдомиться. Монахи, желая избѣгнутьъ несчастія надъ своимъ домомъ, сказывали любопытствующимъ,

---

(*) Это былъ злой, и жюпой духъ. Самой адъ не вмѣщаетъ въ себѣ опаснѣйшаго. Съ гордоспію, съ злобою, съ бѣшенствомъ, онъ нападаетъ какъ на добрыхъ, шакъ и на злыхъ.

Томсонъ.

что одна болѣзнь шокмо препятству-
ешъ Гиларію принять ихъ по обыкно-
венію. Сіе извиненіе, весьма часто по-
впоряемое, не возымѣло успѣха. Исто-
рія полицейскаго служителя сдѣлалась
вѣроятнѣйшею, жаркіе послѣдователи
настоятеля оставили его и — шѣ, кото-
рые все да съ восхищеніемъ, съ Энту-
зіазмомъ говорили объ немъ, шѣ вопер-
выхъ возсѣли на него.

Между шѣмъ, какъ въ Мадридѣ дѣ-
ланъ былъ жаркой вопросъ о его невин-
ности, Гиларій мучился угрызеніями сво-
ей совѣсти, страхи наказанія терзали
душу его. Когда онъ озиралъ то воз-
вышеніе, съ коего низпалъ, когда
вспоминалъ онъ, сколь былъ почтенъ,
и превознесенъ тогда, какъ былъ въ ми-
рѣ съ самимъ собою и съ міромъ; — онъ
едва могъ вѣрить, чтобъ былъ онъ шотъ
же самой человекъ, копорой теперь
спрашится обнаруживанія своихъ пре-
ступленій и — своей участи. За нѣ-
сколько недѣль передъ симъ онъ былъ
добродѣшелемъ, былъ совершенно непо-
роченъ, былъ любимъ самыми отличнѣй-

шими мужами Испаніи и обожаемъ народомъ. Теперь же завлеченный въ преступленія самая порочнѣйшія, самая отвратительнѣйшія, онъ зрѣлъ себя въ проклятіи у всего свѣта, арестантомъ инквизиціи и — безъ сумнѣнія осужденный на ужаснѣйшее мученіе. Нѣтъ никакой надежды умолить судей своихъ — доказательства вѣрныя. Часъ, мѣсто, въ которомъ его нашли, платье обогрѣнное кровію, кинжалъ, побѣгъ и ужасъ его — все показывало въ немъ убійцу Антоніи. Съ шепетомъ ожидалъ онъ дня своего наказанія: никакого источника не представлялось ему, изъ котораго онъ могъ бы почерпнуть себѣ утѣшенія. Религія не вдыхала въ него бодрости, если ли глаза его озирали на свои правила. Если онъ пробѣгалъ духовныя книги, ему оставленные — повсюду встрѣчалъ свое наказанія. Если онъ намѣревался молиться — то вдругъ, воспоминалъ что недостойнъ милосердія Божія. Преступленія его были слишкомъ отвратительны, чтобъ заслужить безконечную благость Всемогущаго. Для всякаго грѣ-

шника, кромѣ его, оставалась на оную надежда — у него оной не было. Смотри на прошедшее съ ужасомъ, мучась настоящимъ и пренебрегая будущаго, онъ препровождалъ такимъ образомъ малый остатокъ дней, предсѣдующихъ допросу его.

Сей день насталъ. Въ девять часовъ утра отворилась темничная дверь и — вошедшій шюремщикъ приказалъ ему идти за собою. Съ пренебрегомъ Монахъ повиновался ему; его препроводили въ залу, обитую чернымъ сукномъ. Предъ столомъ съ важнымъ и спрогимъ видомъ въ черномъ плащѣ сидѣли при челоуѣка. Одинъ изъ нихъ былъ главный Инквизиторъ, коего такая необычайность принудила быть при распросѣ. Въ нѣкоторомъ разстояніи за столомъ, нѣсколько низшимъ, сидѣлъ Секретарь со всѣмъ нужнымъ для записыванія. Гиларій получилъ повелѣніе приблизиться и спастъ прошиву стола. — Озрѣвшись вокругъ себя, онъ увидѣлъ множество желѣзныхъ кусковъ неизвѣстной ему фигуры и — страхъ заставилъ его починать ихъ за пыточные орудія. Онъ из-

мѣнился въ лицѣ и — шрепешъ объялъ члены его.

Глубокое молчаніе царствовало въ залѣ — одни токмо Инквизиторы прерывали его шопопомъ другъ другу. Прошло такимъ образомъ близъ часа — спрахъ Гиларія усугублялся съ минушы на минушу. Наконецъ дверцы, прошивоположенные шѣмъ, въ копорые вошелъ онъ, отворились тихо скрыпя на пешляхъ своихъ. — Офицеръ и — Машильда показали. Волосы ея упадали въ безпорядкѣ на лице ея, щеки блѣдны, взоры померкшіе и заплаканные. Машильда вошла и — бросила печальной и нѣжной взглядъ на Гиларія. Ненависть и упрекъ изображенные во взорахъ его — были опвѣтомъ настояшеля. Ей приказано было спать возлѣ него. Колоколъ ударилъ при часа. Минута настала для аудіенціи. Инквизиторы приступили къ дѣлу.

Въ сихъ процессахъ не распрашиваютъ ни о преступленіяхъ, ниже объ имени обвиняемаго, спрашиваютъ токмо, хошятъли признашься подсудимые. Ешъ-

ли они будутъ отвѣчать, что не знаютъ за собою никакого злодѣянiя, что имъ не въ чемъ признасться — то приступаютъ къ пынкѣ, и до тѣхъ поръ продолжаютъ оную, пока не признаются обвиняемые, или пока Инквизиторы не устанутъ смотрѣть на мученiя. Впрочемъ Инквизицiя никогда опредѣлительно не рѣшатъ жребiй обвиняемыхъ безъ признанiя оныхъ; вообще таковыхъ держатъ долгое время въ темницѣ, прежде нежели позовутъ ихъ къ допросу. Но судь надъ Гилъриемъ ускорялся по тому, что чрезъ нѣсколько дней надлежало бытъ общему *Отодафе*, куда хотѣли Инквизиторы помѣститъ и важнаго сего преступника. Настоятеля не токмо обвиняли въ расплѣнiи и убiйствѣ, но такъ какъ и Матильду въ волшебствѣ, которую почитали также участницею и въ убiйствѣ. Въ кельѣ ея нашли инструменты и подозрительныя книги, ее избличающiя. Къ обвиненiю же Монаха съскали у него зеркало, которое по случаю оставила въ его кельѣ Матильда. Донъ Рамирецъ, обыскивая покои его, уди-

вился, увидя смѣшныя фигуры начерченныя наверху онаго; почему онъ и взялъ его съ собою. Представили его великому Инквизитору, который, осмотрѣвъ его съ прилѣжноспію, поднесъ къ нему золотой крестикъ, висѣвшій у него на поясѣ. — Вдругъ въ то же мгновение раздался громовой ударъ и — зеркало разпалось на тысячныя кусочки. Сіе обстоятельство подтвердило, что монахъ занимался магіею, и что народною къ нему благосклонностью онъ также волшебству былъ обязанъ.

Рѣшившись допросить его не токмо въ преступленіяхъ, имъ учиненныхъ; но въ тѣхъ, которыхъ и не зналъ онъ, инквизиторы приступили къ дѣлу. Хоша пышка устрашала его сполькожъ, сколько и смерть, долженствующая предать его вѣчному мученію; однакожъ Настоятель утверждалъ невинность свою твердымъ и смѣлымъ голосомъ. Машильда слѣдовала его примѣру; но она трепещала и — голосъ ея перерывался. Тщетно увѣщевая Гиларіа признаться, инквизиторы приказали пытать его. Приказаніе испол-

нено вѣ одно мгновеніе. — Нещастный испыталъ мученія самыя жесточайшія, какія токмо можешъ изобреѣсти варварство чловѣческое, но впрочемъ смерть столь страшна для преступника, что онѣ имѣлъ силу — выдержашъ сію упорность. Удвоили его мученія — но не болѣе успѣли, и бѣднаго Гиларія тогда токмо оставили, когда чрезмѣрность страданія лишила его чувствѣ.

По томѣ приказано было пытать Машильду. Видя мученія, слыша крики монаха — она лишилась бодрости, бросилась на колѣни, и призналась вѣ связи своей съ адскою силою, такѣ какѣ и вѣ томѣ, что она присутствовала при убійствѣ Антоніи. Что касается до преступления волшебства, то объявила, что она вѣ томѣ виновна, и что Гиларій вѣ разсужденіи сего совершенно безвиновенѣ. Сему послѣднему утвержденію не повѣрили. Настоятель опамятовался и — слышалъ признаніе сообщницы своей. Онѣ былѣ слишкомѣ слабѣ, чтобѣ вынести другія мученія; по чему и опвели его вѣ заключеніе, сказавѣ ему, что

какъ скоро онъ оправится, то будетъ опять въ допросъ. Инквизишоры надѣялись, что тогда онъ совершенно имъ признается. Машильдъжъ было объявлено, что она будетъ сожжена въ слѣдующій *отодафе*. Ни слезы, ни прозбы ея, не могли переменить рѣшенія. Ее увлекли изъ залы.

Гиларій, возвратившись въ темницу свою менѣе чувствовалъ болѣзней тѣлесныхъ, чѣмъ душевныхъ мученій. Переломанные члены его, вырванные ногте и ручные ногти, раздавленные щипцами пальцы — все сіе ничего не значило въ сравненіи возмущенія духа его и страховъ. Онъ зрѣлъ, что судьи рѣшились погубить его, виновенъ ли онъ или нѣтъ. Воспоминаніе претерпѣннаго мученія приводило его въ шрепешъ, онъ ужасался новыхъ пытокъ и рѣшился признаться въ преступленіяхъ своихъ: но вдругъ представившіяся послѣдствія сего признанія колебали его рѣшительность. Въ семъ случаѣ смерть неизбежна и — смерть самая ужасная. Онъ слышалъ приговоръ Машильдинъ, и — не сумѣ-

вался, чтобъ его не осудили на сіе же наказаніе. Онъ спрашился скорого *отпоще* — ужасался погибнуть въ пламени для того, чтобъ попасть въ огонь вѣчный, неугасаемый. Съ трепетомъ измѣрялъ онъ разстояніе свое отъ гроба, и не могъ не чувствовать, сколь страшно наказаніе небесное. Поперявшись въ семъ лабиринтѣ ужасовъ, онъ ввергнулся въ бездну безбожія — ему хотѣлось увѣрить себя, что душа его не можетъ быть бессмертною, что глаза его, однажды закрытые, никогда не раскроются, и что душа его погибнетъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Но и сего мрачнаго увѣренія принять ему было не возможно. Онъ имѣлъ слишкомъ здравый разумъ, чтобъ не чувствовать лжи сего ученія безбожниковъ. Онъ понималъ, чувствовалъ, къ досадѣ своей, существованіе божества. Сіи истинны, которыя нѣкогда составляли утѣшеніе и надежду его, представлялись ему теперь яснѣйшими, поразительнѣйшими — теперь одно воспоминаніе объ нихъ составляло его мученіе: они опровергали мысль безнаказанности.

Разсѣянныя лучами истинны суетныя мечты лживой философіи исчезли — какъ сновидѣнія.

Будучи жертвою мученій, какихъ человекъ переносить бы былъ не въ состояніи, Гиларій ожидалъ дня, въ которой будетъ второй допросъ ему. — Тщешно занимался онъ предпріятіями избѣгнуть настоящаго и будущаго наказанія. — Что касалось до перваго — то зрѣлъ онъ одну невозможность; а опчаяніе заставляло его презрѣть единственныя способы къ избѣжанію послѣднихъ. Въ минушу, когда разумъ принуждалъ его признати существованіе Бога, виновная совѣсть его заставляла его сомнѣваться о безконечномъ милосердіи Всевышняго. Онъ не могъ и вѣришь, чшобъ такой, какъ онъ грѣшникъ, могъ получить прощеніе. Не отъ заблужденія происходило сіе — невѣжество не могло бытъ шупъ предлогомъ: прежде нежели пустился онъ въ преступленія, Гиларій свѣщивалъ оныя — зналъ всю тяжесть оныхъ; но и сіе не отвратило его отъ беззаконія.

„Прощенія!,, вскричалъ онъ въ бешенствѣ: — нѣтъ для меня прощенія!,,

Въ семъ ужасномъ зазрѣніи, вмѣсто того, чтобъ обратиться къ раскаянію, чтобъ оплакивать пороки свои, чтобъ во всѣ часы, оставшіеся ему, умолять милосердіе Божіе — онъ предался всей жестокости своего отчаянія. Онъ спрашился не преступленій; но наказанія. Горесть его излещала во вздохахъ, въ шестныхъ жалобахъ, въ злословіи и блядословіи. Когда къ малому дневному свѣту, продающемуся къ нему въ пемницу сквозь рѣшотокъ, присоединялся слабой свѣтъ лампы — страхи его умножались, мысли его спановились мрачнѣе, горестнѣе. Онъ прешпалъ появленія солнечнаго. Едва глаза его, удрученные бдѣніемъ и слезами, закрывались, какъ распроенное воображеніе его одушевляло фаншомы, кошорыми онъ въ продолженіе дня занимался. Сѣрныя пропасши окружали его — отвращительные чудовища, разкаля горящія печи, бросали его поперемякамъ въ оныя. Здѣсь, между сими фаншонами онъ зрѣлъ шѣнь

Эльвирину и Аншоніи — слушалъ упреки ихъ, внималъ, какъ онъ рассказывали ужасныя его преступленія демонамъ опшрапительнымъ, какъ просили онъ умножить его наказаніе. Сіи мрачныя предметы преслѣдовали его въ продолженіе его успокоенія и — оставляли тогда шокмо, когда разбудилъ его чрезмерность горести. Съ испуганнымъ лицомъ, съ блуждающими взорами, съ холоднымъ потомъ на лицѣ своемъ, скоро вспавалъ онъ съ земли — съ постели своей. Мрачная существенность занимала мѣсто сихъ ужасныхъ привидѣній. Широкии шагами прохаживался онъ по заключенію, озирая съ ужасомъ мрачность, царствующую вокругъ его.

„Ухъ! какъ ужасна ночь для злодѣя! часто вскрикивалъ онъ.

День второй пытки приблизился. Его принудили принять кордіалу, для подкрѣпленія силъ своихъ, для удобнѣйшаго и доужайшаго допросу. Подъ вечеръ дня, предслѣдующаго сему ужасному дню, страхъ препятствовалъ ему успокоиться. Ужасъ его почти совершенно погасилъ

моральныя его способности. Погрузившись въ мрачную окаменѣлость, онъ сидѣлъ возлѣ стола, на которомъ стояла лампада. Опчаяніе опнімало у него даже способность и мыслишь. Онъ проводилъ нѣсколько часовъ не могши ни говорить, ни двигатъся, ни размышлять.

„Подними глаза, Гиларій! сказалъ ему голосъ, коего тоны были ему знакомы.

Монахъ удивился, бросилъ печальной взглядъ и — увидѣлъ Машильду. На ней не было монашескаго плащя. Женская, богашая, красивая одежда покрывала ее; драгоценные камни повсюду блиспали на ней, розовая гирлянда украшала ея волосы. — Въ правой рукѣ она держала книжку. Живое выраженіе удовольствія блиспало въ чертахъ ея; но въ нихъ примѣшивался нѣкоторой родъ гордой важности, которая, не понравившись монаху, обуздала его восхищеніе, въ которое пришелъ онъ при первомъ на нее возрѣніи.

„Ты здѣсь, Машильда! сказалъ онъ наконецъ: какъ ты зашла сюда? гдѣ твои цѣпи? что значитъ это великолѣпіе и

что означаетъ радость, блистающая въ глазахъ твоихъ? не уже ли смягчились Судьи наши? Естьли какая нибудь надежда избѣгнуть? Отвѣчай мнѣ, прошу тебя: скажи, спрашиться или надѣяться долженъ я?»,

„Гиларій! отвѣчала она съ презрительною важностію — я избѣгла жестокостей инквизиціи, я на свободѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ безчисленное разстояние раздѣлитъ меня съ тобою; но я дорого заплашила за вольность сію — ужасною цѣною ее купила я. Осмѣлишься ли ты дать подобную? Гиларій, осмѣлишься ли безъ препета переступить за границы, которыя отдѣляютъ человека отъ существъ невещественныхъ? Ты молчишь, ты смотришь на меня безпокойными и подозрительными взорами. Я чапаю мысли твои. Ты не обманываешься. Справедливо, Гиларій! я все отдала за жизнь и вольность. Я отреклась отъ Бога, отдала себя во власнь демоновъ. Конечно это. Да и естьлибы мнѣ возможно было паки возвратиться на прежній постъ свой, то я совершенно бы отъ

шого отказалась. Ахъ! мой другъ! издыхать въ страшныхъ мученіяхъ, умереть подъ проклятіями и ругательствомъ; переносить бѣшенство черни, глотать стыдъ, униженіе, безславіе. Нѣтъ! кто можетъ даже подумать о семъ безъ трепета? Впрочемъ я благословляю поступокъ свой. Я получила за цѣну отдаленной и сумнительной будущности настоящее вѣрное щастіе. Я сохранила жизнь, которую поперяла бы въ ужасныхъ мученіяхъ, доставила себѣ средство — наслаждаться по своему хотѣнію сею веселою жизнью. Адскіе духи повинуются мнѣ такъ, какъ своему начальнику. Благодаря ихъ стараніямъ, я буду препровождать остатокъ дней своихъ въ упокоеніи нѣги и роскоши. Безъ горести, безъ препятствія буду наслаждаться всѣми чувствственными удовольствіями. Я удовольствую спрасьямъ своимъ и — если только онѣ прищупятся, то я прикажу невольникамъ своимъ изобресть новыя удовольствія и — произвести во мнѣ новыя спрасши. Я нешерпѣливо горю лепѣшь,

упопребить въ пользу власшь свою — хочу видѣшь себя на свободѣ. Ничто бы меня не удержало въ сихъ печальныхъ жилищахъ, кромѣ надежды принудишь тебя послѣдовать моему совѣшу. Гиларій! я еще люблю тебя. Наши заблужденія, общія наши опасности сдѣлали тебя драгоцѣннѣе моему сердцу и — я хочу изпоргнуть тебя отъ угрожающей тебѣ опасности. Теперь призови на помощь всю свою рѣшительность, опрекись для насъ происходящихъ и несомнѣнныхъ выгодъ какъ надежды спасенія неизвѣстнаго и труднаго, а можетъ быть и невозможнаго. Оставь народныя предразсужденія, оставь Бога, который тебя оставилъ, и вознесись къ достоинству выше сихъ существъ.,,

Она замолчала и ожидала отвѣта отъ размышляющаго монаха.

„Машильда! сказалъ онъ по долгомъ молчаніи низкимъ и шрепещущимъ голосомъ, за какую цѣну получила ты вольность свою?,,

„За свою душу, Гиларій! отвѣчала она вольнымъ и швердымъ голосомъ.

„Нещастная женщина! что ты сдѣлала? Еще нѣсколько лѣтъ жизни твоей и — послѣ что съ тобою будетъ? Какія ужасныя мученія! - - - „

„Слабый человекъ! еще ночь — и послѣ какія будутъ твои мученія! не ужель позабылъ ты о шѣхъ, которыя претерпѣлъ! завтра они будутъ еще жесточе. Можешь ли ты вообразить муки, ощущаемыя въ пламени? Чрезъ два дни привяжутъ къ столбу тебя. Что тогда съ тобою будетъ? Не уже ли ты еще осмѣливаешься ласкаться милосердіемъ Божескимъ? Не уже ли еще ты мечтаешь о своемъ спасеніи? Подумай о своихъ преступленіяхъ, подумай о своемъ своевольствѣ, развратности, жестокости, о лицемѣрствѣ своемъ! подумай о невинной крови, которая вопіетъ на небо, умоляетъ небесное мщеніе — можешь ли ты послѣ сего ласкаться прощенія? Надѣйся, надѣйся взойти на небо, уповай тамо въ радостяхъ, въ уединенныхъ кущахъ присносущныхъ! безумный, открой глаза! Геларій, посмотри и будь уменъ! адъ тебя ожидаетъ. Ты

погибѣ. Уже пламенные пропасти разверзлись пріять тебя по выходѣ изъ гроба. Не уже ли еще тебѣ хочется спѣшить, ускоришь ходъ свой въ неизбежную геенну. Не уже ли ты хочешь ускоришь свое бѣдствіе вмѣсто умедленія. Не уже ли хочешь бѣжать въ пламя, когда еще имѣешь время насладиться жизнью? Это глупость! сумасшествіе! Нѣтъ, нѣтъ! Гиларій! убѣжимъ лучше отъ гнѣва Божескаго, вмѣсто того, чтобъ идти къ нему на встрѣшеніе! Повѣрь мнѣ, купи минувнымъ усиліемъ щастіе многихъ годовъ. Наслаждайся настоящимъ и позабудь, что намъ угрожаетъ въ будущности.

„Машильда, твои совѣты гибельны. Я не могу, я не смѣю принять ихъ. Я не хочу отрещись отъ своихъ правъ на спасеніе. — Преступленія мои велики—но Богъ милосердъ, и я не опчаяваюсь въ своимъ прощеніи. „

„Такъ вошъ твое рѣшеніе? Хорошо! мнѣ ничего болѣе не осталось сказать тебѣ. Я лечу къ радости и вольности.

Я оставляю тебя смерти и вѣчнымъ мученіямъ. „

„На одну минушу, Машильда, на одну минушу! Ты повелѣваешь адскими духами; ты можешь опворить двери пемницы моей, ты можешь распоргнуть цѣпи мои. Избавь меня, заклинаю тебя, изведи меня изъ ужасныхъ мѣспъ сихъ. „

„Ты опъ меня просишь невозможности. Мнѣ не позволено вспомогать ни духовнымъ, ни служителямъ Божескимъ — опрекись опъ сихъ шишлѣ и — разполагай мною. „

„Я не хочу погубить души своей. „

„Такъ упорспвуй же! Когда ты будешь на коспрѣ, тогда познаешь свое заблужденіе и раскаяваясь — но уже поздно — захочешь избавишься; но тогда уже не будетъ времени. — Впрочемъ еспьли ты образумишься предъ роковымъ часомъ, то вошъ тебѣ средство вознаградишь потерю мою. Я оставляю тебѣ книгу. Прочитай четыре первыя строки на седьмой спраницѣ. Духъ, котораго ты уже видѣлъ одинъ разъ, предспанешъ предъ тебя. Еспьли ты

будешь уменъ, мы увидимся, естли же нѣтъ, прощай навсегда.,,

Она опустила книгу на землю. Облако голубовашаго пламени разлилось вокругъ нея. Сдѣлавъ знакъ рукой Гиларію, она исчезла. Минушной блескъ, оставленный пламенемъ въ шемницѣ, рассыпавшись умножилъ мрачность оной. Уединенная лампада едва показала ему мѣсто спула его. Здѣсь бросился онъ, облокотился, подперъ руками голову свою и погрузился въ размышленія.

Онъ еще пребывалъ въ семъ положеніи, какъ нѣкто, отворивъ двери, вывелъ его изъ задумчивости. Ему приказано было явиться предъ главнаго инквизитора. Гиларій вспалъ и медленными шагами послѣдовалъ за шюремщикомъ. Его препроводили въ ту же самую залу предъ тѣхъ же судей и — снова спрашивали его, хочетъ ли онъ признашья. Онъ повторилъ, что за нимъ никакого нѣтъ пресупленія, и что ему не въ чемъ признаваться. Но когда приказано было пытать его, когда онъ увидѣлъ приугоповленные инструменты и

машины, когда увидѣвъ гонимыхъ къ исполненію палачей, когда вспомнилъ прошедшее мученіе — бодрость его оставила; забывъ о послѣдствіяхъ своихъ признаній, и занимаясь токмо избѣжаніемъ угрожающаго наказанія, учинилъ проспранное признаніе въ прошедшихъ порокахъ, и не токмо признался въ преступленіи, въ которомъ его обвиняли; но и въ тѣхъ, въ которыхъ его и не подозревали; на вопросъ же: гдѣ Матильда? онъ отвѣчалъ, что предалась она сатанѣ, и что побѣгомъ своимъ обязана она діаволу. Увѣрялъ судей своихъ, что онъ самъ никогда и ни въ какую связь не вступалъ съ адскими силами. Но новыя угрозы пытокъ принудили его признасться, что онъ волшебникъ, еретикъ и все то, чего токмо хотѣли инквизиторы. По семъ признаніи произнесли рѣшеніе — приказали ему приуготовляться къ *отодафе*, долженствующему быть того вечера въ полночь. Сей часъ былъ назначенъ для того, что ужасъ пламени, усугубляемый мрачностью ночи, болѣе возымѣшъ дѣйствія надъ чернью.

Гиларій болѣе мертвъ нежели живъ остался одинъ въ темницѣ своей. Минута, въ которую произнесли сей ужасной приговоръ — была минушою, какъ казалось, смерти. Онъ не могъ безъ препеня подумать о томъ, что будетъ съ нимъ на другой день. Полночь приближалась — страхи его умножались. Иногда онъ хранилъ глубокое молчаніе, иногда приходилъ въ неистовство, ломалъ руки и проклиналъ день своего рожденія. Въ одну изъ сихъ минутъ глаза его упали на мистической подарокъ Машильды — отчаяніе его укротилось, быстро смотрѣлъ на книгу, схватилъ ее и — вдругъ отбросилъ ее съ препенемъ. Широкими шагами ходилъ онъ по комнатѣ — по томъ остановился — бросилъ бѣглый взглядъ на мѣсто, гдѣ лежала книга, паки остановился и — взялъ ее вторично. Нѣсколько времени оставался онъ въ недоумѣніи — хотѣлъ употребить чары и страшился дѣйствія оныхъ. Онъ развернулъ книгу; но смущеніе его столь было велико, что онъ тщетно сначала искалъ сказанной стра-

ниды. Удивившись своей слабости, онъ призвалъ бодрость свою, открылъ седьмую страницу и—громко читалъ строки оной; но глаза его непроизвольно отворачивались отъ книги, они блуждали вокругъ его и искали духа, котораго желалъ и спрашивался увидѣть. Впрочемъ онъ пребылъ твердъ въ своемъ намѣреніи. Трепещущимъ и часто прерывающимся голосомъ наконецъ дочиталъ онъ первые четыре строчки на страницѣ.

Они были написаны на языкѣ совершенно ему неизвѣстномъ. Едва только произнесъ онъ послѣднія слова, какъ почувствовалъ дѣйствіе очарованія. Сильный громовой ударъ разразился, и стена потряслась въ своемъ основаніи. Свѣтъ проникнулъ въ комнату и—спустя минушу среди вихрей и сѣрыхъ дымовъ Люциферъ предсталъ предъ него.—Монахъ не того уже видѣлъ демона, котораго онъ видѣлъ въ присутствіи Машильды, вызвавшей его для лучшаго обману подъ видомъ свѣтоноснаго ангела. — Онъ предсталъ предъ него во всей своей гнусности, которая, по

низверженіи его съ неба, была удѣломъ его. Обожженные члены его имѣли еще на себѣ печать грому Всевышняго. Темная смуглоссть распроспранялась по всѣмъ чертамъ его: долгіе когти вооружали руки и ноги его; глаза его сверкали мрачнымъ огнемъ, копорой наполнилъ бы ужасомъ сердце самое пвердое. Къ мощнымъ широкимъ плечамъ его присоединялись два черныя крыла; на головѣ его, вмѣсто волосъ, живыя змѣи ворочались и извивались вокругъ шеи его съ ужаснымъ свистомъ. Въ одной рукѣ держалъ онъ свершокъ кожи, а въ другой желѣзное перо. Молніи блиспали вокругъ его. Громъ въ повпоряемыхъ ударахъ, казалось, возвѣщалъ преспавленіе свѣта.

Успрашенный привидѣніемъ, какого онъ не ожидалъ, Гиларій успремилъ глаза свои на него, не могши произнести ни одного слова. Громъ ушихъ. Совершенное молчаніе распроспранилось въ шемницѣ.

„Для чего я призванъ?“, Сказалъ демонъ сильнымъ и глухимъ голосомъ.

При сихъ словахъ все вострепещало, земля заколебалась — громъ, ужаснѣйшій п. рваго, раздался и — монахъ стоялъ какъ окаменѣлый; онъ долгое время ничего не могъ отвѣчать ангелу мраковъ.

„Я осужденъ умереть, сказалъ наконецъ онъ слабымъ голосомъ. Кровь хладѣла въ жилахъ его всякой разъ, какъ онъ смотрѣлъ на ужаснаго сего демона.„
Избавь меня, вынеси меня отсюда.„

„Награжденъ ли я буду за трудъ свой? Осмѣлишься ли ты принять мое предложеніе? Будешь ли ты мой и плѣгомъ и душою? Готовъ ли ты отречься отъ Творца своего, которой пострадалъ за тебя? Отвѣчай мнѣ — да, и Люциферъ къ твоимъ повелѣніямъ.„

Не уже ли тебѣ не довольно и меньшей цѣны? Не уже ли не можно тебѣ удовольствоваться всѣмъ, кромѣ вѣчной моей гибели? Духъ! ты просишь слишкомъ много. Впрочемъ извлеки меня изъ темницы; послужи мнѣ одинъ часъ и — я буду твой на тысячу лѣтъ. Довольно ли тебѣ? „

„Нѣтъ! надобно, чтобъ душа твоя была моя навѣки — навѣки, слышишь ли ты? „

„Ненаesyшимой дьяволъ! я не хочу подвергнуть себя вѣчному наказанію. Я не хочу отрѣшиться отъ надежды получить нѣкогда прощеніе. „

„Ты не хочешь? На какой же химерѣ основываются надежды твои? Слѣпой смертной! бѣдной безумцу! не преступникъ ли ты, не безчестенъ ли ты въ глазахъ ангеловъ и смертныхъ? преступления сего рода могутъ ли прощены быть? Не уже ли ты надѣешься избѣгнуть изъ рукъ моихъ? Участь твоя рѣшена: Предвѣчный оставилъ тебя. Ты въ книгѣ судебъ назначенъ быть моимъ — надлежитъ, чтобъ ты непременно былъ моею добычею. „

„Не правда, сатано! благость Божія безконечна! и кающійся грѣшникъ всегда удостоивается прощенія. Преступленія мои велики; но я не отчаяваюсь. Можешь быть нѣкогда, когда изгладятся они — „

„Изглядяся! — развѣ для такихъ преступниковъ сотворено чиспилице? Неужели ты ласкаешься, что грѣхи твои будутъ прощены за *Отче нашъ* нѣкоторыхъ монаховъ и богомольцевъ? Образуясь, Гиларій! ты мой! ты осужденъ бышь жертвою огня вѣчнаго! но ты еще можешь опдалить минушу вѣчной своей гибели. Подпишись на этой кожѣ и — я извлеку тебя опсюда; остатокъ дней твоихъ будетъ пропекашь вѣ радости, удовольствіи, спокойствіи и вольности. Тогда ты можешь наслаждаться своимъ существованіемъ, предаваться всѣмъ удовольствіямъ, могущимъ удовлетворить тебѣ; но ты долженъ помнить, что душа твоя по исходѣ изъ тѣла твоѣ принадлежать будетъ, я не позабуду увлечь ее съ собою.

Монахъ молчалъ; но взоры его показывали, что слова обаяшеля не мимо упали. Предложеніе сіе его устрашало. Съ одной стороны онъ зрѣлъ себя вѣ аду, и что, опвергнувши демоновы услуги, онъ только ускоритъ вѣчныя мученія. — Духъ злый зрѣлъ, сколь онъ потрясѣ

его и — возобновилъ свои наставленія, изобразилъ черными красками — въ ужаснѣйшихъ видахъ спрѣданіе смерти, отъ которой онъ умереть былъ долженъ, и — столь хорошо умѣлъ воспользоваться его отчаяніемъ и страхами, что онъ рѣшился подписаться. Желѣзнымъ перомъ духъ пымы прокололъ жилу на лѣвой рукѣ у монаха — обмакнулъ перо, подалъ его Гиларію и — несчастный, положившій кожу предъ собой на столикѣ, приготоовился подписывать; но вдругъ — отдернулъ руку свою, вспалъ — и отбросилъ перо діавола.

„Что я дѣлаю? вскричалъ онъ. Оставь меня, поди! обратившись къ духу сказалъ онъ.—Я не подпишу сей кожи.,,

„Безумецъ! вскричалъ демонъ, бросивъ на него ужасный взглядъ, такъ-то ты играешь мною! хорошо! пусть будетъ такъ! умирай на кострѣ! издыхай въ бѣшенствѣ! ты тогда узнаешь благость Всевышняго! Но спрашисъ болѣе смѣяться надо мною! не призывай меня никогда, если ли ты не рѣшишься! Если я приду въ другой разъ по пустому, то — то раздери

тебя этими когтями на мелкие кусочки. Говори! хочешь ли подписаться? „

„Нѣтъ! оставь меня! пооди! „

Вдругъ ужасный громъ раздался— земля задряслась, темница наполнилась криками отвратительными и — духъ исчезъ, произнося тысячу проклятій.

Въ первую минушу монахъ радовался, что не подпалъ искушенію лукаваго, и что возторжесшвовалъ надъ врагомъ рода человеческого; но часъ наказанія приближался и — страхи его умножались. Быстрая ихъ прерывчивость только что придавала имъ новую силу. Чѣмъ болѣе минутъ прошекало, тѣмъ болѣе страхи его возрастали; онъ шрепешалъ явиться предъ шронъ Предвѣчнаго, свергнуться въ бездну безконечности, ужасался встрѣшить раздраженные взоры Бога справедливаго, коего онъ споль оскорбилъ. Часы были полночь. Въ этотъ часъ надлежало ему идти на костеръ. Въ первой ударъ колокола кровь настоятеля охладѣла. Смерть и мученія, казалось, взывали въ каждомъ изъ двенадцати ударовъ. Онъ мнилъ видѣшь входящихъ служителей

Инквизиціи. Часы пробили и — онъ въ отчаяніи схватилъ волшебную книгу, открылъ ее, переворачивалъ листы съ скоростію, дошелъ до седьмой страницы и такъ какъ бы онъ страшился своихъ размышленій, бѣгомъ прочиталъ четыре первыя роковыя строки и — Люциферъ, въ прежнемъ ужасо-отвращительномъ образѣ своемъ, предсталъ предъ него.

„Ты меня призвалъ, сказалъ сатана, образумился ли ты? Согласился ли ты на мои условія? — Ты ихъ уже знаешь. Отрекись отъ своихъ правъ на искупленіе. Отдай мнѣ душу свою и — я извлеку тебя въ сіе же мгновеніе изъ темницы. Еще есть время! рѣшись! скоро будешь поздно. Хочешь ли подписаться?“

„Должно! — я принужденъ! — я принимаю твои условія. —“

„Подпиши же кожу сію! возразилъ демонъ съ ядовитою улыбкою.

Контрактъ и окровавленное перо лежали на столикѣ. Гиларій приблизился. Онъ приготоувился подписать имя свое. — Но минутное размышленіе удержало руку его.

„Слышишь! сказалъ соблазнитель: идушь! рѣшись! подпиши кожу поскорѣе и — я тебя вынесу.„

Здѣсь въ самомъ дѣлѣ слышанъ былъ шелестъ полицейскихъ, идущихъ препроводить Гиларія на костеръ. Шорохъ сей рѣшилъ монаха.

„Что содержишь сіе писаніе?

„Что ты отдаешь мнѣ свою душу навѣки! подпиши и — я понесу тебя!„ Гиларій взялъ перо, поставилъ его на кожу. Бодрость его паки исчезла. Онъ чувствовалъ, что сердце его хладѣло отъ неизвѣстнаго ужаса и — онъ впо-рично отбросилъ перо вражіе.

„Подлой, глупой человѣкъ! вскричалъ бѣшенный демонъ, кончишь ли ты свои дурачества? Подпиши сію кожу или — я разорву тебя!„

Въ сію минушу опирали замокъ наружной двери. Арестантъ слышалъ звукъ цѣпей — слышалъ глухой стукъ упавшихъ поперечниковъ. Полицейскіе должны были войти къ нему черезъ минушу. Устрашившись до испугленія близкою опасностію, прелеща отъ при-

ближенія смерти, внимая съ ужасомъ угрозамъ демонскимъ, и не видя другаго средства избавишься отъ гибели, несчастливецъ рѣшился, подписалъ роковой контрактъ и подалъ его дьяволу, котораго взоры при семъ заблестали адскою радостію.

„Возьми, сказалъ несчастной: теперь избавь меня! извлеки меня отсюда!,,

„Постой! опречаешься ли ты отъ Отца и Сына предвѣчнаго?,,

„Опречаюсь, опречаюсь!,,

„Отдаешь ли ты мнѣ душу свою навѣки!,,

„Навѣки! навѣки!

„Безъ обращенія, безъ отговорки? безъ будущаго прибѣжища къ милосердію Божію?,,

Послѣдняя цѣпь спала съ темничной двери — ключъ былъ уже вложенъ.

„Я твой! навсегда твой! вскричалъ пораженный ужасомъ. Я отказываюсь отъ правъ на искупленіе. Послушай! послушай! идушъ! избавь же меня! извлеки меня! ,,

„Я успѣлъ! ты мой безъ возвращенія; я выполнилъ свое обѣщаніе!,,

Между тѣмъ, какъ онъ говорилъ сіе, дверь отворилась, и — демонъ, схвативъ за одну руку Гиларія, простеръ широкія крылья свои, и поднялся съ нимъ на воздухъ. Своды разверзлись — дабы дать дорогу ему и зашворились по ихъ выходъ.

Тюремщикъ удивился, не нашедши своего арестанта. Хотя ни онъ, ни полицейскіе не видѣли его побѣга; но по сѣрному запаку, разлившемуся въ темницѣ, заключили о его похищеніи. Они въ ту же минуту отпрапортовали великому Инквизитору. Вскорѣ слухъ разнесся въ городъ, что волшебникъ унесенъ дьяволомъ. Въ продолженіе нѣкоторыхъ дней ни о чемъ болѣе не говорили въ Мадридѣ — но вскорѣ сдѣлались новыя приключенія — новые слухи заняли общества и — Гиларія позабыли совершенно, забыли даже существовалъ ли онъ.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило, монахъ, поддерживаемый адскимъ духомъ, разсѣкалъ воздухъ съ быстрой спрѣлы; въ нѣсколько минутъ онъ увидѣлъ

себя на краю одной глубочайшей изъ пропастей Сіеры-Морены.

Изторгнувшись изъ кожшей Инквизиціи, Гиларій не вкушалъ однакожь щастія свободы. Печальной контрактъ тяжель на его воображеніи. Все то, что съ нимъ случилось, столь сильно его поражало, что душа его совершенно отъ того разспроилась. Окружающіе его предметы, на которыхъ время отъ времени скользила луна изъ-заоблакъ, не могли доставить ему спокойствія, въ которомъ онъ имѣлъ величайшую нужду. Разспроенность его воображенія умножилась еще болѣе отъ мѣста, въ которомъ онъ находился: онъ зрѣлъ со всѣхъ сторонъ мрачныя пещеры, крутые утесы, которые, возвышаясь одинъ надъ другимъ, скрывали вершины свои въ облакахъ. Нѣсколько уединенныхъ деревъ было разсѣяно въ отдаленности. Вѣтеръ, продираясь сквозь густыя ихъ листья производилъ однозвучный свистъ, сопровождаемый по временамъ пронзительнымъ крикомъ орловъ, возрожденныхъ въ сихъ пустыняхъ. Снѣжныя рѣ-

ки ревѣли, низвергались въ пропасти и сливались въ узкое озеро, котораго глубокія воды отражали свѣтъ луны къ подошвѣ того утеса, на которомъ находился Гиларій. Нещасный съ удивленіемъ озирался вокругъ себя — возлѣ него стоялъ страшный вождь его, бросающій ему злокозненные взоры радости и презрѣнія.

„Куда ты завелъ меня. Сказалъ наконецъ монахъ препенущимъ голосомъ. Для чего въ сихъ ужасныхъ мѣстахъ. Выведи меня отсюда, проводи меня къ Машильдѣ.

Духъ не отвѣчалъ — онъ шокмо смотрѣлъ на него.

„И такъ онъ мой! сей образецъ благочестія! сіе существо добродѣтельное! сей смертной, коему удивлялись ангелы! онъ мой, мой навѣки! Сопрудники моихъ нещасній! адскія силы! какъ вы обрадуешься моею побѣдою!,,

Онъ остановился. По томъ оборотившись къ монаху.

„Тебя препроводить къ Машильдѣ, продолжалъ онъ повторяя, Гиларіевы сло-

ва. Нещасный! ты скоро будешь съ нею, ты заслужилъ бышь возаъ нея; самъ адъ не вмѣщаетъ въ себѣ столь великаго какъ ты преступника! Внимай, Гиларій! Теперь я обнаружу твои преступления. Ты пролилъ кровь двухъ невинныхъ! Антонія и Эльвира, погибли ошъ руки твоей! — Сія Антонія, которую расплилъ ты — была сестра твоя. Сія Эльвира, которую убилъ ты — была мать твоя. Трепещи, гнусной лицемеръ! жестокой убійца! сладострастный прелюбодѣй! трепещи великости своихъ преступлений! и — это ты! ты, копторой думалъ вознести себя превыше слабостей человѣческихъ, превыше порока и заблуждений! Добродѣтель ли — гордость? Не порокъ ли — безчеловѣчье? Знай! человекъ щеславный и малозначущій! я давно вознамѣрился сдѣлать тебя своею добычею. Я зрѣлъ, что ты добродѣтеленъ изъ одного щеславія, а не по закону — я воспользовался минутою щасливою, чшобъ обольстить тебя. Я зрѣлъ слѣпое твое обожаніе поршреша Мадоны. Я приказалъ духу второй сше-

пени, но хитрому и обманчивому взять на себя изображеніе портрета сего и — ты удобно попалъ въ сѣти Машильды. Гордость твоя живо прогласилась похвалами ея, сладострастіе твое ожидало шокмо случая для своего удовлетворенія; ты слѣпо упалъ въ бездну, безъ разборчивости впадалъ въ такое преступленіе, которое въ другомъ проклиналъ безъ милосердія. Я едва успѣвалъ предлагать тебѣ поползновеніе на преступленія! вошъ какъ скоро исполнялъ ты оныя. — Это я встрѣтилъ тебя съ Машильдою, я вспомоществовалъ тебѣ войти въ комнату Антоніи, я подаль тебѣ кинжалъ, которымъ ты убилъ сестру свою, я увѣдомилъ во снѣ Эливиру о предпріятіяхъ на дочь ея; это я возпрепятствовалъ тебѣ воспользоваться сномъ Антоніи, принудилъ тебя присокупить убійства и безчестіе къ множеству твоихъ преступленій. — Внимай Гиларій! естлибы ты хотя одну минуту пробылъ въ шемницѣ — ты спасенъ бы былъ и шѣломъ и душою. Служители, которыхъ ты слышалъ у дверей,

шли обѣявить тебѣ прощеніе. Но я предускорилъ. — Мое предпріятіе свершилось! ты мой! само небо не можетъ вырвать тебя изъ рукъ моихъ. Не думай, чтобъ когда нибудь раскаяніе твое насъ разлучило. Нѣтъ, вотъ подписка твоею кровію. Ты совершенно опрекся опъ милосердія Божескаго и — ничто не можетъ возвратитъ тебѣ права на искупленіе.

Не уже ли ты думалъ, что мнѣ неизвѣстны мысли твои. Нѣтъ, я видѣлъ насквозь тебя. Ты надѣялся имѣть еще время къ раскаянію. Я зналъ твое намѣреніе и — захопѣлъ обмануть обманщика. Ты мой безъ возвращенія. Теперь мнѣ хочется повеселиться тѣмъ, что мнѣ принадлежитъ. Знай! ты не сойдешь живой съ утесовъ сихъ.,,

Въ продолженіе сего разговора, Гиларій, окаменѣвши опъ ужаса и удивленія, не смѣлъ произнести ни одного слова. Но послѣднія слова возбудили его.

„Я не сойду живой съ утесовъ сихъ? Вѣроломный, что ты говоришь? Развѣ забылъ ты нашъ уговоръ?“

Злокозненный духъ отвѣчалъ презрительною улыбкою.

„Уговоръ нашъ? развѣ я не исполнилъ свое обязательство? Не обѣщаль ли я тебя изхитить изъ темницы? не сдѣлалъ ли я это? Не въ безопасности ли ты отъ инквизиціи, отъ всего свѣта, выключая меня? Безумный! вѣришь дьяволу! для чего ты не уговорился со мною объ жизни и объ удовольствіяхъ? — Я бѣ это для тебя могъ тогда сдѣлать. Но теперь поздны твои размышленія. . . Злодѣй! приготовляйся къ смерти! недолго жить тебѣ!,,

При семъ приговорѣ несчастный упалъ на колѣни, воздѣвъ къ небу руки свои, и духъ прочелъ помышленія его и предупредилъ ихъ.

„Какъ! вскричалъ онъ, бросивъ на него страшный взоръ, и ты смѣешь умаливать Божіе милосердіе. Не уже ли ты хочешь припворяться въ раскаяніи и возобновишь роль лицемеръ? Несчастный, оставь вовсе надежду прощенія! вошъ какъ я увѣряюсь въ своей добычѣ! ! !

Говоря сіе онъ схватилъ кохтями своими за волосы настоятеля и поднялся превыше скалы. Далекѣ въ горахъ повпорялись крики Гиларія. Демонъ парилъ быспро, и вознесшись въ безмѣрную вышину, выпустилъ жертву свою. Монахъ, оставленный въ воздухѣ, упалъ на выдавшійся камень скалы — капился изъ пропастей въ пропасти, пока наконецъ разшерзанный, съ переломанными членами остановился онъ на берегу одного источника. Жизнь — не погасла еще въ разбитомъ тѣлѣ его. Тщешно старался онъ подняться; вышедшіе изъ мѣстъ своихъ и измозженные члены его не могли служить ему. Онъ не могъ оставить того мѣста, гдѣ лежалъ. Солнце освѣщило полушаріе и — лучи его прямо ударили во главу издыхающаго грѣшника. Тысячи насѣкомыхъ, возбужденныхъ теплотою, сосали кровь, текущую изъ ранъ Гиларія. — Онъ не могъ ни двигаться, ни согнать ихъ; они впились въ раны его, производили новыя, и покрывъ его своимъ множествомъ, зашавили его прешерпѣвашь мученія ошъ

каждаго угрызенія. Орлы горныя раздирали на куски шѣло его и выгнувшимися носами своими выклевали зрачки глазъ его. Онъ слышалъ шумъ водъ, протекающихъ мимо его и — не могъ до шать оной для утоленія жажды, пожигающей его внутренность. Слепой, неистовый, отчаянный, изрыгающій бешенство свое въ проклятіяхъ и блядословіи на существованіе свое, и спрасся однакожь смерти, которая предастъ его вѣчнымъ мученіямъ, онъ превелъ такимъ образомъ шесть цѣлыхъ дней. На седьмомъ возспала буря. Вѣтры въ неистовствѣ потрясали горы, изшоргали деревья. Небо покрылось пламенными облаками; дождь ручьями упалъ на землю, пошокъ наполнился, выступилъ изъ береговъ своихъ — волны достигли до Гиларія и — въ бѣгу своемъ увлекли въ океанъ трупъ несчастнаго монаха.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ
ЧАСТИ.

Въ книжныхъ лавкахъ купца Ивана Глазунова, въ Гостиномъ дворѣ по суконной линіи, отъ воротъ въ первой лавкѣ подъ Но 15 мѣ, и пройдя Гостиного двора зеркальной линіи подъ Но 18, 21 и 22 мѣ продается слѣдующая книга:

Образованіе древнихъ народовъ, сочиненная Дандреемъ Бардономъ, содержащее: обычаи духовные, гражданскіе, домашніе и воинскіе: Грековъ, Римлянъ, Израильянъ, Евреевъ, Египтянъ, Персовъ, Скиѳовъ, Амазонокъ, Парѳовъ, Даковъ, Сарматъ и другихъ восточныхъ и западныхъ народовъ и проч. перевезенное съ Французскаго, изданное при географическомъ Кабинетѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Департаментъ, въ 4 хъ томахъ, въ большую четвертую долю листа, съ 370 ю искусно - выгравированными картинами. Сочинитель книги сей, упоминаемый г. Бардонъ, Профессоръ Парижской Королевской Академіи, живописи и рѣзбы, непремѣнный Директоръ Академіи Марсельской и членъ Академіи наукъ, знаній и художествъ, въ нѣсколькихъ стахъ чертежей, совокупляетъ великое множество предметствъ, разсѣянныхъ въ безконечномъ множествѣ книгъ, и сверхъ мыслей художниковъ и древнихъ памятниковъ, заключаетъ книга

— —

сія такія рѣдкости, кои трудно отыскашь въ другихъ мѣстахъ, таковы напримѣръ суть: обряды изложенныя основываясь на подробныхъ повѣствованіяхъ знаменитыхъ историковъ; собранія изображеній, представленные слѣдуя отличнымъ художникамъ; разныя любопытныя изысканія, сообщенныя сочинителю отъ пріятелей, шрудившихся въ обрѣщеніи оныхъ во многихъ городахъ Италіи; при томъ изъясненія, писанныя имъ на каждый чертежъ, обогащены приведеніемъ исторій, критическими разсужденіями, наблюденіями, относящимися до живописи и рѣзбы; и наконецъ сочинитель, стараясь соединить въ сей книгѣ все то, что можетъ быть полезно для свободныхъ художествъ, предлагаетъ здѣсь рисунки наилучшихъ вещей, найденныхъ въ древнемъ городѣ Геркуланѣ, съ историческимъ извѣстіемъ о самомъ городѣ. — Столь обширное предпріятіе исполнено имъ такъ, какъ человекомъ, который соединяетъ въ себѣ вкусъ къ художествамъ со склонностію къ свободнымъ наукамъ. Цѣна сей книги за всѣ 4 тома, на бѣлой бумагѣ, безъ переплета 50 рублей, въ переплетѣ 60 рублей. — Иногородные прилагаютъ сверхъ означенной цѣны за почтовую пересылку по 2 копейки на 1 рубль на каждыя 100 верстѣ.
